СЕРГЕЙ ПЛОТНИКОВ

ТЕХНИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ

FANTASY WORLD

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ещё вчера твоя жизнь была расписана на несколько лет вперёд, и всё было если не «в шоколаде», то близко к тому. Словно сбылась мечта: попал в другой мир, обрел вторую юность, при этом сохранив любимую работу. Досадные мелочи вроде необходимости по второму разу закончить школу, были вполне терпимы… Вечером первого июня две тысячи шестнадцатого года привычный и такой стабильный мир провинциального города в сердце великоимперской Монголии разом рухнул, а все те, на кого ты мог опереться в этом мире — погибли или пропали. Чудом, везением было даже просто выжить в рукотворном аду — но ты справился, и даже больше того — сорвал план врага… точнее, одну его часть. Осталось сущая мелочь: понять, что делать дальше? И можно ли вообще что-то сделать с кризисом государственной власти и стремительно приближающейся гражданской войной…

- Сергей Плотников
  - Пролог
  - Часть 1. Туда, не зная куда
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - Интерлюдия
  - Часть 2. Над пропастью
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20

        - Интерлюдия
    - Эпилог
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33

Сергей Плотников
Техническое Решение

Пролог

Тем, кто принял этот бой
Чья жизнь была игрой без правил.
Тем, кто в небо взяв разгон
Судьбу свою на кон поставил.

© Louna, «Штурмуя небеса»

Красива Северная Столица[1] Великой Империи — ох, до чего ж красива! Многие поколения зодчих приложили руки и вложили душу в это великолепие. Более всех постарались, конечно же, ханьцы, испокон веков проживавшие на землях Поднебесной, но не отстали и русские каменных и иных дел мастера, да и многие другие. И подданные Великих Императоров, и гости, пришедшие в Пекин в поисках лучшей доли, признания или просто звонкой монеты. Со всех концов Евразийского континента — потому как не было такого места на суше или на море, куда не достигала слава стольного города многонационального сверхгосударства.

Но было одно место в самом Пекине, словно храм в храме для зодчих и камнетёсов, инженеров и каменщиков, художников и скульпторов, куда каждый нашедший работу в самом городе мечтал попасть. Святое в святом, великое в великом, сакральное в сакральном — Запретный Город. Резиденция Императора, недоступная для простых смертных, да и для многих непростых — тоже. Надо было привести за собой многотысячную армию, да ещё и в период очередной смуты в Поднебесной, чтобы попасть туда без приглашения — как сделали великий Чингизхан и ещё более великий Иван Пятый Рюрикович. Последнему удалось то, что не удалось воинственным монголам и даже самим китайским правителям: превратить гигантский дворцовый комплекс в уютный и надёжный дом династии Рюриковичей.

Шли века, пределы Великой Империи неуклонно и последовательно раздвигались, включая в дружную семью всё новые народы, даже фамилия правящей семьи переплавилась в жарком горниле времени, но ни разу Запретный Город не предал своих хозяев. Воины и жрецы, монахи и дипломаты, советники и прислуга — все, до последнего дворника готовы были не только служить в своей профессиональной сфере, но и в любой момент отдать жизнь за своих властителей. Разумеется, это было заслугой не только божьего промысла, но и скромных неприметных людей, что жили и работали в одном из зданий недалеко от покоев

императорской семьи. Согласно раз и навсегда утверждённому порядку, в доме том всегда красили внешние стены жизнеутверждающей, небесного оттенка лазурной краской…

Время безжалостно. Подтачивает и рушит всё, даже незыблемые на взгляд смертных горы не могут противиться его воле. Только человеческие руки могут остановить, повернуть вспять разрушения — противопоставить созидание неумолимым законам природы. Но человек сам подвержен этим законам — если оступится, кто поддержит его самого? На рубеже последнего в тысячелетии века пала абсолютная монархия. Не стали Рюриковы-Хе Мин жадно вцепляться в свои привилегии — наоборот, Император протянул своему народу открытую ладонь, предложив взять причитающееся по праву, но до времени сберегаемое в руках императорской семьи. Власть. А Наместнику, потомку самого первого Наместника Петра Великого Николаю, отдал последний приказ в качестве единоличного хозяина всех имперских земель: сформировать переходное правительство, что эту власть способно принять, и выбрать затем новый, более эффективный государственный строй.

Если спросить любого русского, ханьца, монгола, казаха — да кого угодно из числа живущих ныне на имперской земле и пребывающих в совершеннолетнем возрасте, о личности последнего Романова, можно услышать много разных слов, многие из которых отнюдь не будут цензурными. «Разрушил всё, что создал великий предок» — одно из самых мягких высказываний. В школьном учебнике истории говорится немного иначе: «оказался на острие социально-неизбежных событий эпохи перемен и принял их удар на себя». Но любой адепт Пути, особенно Первого, скажет — принять удар можно ой как по-разному! Последний Наместник принял удар, да — деваться было некуда — и не удержал его.

Может, и не случилось бы в стране хаоса: имперские источники того времени говорят — всё шло к тому, что вышло бы государство из неизбежной трансформации в полных своих границах, а то и опять приросло бы землями, ибо «трясло» в ту пору не только гиганта, но и «пигмеев» Евразии. Вот пигмеи и решили укрепиться (пока сами ещё целы), ну и поживиться, разумеется, за счёт ослабевшего колосса… Теперь европейские «знатоки старины» часто говорят: поторопились предки. Нельзя было рвать ещё живого дракона: умершего да чуть протухшего и жевать было бы сподручнее. А так сами сунули себя в его пасть: переваривающему самого себя в агонии чудовищу только и стоило, что шевельнуть пару раз челюстями и сглотнуть. Результат оказался немного предсказуем: если ты по сравнению с

монстром, как мышь рядом с горой — сколько не бей гору, толку — чуть. Хоть рудник в ней выкопай, хоть флаг в макушку воткни — каменному массиву ни жарко, ни холодно. А вызовешь обвал — горе урон, конечно, но тебя самого вообще насмерть засыплет.

Нельзя сказать, что тридцать лет Великой Мировой Войны оказались для Империи сущим благом: миллионы смертей, целое поколение, родившееся и выросшее, чтобы уйти на фронт в полном составе. Однако, по итогам страна смогла пережить потери и извлечь уроки. Более никто, от самовластного потомственного боярина и до нищего бездомного бродячего монаха-даоса не сомневался: без единого лидера государству никак нельзя. Как не может быть двух капитанов на корабле, так и у имперской мультинации не может быть более одного вождя! Другое дело, что не может один человек отвечать сразу за всё и за всех, пока не случится большой беды, когда надо собрать все силы под единым началом. Ну или выражаясь языком законотворцев, в Великой Империи всенародным выбором была утверждена Конституционная Монархия.

Семьдесят лет креп исцелившийся в битве Дракон, а на обломках Европы уцелевшие в войне страны пытались затянуть полученные раны, с тоской вспоминая прошлое величие и амбиции. Выжженная, набитая смертоносным металлом и костьми павших, не раз и не два в прямом смысле перепаханная снарядами и магически инициированными катаклизмами земля от границ Московской губернии и Петрограда до западных пределов Священной Римской Империи вновь зазеленела и стала родить хлеб. Могучее оружие, использующее принцип распада и синтеза материи, казалось, навсегда поставило точку в новых глобальных конфликтах. Не капризная магия, не доблесть сжимающих в руках оружия солдат стала гарантом мира, а страх взаимного и бессмысленного гарантированного уничтожения. Мнилось, что каждый из окончательно сформировавшихся по итогам войны конгломератов — Западный Мир во главе с Соединёнными Штатами Америки и Мир Восточный, великоимперский — пойдёт своим путём, лишь изредка поглядывая на соседа на предмет перенять нечто наиболее удачное из найденных научно-технических или культурных решений…

М-да. Законы истории — неумолимы и, видимо, в какой-то степени объективны. Эпоха стабильности и неизбежного застоя сменяется эпохой перемен, причём раскачивают ту лодку те же, кто, казалось бы, крепит государственную стабильность и благополучие людское. Развитие науки и техники порождает новые средства производства, их используют для получения прибыли купцы и промышленники, непроизвольно меняя этим

само общество. И, пока на планете есть сосед, который может обойти тебя в этой невидимой простому человеку гонке, нельзя просто взять и запретить прогресс, раз и навсегда закрепив наиболее удобное состояние всего. А, значит, с этим соседом придётся рано или поздно что-то решать… Или попытаться, смирившись с неизбежными потрясениями в будущем, поменять само игровое поле. Но какой же «здравомыслящий политик» выберет вместо простого и надёжного опасный и прогрессивный вариант?

Петроград, остров Васильевский, Казённые Хоромы Канцелярии Наместника[2]*, Флигель номер Один, кабинет Его Высокопревосходительства Премьер-Министра Великой Империи.*

Полночь.

Во времена оны кабинет, в котором за столом сидели и, на первый взгляд, непринуждённо пили чай двое немолодых мужчин, считался образчиком скромности, и даже больше того — сурового аскетизма. Почти не украшенные золочёной насечкой мраморные стены, минимум лепнины на потолке (то есть только карнизы по периметру и в центре потолка вокруг люстры), никаких статуй, зеркало — и то одно! Паркет всего из трёх сортов дерева, складывающийся в простенький геометрический рисунок и — немыслимо! — ни одной мозаики. Единственным послаблением владельцев кабинету были ковры да подставки для старинного оружия у одной из свободных стен. Считалось, что наследник Наместника, после совершеннолетия проживающий в Первом Флигеле, чрез самоограничения проникается духом предстоящей ему работы — беречь вверенные ему земли от врага внешнего и внутреннего…

Впрочем, оружие вместе с подставками вот уже сто лет как украшало экспозицию Свадебных Палат[3], а его место занимала огромная карта Империи, вовсе не старинная, а самая что ни на есть современная, отражающая актуальную информацию об административном делении и прочие, часто необходимые в работе Его Высокопревосходительства, сведения. Конечно, в кабинете были компьютеры — и стационарный, и удобный планшетный, но — сильна Великая Империя традициями! Тем более, иногда действительно удобнее было воспользоваться большой и приятно-материальной картой. Для понимания масштаба событий, например. И именно на ней сейчас были сосредоточены взгляды засидевшихся полуночников — самого премьер-министра, и его дорогого, в прямом и переносном смысле этого слова, гостя. Точнее, на одной точке. На городе Пекин.

— Так, — нарочито-медленно поставил тонкостенную,

драгоценную чайную чашку из почти прозрачного «костяного» фарфора на блюдце хозяин дома, — мне позвать охрану или пристрелить тебя лично?

Слова первого человека Империи с делом не расходились — отчётливый металлический щелчок лучше всяких интонаций показал: не шутка. Его Превосходительство, как это часто бывает с профессиональными политиками, не смог высоко подняться по стезе Путей, но стрелял из табельного пистолета, положенного любому государственному чиновнику, отменно. В чём мог убедится любой, придя на ежегодную переаттестацию госслужащих[4].

— Хочу, как и другие неравнодушные люди нашей страны, предотвратить гражданскую войну, — а вот второй мужчина с чашкой расставаться не спешил: отпивал просвечивающий и исходящий паром напиток из произведения искусства, прикидывающегося чашкой, и, казалось, совершенно не тяготился стволом в руке визави. — Заряд боеголовки подобран так, что волна разрушения затронет только пределы Запретного Города. В Северной Столице даже стёкла не пострадают, и фон не поднимется выше допустимого. Зато одним ударом накроем и верхушку антигосударственного заговора, и самые боеспособные соединения, однозначно преданные Юрию, и основную массу самых опасных вербовщиков и провокаторов.

— Ты сошёл с ума. Вы все там сошли с ума, — констатировал премьер, опуская было поднятый пистолет (что вовремя выстрелить ему отнюдь не помешало бы) и командуя в интерком резким, уверенным голосом: — Охрану в Малый кабинет!

Двери комнаты распахнулись меньше чем через десять секунд — но напрасно хозяин дома ждал от уже бывшего друга какой-то выходки: вотще, тот продолжал смаковать напиток, будто не он в гостях у министра, а наоборот. И с появлением новых действующих лиц стало понятно, почему.

— Алхимия, мой друг. Наука, знаешь ли, не стоит на месте: раз можно делать новые композиты и топлива для стратосферных истребителей, то можно делать и «программируемые» газы. Ну а выпустить смесь по заранее заданному таймеру, дабы твой Мастер Духа его не почувствовал — вообще детский лепет, — собеседник премьера демонстративно поменял позу и наконец-то оторвался от чая. — Кстати, тебе по-прежнему абсолютно ничего не угрожает, и семье тоже. Полчаса — и все проснутся. Даже если ты нас всех сейчас убьешь. Однако наше предложение всё ещё в силе — без всяких условий, повторяю ещё раз.

И представитель «партии консерваторов» кивнул на «атомный чемоданчик», пристёгнутый к руке находящегося в беспамятстве

помощника Его Превосходительства. «Помощника», точнее, охранника-телохранителя — по сути дела, как и второго спеца по физической защите, Мастера Первого Пути, аккуратно, можно сказать бережно, внесли в Малый Кабинет Его Превосходительства дюжие молодчики в бесформенных чёрных балахонах.

Что есть честь, и что есть бесчестие? Бесчестием ли считать то, что первый министр, внезапно оказавшийся в совершенно невозможной, как казалось ещё полминуты назад, ситуации, думал прежде всего не о вверенном ему народом государстве, а о своей семье? О нежно любимой, несмотря на тридцать лет брака, супруге, о третьей дочери, как раз утром приехавшей к отцу погостить на каникулах? Неведомый яд, столь сильный, что сумел поразить перестроенное тело Мастера-Воина, сумевший незаметно подобраться к ясновидящему Мастеру Духа, пугал политика, впервые в жизни оказавшегося в столь опасной ситуации, сильнее собственной смерти. Потому, после секунды ступора он не попытался в первую очередь поразить вроде как безоружных противников пулями, а подошёл и нащупал пульс на шее носителя стратегического «Пульта номер один».

Пульс был, и совершенно нормальный — здорового, крепко спящего человека. Это открытие отрезвило, вновь заставило мужчину мыслить предельно рационально: бросаться к дверям и далее по коридору, проверять гостевые спальни он не стал. Не стал и доставать убранный мимоходом в карман «Макаров». Всё также стоя на коленях над помощником-телохранителем, он, не поворачивая головы, коротко спросил:

— Зачем?

— За последнюю минуту ничего не изменилось, — не удержался от язвительности лично впущенный в дом «друг»: о, как сейчас сожалел Премьер-Министр о своей душевной слепоте — ведь действительно считал предателя близким человеком! — Тридцать тысяч жизней против полутора миллиардов. Начнётся сумятица — а она начнётся, Юрий не сдастся просто так — и жизнь каждого подданного в Империи будет в опасности…

— Хватит заговаривать мне зубы! — жёстко перебил оппонента хозяин дома, — Уверен, вам не хуже меня известно, что «Юаньжоу»[5] не даст нанести ядерный удар по собственной территории, если нет одновременного подтверждения целеуказания с трёх пультов[6].

— Двух пультов, друг мой, двух. Ведь «Периметр» имеет собственное «право голоса» на равных с «оконечным устройством». Достаточно убедить систему, и я бы не сказал, что это так уж невозможно…

Что есть подлость, и что есть доблесть? Ударить тайком и в спину — подло? А если только так можно спасти миллионы жизней? Собеседник министра вовсе не был гением актёрской игры или даже просто самоконтроля — направленный в лоб ствол пистолета заставил-таки мужчину понервничать, даже слегка сорваться с доброжелательного тона. Может, кто другой в силу ситуации и не заметил бы, но высший чиновник самого большого государства в мире не просто так сидел в своём кресле. Кроме того, визави он просто-напросто достаточно хорошо знал. Как, несомненно, хорошо знали первого человека страны те, кто называл себя «партией мира»: естественная слабость и страх за родных, вызванные шоком от внезапного нападения, у премьера уже прошли — и ими подчёркнуто не воспользовались. Теперь, вернув полную ясность мысли, министр отчетливо видел: ситуацию разыграли, как по нотам… И продолжают играть, разумеется: это политика, тут все средства хороши. При этом ему предоставили свободу выбора — в рамках нескольких решений, конечно, но тем не менее. И ещё: его оппонент, похоже, действительно не врал и верил в то, что говорит. Спрашивается, зачем всё это? Впрочем, ответ по большей части уже совершенно очевиден…

Глава правительства трети (а если по влиянию — так и вовсе половины) мира медленно стянул с шеи спящего мастера-телохранителя ключ от наручной цепи, освобождая небольшой кейс из серебристого металла. Стянул с собственной шеи ещё один ключ и выставил комбинацию на кодовом замке. Открыл — и приложил палец к биометрическому сенсору, одновременно подставляя глаз сканеру сетчатки.

Газ — демонстрация возможностей, и одновременно — единственный способ оставить премьер-министру возможность принять решение по «Пульту номер один» полностью самостоятельно. И ещё предельно ясное заявление о серьёзности намерений и переходе противостояния между консерваторами и сторонниками Юрия к активной фазе. Подчёркнутая безоружность «напавших» — показать мирные намерения, своего рода манифест лояльности госаппарату и стране в целом… Ну и индикатор, насколько и как именно «выступающие за мир» эту «лояльность» понимают.

— Координаты подсказать? — вежливо предложил «друг», но мужчина не посчитал нужным даже попытаться сделать вид, что как-то слушает гостя. Оконечное устройство контроля системы ядерной безопасности недостаточно было открыть и активировать — каждая команда шифровалась кодом-ключом, бессмысленным набором цифр и букв, заучиваемым пользователем наизусть.

Благо, команд было всего несколько.

На одной чаше весов — крупные купцы, «классические» промышленники и весомая часть армии, включая почти всю верхушку: «партия мира». На другой — Император с его огромным влиянием на умы простых людей, собственными землями, заводами, учреждениями, разведкой, даже финансовой системой! Это не считая имперской гвардии, существенная часть которой была сосредоточена в Запретном Городе, и сторонников Рюриковых-Хэ Мин во всех слоях населения. В числе последних особенно выделялись шесть «оружейных князей» — поставщиков и разработчиков высокотехнологичных устройств и оружия.

Система пребывала в равновесии и, если честно, министра такая ситуация вполне устраивала: любое крупное решение во внутренней и внешней политике, в экономике и в других сферах получалось взвешенным, а государство в лице правительства выступало третейским судьёй, фактически имея решающее «право голоса». Всё шло к тому, что «раскачать лодку» обе стороны будут пытаться при смене действующего состава аппарата министерств — в силу естественной ротации поколений — то есть лет через десять. И, главное, это была бы головная боль следующего первого министра. Но нет, чёртовы ублюдки сцепились именно сейчас! И совершенно неважно, что послужило причиной. Теперь же выбор у нынешнего хозяина «Флигеля номер один» был действительно небольшой: поддержать одну из сторон, либо сохранить, насколько получится, нейтралитет. Что ж, всё очевидно… Ввод!

>Введена и подтверждена команда:

«Оконечное устройство „Пульт № 2“ скомпрометировано»

«Оконечное устройство „Пульт № 3“ скомпрометировано»

«Оконечное устройство „Пульт № 1“ (это устройство) скомпрометировано»

ВНИМАНИЕ! ВНЕШНЕЕ ПРЯМОЕ ОПЕРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СИСТЕМОЙ «ПЕРИМЕТР» ЗАБЛОКИРОВАНО.

— Этого добивались? — поинтересовался Первый Министр, поворачивая экран пульта так, чтобы его было видно собеседнику. Это была не издёвка — он действительно хотел просто узнать ответ. Как вроде бы любят говорить на Западе: «ничего личного».

— Всё бы кончилось просто и быстро, если бы вы одобрили удар по Юрию, — развёл руками гость. Правда, не было заметно, что он особо разочарован, — смотрите, что будет дальше.

«Оконечное устройство» издало мелодичную трель, и на его дисплее появилась новая строка:

ВНИМАНИЕ! ПОДТВЕРЖДЕНИЕ КОМПРОМЕТАЦИИ ОПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ С «ПУЛЬТ № 2»

ВНИМАНИЕ! СИСТЕМА «ПЕРИМЕТР» ПЕРЕХОДИТ В РЕЖИМ ПОВЫШЕННОЙ ГОТОВНОСТИ.

— А это ещё заче… — министр не успел закончить фразу, как «чемоданчик» запиликал, подтверждая вывод каждой новой строки:

ВНИМАНИЕ! ОБНАРУЖЕНА ПОПЫТКА ВНЕШНЕЙ ПОДМЕНЫ ДАННЫХ.

ВНИМАНИЕ! ОБНАРУЖЕНА ЗОНА ВОЗМОЖНОГО ПРИМЕНЕНИЯ ОРУЖИЯ МАССОВОГО ПОРАЖЕНИЯ: МОНГОЛИЯ, УНДЕРХААН.

ВНИМАНИЕ! СИСТЕМА ГЛОБАЛЬНОЙ ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПЕРЕХОДИТ В ПОЛНОСТЬЮ АВТОМАТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ.

— Что за херню вы творите!!! — в голос заорал первый человек государства, еле сдерживаясь, чтобы не выхватить пистолет.

Останавливало одно — стрелять было уже поздно… Да и бессмысленно, по большому счёту. Боже… Такого он не ждал. Ни в какие разумные рамки происходящее не лезло: по всей стране сейчас спецчасти, имеющие на вооружении атомные устройства той или иной конструкции, по тревоге поднимались «в ружьё». Уходили в радиомолчание подлодки-ракетоносцы, ведущие патрулирование, спешно отходили в океан те, что в готовности стояли у причальных стенок. Вырывались за пределы пунктов постоянной дислокации многоколёсные мобильные носители баллистических ракет, самолёты-ракетоносцы, принимая смертельный груз, уходили на резервные аэродромы… И так далее, и так далее, и так далее — всех предписанных мер премьер просто не знал.

— Мы, как и вы, хотим решить вопрос с минимумом жертв, — «друг» нет-нет, но косил глазами на карман, в котором скрылась правая рука собеседника, и говорил чуть-чуть быстрее обычного. — «Юаньжоу» вышла в автономный режим — теперь не только «чемоданчики» бесполезны, но и генштаб не может отдать приказ, да что там, просто связаться напрямую с «особыми» объектами и частями. Не нужно думать, на какой из подлодок чисто случайно оказался полностью набранный из спящих агентов «лазурных» экипаж. Нет угрозы мегатонной «дубины», которой кто-нибудь может случайно неловко «взмахнуть» — видишь, мы и на счёт своих вояк подстраховались. Ну а снаружи наша страна защищена на время… внутренних разногласий не хуже, чем раньше. А когда всё утрясётся — контроль легко восстановим…

Премьер в который раз уже за последние минуты заставил

пальцы разжаться и отпустить «макарова». Одна пуля — и он из нейтрала над схваткой попадёт в сторонники Императора, хочет он того или нет: возможностью перейти на другую сторону он уже пренебрёг. А если начнётся буча в правительстве — вот тогда точно всеобщей гражданской войны не миновать. И ведь обосновали — не подкопаешься, с-суки!

* * *

Чего своему оппоненту активно и запоздало потеющий посланец «партии мира» сообщить никак не мог (потому что и сам не знал) — что вся эта эпопея с двойной блокировкой двух пультов, уничтожением части Ундерхаана (с яркими пожарами, дабы с орбиты было видно) и последующим переводом спецчастей на повышенную готовность была затеяна всего лишь для обеспечения беспрепятственного десантирования сводной группы войск с больших учений по внезапной проверке боеготовности. Сфальсифицированный «удар оружием массового поражения» оправдывал и срочную эвакуацию, и место развёртывания сводной группы — срочно прикрыть столицу. Ну а дальше — дело техники, вплоть до «случайного» обстрела Запретного Города ракетами с установок «Бьян-ху рен» с термобарическими боеголовками — и последующей «спасательной операцией» в руинах.

А вот чего не знали сами заговорщики, продолжающие поддерживать информблокаду над центральной Монголией, так это то, что продуманная и выверенная десантная операция сорвалась, не начавшись, причём в самый неудачный момент. К сожалению, акцию с физическим подавлением Императора и его сторонников разрабатывали люди, имеющие богатый опыт в подобных делах, и возможный, хоть и маловероятный, срыв переброски войск был ими учтён. Человеческие жертвы в таком случае возрастали на порядок, да и финал противостояния был не так уж кристально ясен — но цель всё равно выполнялась. А большего и не надо.

Запретный Город, резиденция Императора, спальня Юрия Рюрикова-Хэ Мин, действующего Императора ВИ.

6:00 по часовому поясу Столицы, 2 июня 2016 года от Рождества Христова.

Чем больше людей за собой ведёшь — тем меньше себе принадлежишь. Почему-то эта простая закономерность зачастую оказывается сюрпризом для тех, кто возжелал власти и внезапно её добился. Увы, правило работает для всех случаев без

исключения — различаются лишь нюансы… Император Великой Империи, глава Генштаба ВС ВИ, обладатель охапки меньших королевских и царских, а также княжеских и боярских титулов, без преувеличения один из богатейших и влиятельнейших людей планеты Юрий Рюриков-Хэ Мин со дня коронации не помнил, чтобы хоть раз просыпался позже шести утра. Да и до неё высыпаться по утрам тоже удавалось нечасто: уж слишком ценный ресурс время человека, обязанного, кроме получения воистину академического образования, ещё и преуспеть, пусть и частично, в развитии по трём разным Путям.

Вообще, ни для для кого другого, кроме членов семейства Рюриковых, такое считалось в принципе невозможным: даже для достижения среднего уровня адептам требовалось напряжённо и с полной самоотдачей трудиться над собой как минимум четыре-пять часов каждый день. Отнять время на еду, сон, передвижение между домом и местом трудоустройства… Вот почему, например, в Империи не существовало «суперсолдат» с полноценно развитыми навыками как Первого, так и Второго Пути: если даже как-то обойти такую банальщину, как самоограничение в питании, противопоказанное для Воинов, но необходимое, с какого-то момента, для адептов Духа, на собственно военную науку времени между медитациями и упражнениями просто не оставалось. При этом подданные Империи были свято уверены, что к императорскому роду ограничения обычных людей не относились, ничуть не видя в таком факте противоречия: семья Императора же! И волей-неволей приходилось соответствовать.

Детство, счастливую и вольную пору для других, Юрий вспоминал как сущий ад! Нет, время на игры и общение со сверстниками выделялось… Строго по лимиту и под плотным надзором — оттого остальная часть дня была особенно мучительна. Самое обидное, что принуждать себя с самого начала сознательного возраста приходилось ещё и совершенно добровольно: закаляет характер и силу воли лучше любых духовных техник. И так до совершеннолетия. Впрочем, всегда можно отказаться от запредельных измывательств над собой… Но только вместе с фамилией. Так действующий Император и оказался Наследником — единственный ребёнок от второго, позднего брака Императора Романа. Тут впору гордиться матерью и супругой: кровь в род они принесли что надо. Никто из уже его шестерых детей не оказался слаб настолько, чтобы срезаться на обучении, даже девочки. К сожалению, редкое для Рюриковых-Хэ Мин семейное счастье, заставляющее людей «в теме» вспоминать о «славных временах» начала «золотого» XIX века, омрачалось текущей политической обстановкой — как в стране, так и вне её.

И почему-то опять не нашлось человека, кроме действующего Императора, кто смог бы и захотел взять на себя ответственность за будущее державы.

* * *

Юрий открыл глаза, мимоходом убедившись, что вышколенный организм разбудил его ровно в шесть утра — как всегда, не раньше, но и не позже. Пятнадцать минут до будильника, которому он ни разу не дал ни шанса. Целых пятнадцать минут, принадлежащих только ему: самое большое послабление, которое он позволил себе, взойдя на престол. Целая вечность для тренированного разума, позволяющая прийти в себя ото сна и вдоволь насладиться одиночеством — спящая супруга не в счёт. Найдётся время неторопливо привести мысли в порядок, подумать над предстоящими дневными делами и вообще — обо всём. Особенно «обо всём»…

Много раз Юрию приходилось слышать критику политики собственного деда и даже отца: мол, по итогам Великой Мировой Войны можно было запросто восстановить абсолютизм. Благо, к моменту подписания мирных соглашений, в головах подданных связь между передачей Императором власти временному правительству и началом боевых действий закрепилась однозначная. Те, кто помнил и, главное, хотел помнить причины кризиса власти рубежа веков, пребывали в отчаянном меньшинстве, но даже они желали лишь одного: твёрдого, надёжного мира на долгие годы. Конечно, никто не вменял Роману Рюрикову-Хэ Мин политическую слабость: небывалый экономический подъём и абсолютная уверенность в будущем были во многом и его достижениями. «Совершенномудрый государь» — так прозвали отца нынешнего Императора ханьцы, так и не избавившиеся от желания навешивать на правителей цветистые и звучные ярлыки с двойным-тройным подтекстом. Ну, что сказать? Глас народа — глас божий: не ошиблись китайские подданные и в этот раз.

Именно Император Роман окончательно сформировал новый облик монархии Империи — «доброй силы, наставляющей и направляющей». Не имея возможности командовать армией, чиновниками и полицией, отец Юрия имел влияния на страну чуть ли не больше, чем прадед, абсолютный монарх. Как оказалось, возможность выделить небольшую финансовую помощь нужному стране частному начинанию по силе воздействия может быть выше, чем прямой приказ, пропущенный

через бюрократическую машину любого министерства. Но куда ценнее денег были… простые рекомендации. Попросить одного неравнодушного подданного чуть-чуть помочь другому гражданину, не делая при этом ничего экстраординарного — просто выполнить свою работу более тщательно, чем обычно. Этого часто оказывалось достаточно, чтобы открывались нужные Великой Империи производства, проводились необходимые исследования, налаживался быт в отдалённых населённых пунктах — и так далее, и так далее, и так далее, причём без прямых на то затрат со стороны августейшей семьи.

Юрий Рюриков-Хэ Мин, принимая трон, отчётливо осознавал: то, что смог отец, ему самому было бы не под силу. Но этого и не требовалось — система уже была отлажена и работала самостоятельно, мягкой рукой проводя политику своего господина. Одни специально обученные люди следили за разросшейся, как бы эфемерной сетью «должников», в своё время получивших имперский эдикт, другие — за выявлением «драгоценнонужных» начинаний, третьи — за отсеиванием вредоносных проектов. От монарха требовалось только задавать управляющие императивы — ну и контролировать результат работы сотрудников Лазурного Дворца по отчётам независимых аналитиков из службы статистики. И только заполучив в руки эти самые отчёты, молодой Император вдруг выяснил, что внутри паутины из поощрений и мягких запретов спрятана ещё одна паутина. Своего рода яйцо дракона, заботливо закопанное до времени в кучу тёплой прелой листвы.

Сложно сказать, имелся ли у Императора Романа определённый план изначально, или он начал собирать «коллекцию технологий» по принципу «подстелить соломки», одновременно превращая «нематериальный капитал» накопленного чудовищного социального влияния в капитал осязаемый, зримый. Юрий больше склонялся ко второму варианту — от родителя не осталось никаких «программных» записей, зато сопутствующая работам документация позволяла кое-что прояснить. Все шесть частных научно-технических исследовательско-производственных центров отец контролировал лично. Шесть мест, куда десятилетиями собирались изобретатели и учёные — преимущественно те, чья деятельность шла вразрез с эдиктами. Шесть древних дворянских родов, прямых вассалов Рюриковых-Хэ Мин, на чьих землях размещалась необходимая инфраструктура.

Долгое время такая система устраивала всех: и самого Романа Рюрикова-Хэ Мин, и влиятельных дворян с купцами-миллионниками, и чиновников Правительства. Западные, сильно

пострадавшие в войне, области Империи требовали неустанного внимания, и инициатива не сильно задействованного в госуправлении мирного времени монарха, в рамках которой тот добровольно и за счёт собственных активов взял на себя этический контроль, не давая наживаться на подданных спекулянтам и мошенникам, была принята во всех слоях общества «на ура». Даже через годы после полного восстановления территории и благосостояния Великой Империи, когда большие купеческие товарищества и самые успешные предприниматели-архибогачи стали ощутимо «толкаться боками» между собой и государственными компаниями за прибыли, ничего не предвещало возникновения конфликта «хозяев экономики» с хозяевами Запретного Города.

Всё изменилось практически одномоментно. Нельзя сказать, что внешняя разведка Великой Империи работала сверхэффективно — скорее наоборот. Во всех слоях общества царили настроения вроде «мы не трогаем Запад, они не трогают нас, всем хорошо» — и этот паттерн волей-неволей разделяло и правительство ВИ, и верхушка военного командования. То, что страна в случае чего сможет мобилизоваться и «вломить» — не сомневался никто: ни генералы, ни рядовые, ни гражданские. А как же иначе, если у Империи самое большое число танковых корпусов и лётных дивизий на континенте, а количество адептов пути Духа и Воина в сумме достигло рекордных по стране шестидесяти двух процентов? Кроме того, прежде, чем враг вообще смог бы вступить в бой со всей этой армадой, он должен был как-то высадить десант — под дождём из ракет и бомб с термоядерными боеголовками.

Размеры континента позволяли безо всяких усилий пожертвовать любым участком побережья южной половины Евразии — да хоть всеми одновременно, атомных «подарочков» уже хватало. Это, кстати, была одна из причин, почему всякие индии-пакистаны и прочая мелочь всё ещё могла спокойно существовать под боком у Дракона, выполняя роль «прокладки» между океаном и «подбрюшьем» ВИ. Та же участь ждала Европу, буде та решит побыть плацдармом для высадки американского десанта: стать стеклянной, светящейся в темноте пустыней. Ну и не стоило забывать об «ответке» — подводных лодках-ракетоносцах стратегического назначения и сверхдальних баллистических ракетах наземного базирования. Как показывал свежий ещё опыт, Империя могла позволить себе потерять часть территорий и населения, а вот США, значительно уступающим ВИ по площади, лучше было не рисковать. Противокосмическая оборона — это, конечно, хорошо, но перехватить движущуюся с

гиперзвуковой скоростью цель даже воздушным атомным взрывом не так-то просто.

План атомного «статуса кво» никто и не думал скрывать: хорошо, когда есть меч, но ещё лучше, когда им не нужно кромсать врага. Собственно, единственный возможный геополитический противник вынужден был поступать точно так же: в пылу политической гонки перед очередными выборами президента Соединенных Штатов Америки на страницы газет попало упоминание о «плане „Дропшот“». Дальше раскрутить информацию оказалось делом техники. Итак, «Дропшот» подразумевал, ни много, ни мало, превентивный удар по территории Империи с выжиганием всех военных объектов одновременно, прежде всего как раз атомных, верховного командования ВИ, а также скоплений войск и техники. Без объявления войны, по местам дислокаций мирного времени, и высокоточными боевыми устройствами, не превращающими половину мира в пепел. Уничтожить ядерный паритет — и после этого, с развязанными руками, творить что вздумается.

Положа руку на сердце, вряд ли генералитет US Army всерьёз хотел устроить атомный апокалипсис — то, что красиво смотрелось на бумаге и учениях, могло и не сработать в реальных боевых условиях. Зато как политический козырь смотрелось идеально! Вот только повешенное на стену заряженное ружье — уже риск выстрела в самый неподходящий момент. Ответом на «дропшот» стала разработанная в кратчайшие сроки «система „Мёртвой руки“», «Юаньжоу». «Периметр». Краткость сроков объяснялась прежде всего тем, что так необходимые для построения квазиавтономного «электронного главнокомандующего» элементы оказались разработаны… в научно-технических центрах вассалов императорского рода.

Кибернетика, алхимия и генетика. Не то, чтобы запрещённые на территории ВИ — скажем так, основательно дискредитированные по итогам Великой Войны и вызывающие негативную реакцию у части подданных. Генетика — из-за того, что использовалась, как обоснование расовых теорий, популярных в Европе начала двадцатого века. В свою очередь принцип «расового превосходства» послужил одной из идеологических основ нападения на Империю — этого не забыли и не простили. Кибернетика противопоставляла Дух человеческому разуму и активно не нравилась представителям основных конфессий ВИ. Алхимию же до судорог ненавидели маги созданного в конце войны Ордена Равновесия — между прочим, лично присягнувшие именно государю.

Как в таких условиях Император Роман умудрился одной

рукой поддерживать «идеологический климат» в стране, мягко запрещая и жёстко «хлопая по рукам» слишком «прогрессивным» индивидам и организациям, а другой — создать фундаментальную и прикладную научную базу по этим же дисциплинам? И ведь тайну удалось сохранить — несмотря на приличное количество вовлечённых в дело людей. И в нужный момент хозяин Запретного Города просто вытащил нужные наработки по цифровым вычислительным машинам, словно мошенник — костяшку маджонга из рукава. Оп! И второй раз повторил «на бис» с генетикой — когда пришло известие о западных экспериментах с биологическим оружием.

Что интересно, никакого общественного резонанса не было. Новость, разумеется, не попала в СМИ — но, как говорится, слухами земля полнится. Однако, уже прошло прилично времени после окончания конфликта и «вошло в возраст» первое по-настоящему послевоенное поколение, эмоции поутихли, да и интересы сменились. Кроме того, обвинить монарха в желании придержать передовые научные данные для организации монополии в оборонной отрасли при всём желании не получилось бы — поделился и наработками, и самими учёными со свежеорганизованными военными, а потом и гражданскими НИИ. Зато финансовая элита и некоторые, не связанные с монархом, аристократические роды восприняли произошедшее чуть ли не как личное оскорбление!

Разбираясь с делами после смерти отца, Юрий долго не мог понять — что послужило причиной такой вот, иногда прямо-таки звериной ненависти. Скромные служащие Лазурного Дворца порой приобщали к делам такие аудио и видеозаписи, что бывшему принцу становилось не по себе. Угрозы, измышления пыток для членов венценосной фамилии, призывы «разрушить шайтанов гадюшник» — если сборище купцов сопровождалось попойкой, доходило до пены у рта, натурально. За что, спрашивается?

Не пытался родитель «отжать» государственные контракты у других крупных купцов — строго говоря, работа с оборонным сектором экономики вообще для частников была крайне затратной и трудоёмкой. Военная промышленность, как и космическая, добывающая, тяжёлая — практически целиком находилась в собственности государства. Слишком уж затратно, слишком медленно окупается — и всё равно полная зависимость от единственного заказчика-покупателя в лице Великой Империи. Тем более, не было в ведении Императора собственно производства — в смысле, массового, только опытовое. Весь цикл разработок заканчивался на составлении проектной

документации и выпуска демонстрационной партии изделий — обычно, пары-тройки штук, собранных по большей части вручную. Более того, несмотря на всю демонстрируемую друг другу в кулуарах непримиримую позицию, те же архи-миллионеры и национальные товарищества охотно покупали право на производство разработанного, зачастую жестоко сражаясь за хотя бы временную монополию в выпуске продукции. Выглядит как лютый бред! Или всё-таки…

Понимание к сыну Романа пришло только после того, как он мысленно совместил очередной «вброс» от подконтрольных отцу НПЦ с изменениями в производстве совершенно мирных товаров ширпотреба. Например, персональные компьютеры[7] массово стали производиться как раз после внедрения цифровых вычислительных устройств в армии, создав целый огромный сегмент рынка «из ничего». Или не менее драматическая, но менее заметная для обывателя революция в синтетических тканях, стоившая состояния одним ткацким магнатам и вознёсшая на пьедестал экономической элиты нескольких других. И так произошло не раз и не два: внедрение Глобальной Сети, системы электронной компьютерной связи, натуральным образом обрушило рынок услуг междугородной связи, а продажи компактных сотовых телефонов заставили делать резкие телодвижения уже местных операторов связи.

В общем, великобогатеев можно было понять: вроде бы отрезанный от прямой власти Государь-Император держал их всех вовсе даже не за шею, а за куда более чувствительное место. За кошелёк. Причём для основной массы граждан все эти события оставались за кулисами: полноту картины могли охватить лишь немногие, те, у кого была возможность отследить тенденции. При всём при этом Роман вовсю пытался (ну или делал вид — теперь уже Юрий немного сомневался в том, что знал отца хорошо) сгладить эффект от своих вмешательств: «придерживал» прорывные новинки, могущие в одночасье перевернуть рынок, если их выпуск не был необходим для безопасности государства, неоднократно встречался с архикупцами — и многое другое. Так что дальше криков и проклятий на частных вечеринках дело не шло. А потом Император умер.

Что интересно, не пошли купцы и товарищества на поклон к Юрию — возможно, примерно представляли ситуацию и надеялись, что наследник упустит бразды правления? Или ждали, что пригласят — чтобы явиться и поторговаться на условиях не просителей, но гостей? Чёрт их разберет. Приглашения они дождались, вот только услышали совсем не то, что ожидали. О грядущей неизбежной войне Востока и Запада.

Молодой Император не любил вспоминать этот момент: для него сюрпризом оказалось, что высоковлиятельные подданные могут оказаться… слепыми дебилами! И ведь первичная информация была предоставлена в полном объёме, и условия сотрудничества предложены такие, от которых предприниматели никогда не отказываются: расширить давно поделенный рынок на новые территории, из финансовых воротил половины мира выбраться в мировых! В конце концов, поддержать и защитить собственную страну, в преданности которой они так истово клялись: экономическое воздействие часто бывает эффективнее самых могучих пушек. Но ему, Юрию Романовичу Рюрикову-Хэ Мин просто… не поверили.

Только вдумайтесь! Они не поверили выкладкам аналитиков служб Запретного Города. Да что там купцы — даже генштаб не поверил. «Этого не может быть потому, что не может быть никогда». И тщетно было тыкать в экспоненциальные кривые роста технологической мощи противника, а слова о том, что научно-технический потенциал, подконтрольный монарху, не бесконечен и тупо в какой-то момент не успеет за развитием стремительно срастающихся боками корпораций Запада, вызвали откровенно радостное злорадное оживление. Как, ну вот как оказалось, что на месте передовой элиты государства оказались эти… Даже не петухи — индюки?! Их деды переломили ход самой страшной войны в истории, их отцы вырвались в экономические лидеры нации, попутно вынеся страну из кризиса и послевоенной нищеты… И гора родила мышь. О нет, на своём уровне они были всё ещё умны — мгновенная реакция, созидательное, изворотливое мышление… И такая тупость, стоило лишь чуть раздвинуть границы восприятия. Словно ежи, бродящие по краю пропасти и просто не понимающие, что такое «обрыв».

Человек судит по себе — что поделать? Великая Империя всегда была склонна к самоизоляции — семья народов на огромной территории не нуждалась во внешних связях. В достатке было всего: и новых, реально диких земель, и невероятных возможностей для личного или социального роста — только трудись, и развлечений культурных и не очень — на любой вкус. Даже туризм — почти от экватора до полюса холода — и всё это по своей земле! Плюс к этому полная свобода действий — ну разве что кроме криминала, и твёрдая уверенность в своём государстве — зоне единых, справедливых законов. Ну чего, спрашивается, искать за кордоном? В связи с чем наличия неотвратимой угрозы просто не понимали даже те немногие, кто имел доступ к квотам международной торговли.

Менталитет. Кардинальное различие между средним

жителем Альянса и Империи состояло в том, что взгляд имперца был направлен прежде всего на себя. Духовная гармония, полноценное раскрытие своего «я» казались подавляющему большинству граждан ВИ гораздо более ценными вещами, чем запредельное богатство. Зачем многое, когда возможность обойтись меньшим — вот реальная ценность? Богатство можно потерять и замучаешься с собой таскать, а вот продвижение по Путям и знания — попробуй отними! И сравнивая опутанного капельницами западного миллиардера в инвалидной коляске со столетним старцем-монахом, без усилий проходящим по сто километров за день без единой остановки — сразу видишь, за кем правда. Увы, для противника при аналогичном сравнении почему-то было очевидно строго обратное.

Как объяснить, что для соседей по океану Великая Империя — не уважаемый сосед, а всего лишь территория с богатыми, но труднодоступными ресурсами? И как только цена добычи станет меньше цены разработки новых месторождений в Африке, Южной Америке, Австралии и Антарктиде — территорию просто… займут. Попутно уничтожив или подавив все мешающие факторы — от вооружённых сил и вплоть до ста процентов населения, если понадобится. И ведь об этом рассказывают каждому школьнику в рамках школьной программы. Но… Не доходит. Более того, за последние пятнадцать лет ситуация лишь ухудшилась: вплоть до отдельных попыток саботажа государственных испытаний и внедрения новых военных разработок из подконтрольных Юрию НПЦ. Как объяснить слепым и глухим, что они лично, собственными руками уменьшают время, отпущенное стране? Чем ниже военный потенциал — тем ниже затраты на захват. Очевидно же! А-а, что уж там…

Разумеется, одним саботажем (пока относительно редким и мелким) противники Юрия не ограничились. Ранее тотальная поддержка на всех уровнях вооруженных сил осталась более-менее неизменной только на уровне рядового и младшего-среднего офицерского состава — а вот выше всё уже было не так однозначно. Даже чиновники госаппарата чем дальше тем больше старательно демонстрировали свою независимость от государя — это в лучшем случае, а в худшем напрямую кормились из лап покровителей-архибогачей. Только простой народ продолжал в общей массе с благоговением трепетать перед фигурой Императора. Полтора миллиарда подданных надёжно удерживали сговорившихся идиотов от противомонархических выступлений… Пока удерживали. Лазурный Дворец всё ещё очень сложно было переиграть на его же поле.

Фактически, нынешнего Рюрикова-Хэ Мин банально

припёрли к стенке, оставив три выхода: или ничего не делать и пасть, если не вместе со страной, то незадолго до…

Либо попытаться перехватить рычаги власти, использовав свой авторитет и обратившись напрямую к народу — что означало неминуемую гражданскую войну. То, что соседи очень обрадуются такому исходу, было ясно как день — и что не погнушаются использовать в своих целях.

И третий выход — начать самостоятельно «маленькую победоносную войну» на своих условиях, по результатам которой подло влезть в мировую экономику на манер слона в посудной лавке. Открыть границы и экспорт с импортом — и привязать к себе экономически: зачем захватывать ресурсы, если их дешевле купить, одновременно получив новый гигантский рынок сбыта в полмира размером[8]?

Внезапно прозвучавший в тиши спальни переливчатый звук заставил Юрия оторвать голову от подушки и кинуть недоумённый взгляд на часы, потом на интерком-телефон на тумбочке у изголовья постели. Нет, не ошибся — время до «официальной» побудки ещё оставалось, да и сигнал не был похож на мелодию будильника или стандартный звук вызова. Звук повторился, теперь мужчина сразу понял, откуда он исходил. Декоративный резной столик, идеально вписывающийся в замысловатый интерьер императорских покоев, занимал выглядящий несколько чужеродным предмет: плоский серебристый металлический кейс. Меньше секунды потребовалось монарху, чтобы одним длинным прыжком приземлиться у прибора, ещё три — содрать с шеи ключ и ввести код, но за это время сигнал прозвучал ещё дважды. Наконец, «атомный чемоданчик» распахнулся — как раз в тот момент, когда поперёк дисплея появилась надпись:

ВНИМАНИЕ! ЭТО ОКОНЕЧНОЕ УСТРОЙСТВО (ПУЛЬТ № 3) СКОМПРОМЕТИРОВАНО.

ВНИМАНИЕ! СИСТЕМА ГЛОБАЛЬНОЙ ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПЕРЕХОДИТ В ПОЛНОСТЬЮ АВТОМАТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ.

Если от звуков Императрица даже не подумала просыпаться — что сказать, женщина любила поспать, а от толчка кровати только сонно заворочалась, то тихий мужской стон заставил её мгновенно отбросить одеяло и принять боевую стойку. Си Юн Вон уступала мужу по силе, но вот Воином была без всякого преувеличения превосходным. Однако, врагов в спальне не было… К сожалению.

— Идиоты… Идиоты… — меж тем шептал Император, не замечая, что произносит слово вслух, — вы хоть понимаете, что

вы сейчас натворили?!

Часть 1. Туда, не зная куда

1

Помню, в раннем детстве меня завораживали поезда. Уж не знаю, почему, но я готов был сколько угодно стоять на пешеходном мосту через железную дорогу и пялиться на проходящие внизу составы или застрять у насыпи, с нетерпением ожидая, когда мимо с грохотом, шумом и лязгом промчится очередной «ту-ту». В четыре-пять лет окружающий мир воспринимается весьма специфично, но нередко первые вот такие вот симпатии и антипатии, появившиеся тогда, остаются на всю жизнь, чаще или реже напоминая о себе. Покататься мне вскоре довелось и на электричках, и в плацкартах-купе — сначала с родителями, само собой, потом, в более взрослом возрасте — в одиночку. Но всё равно, стоя у шлагбаума переезда, нет-нет да и появлялось откуда-то остро-притягательное желание бросить всё, взобраться на медленно тащащийся тяжело гружёный товарняк и уехать вместе с ним в волнующую, полную неизвестного даль! Ведь каждый ребёнок знает: состав с цистернами и контейнерами на платформах недаром едет без остановок и не принимает пассажиров: туда, куда он движется, обычным поездом не попасть. Правильно говорят: «бойся своих желаний: они сбываются». М-мать их так…

Стук колёс, зелёное море травы влево и вправо сколько хватает взгляда, утреннее Солнце, взбирающееся на небосвод, и даже вместо обычной жары — ласковый тёплый ветерок. Идиллия, нарушаемая разве что долетающими запахами сгоревшей соляры и свежего бензина — но их вполне можно игнорировать…

— Это последние? — вопрос сопровождался глухим стуком.

— Последние, — подтвердил я, без всякого удовольствия возвращаясь от воспоминаний и созерцания к реальности. Шайтан бы её побрал, реальность эту. Моя помощь задавшему вопрос не требовалась — мужчина, притащивший очередную пару полных автомобильных канистр, без особого напряжения приставил горлышко тары к заливочной горловине. Я, глядя как бензин ровным потоком, словно не замечая рывки и раскачивание платформы под ногами, полился в топливную систему боевого вертолёта, только устало покачал головой.

Видели когда-нибудь человека, пережившего падение самолёта, многочасовое одиночное блуждание по монгольской степи, штурм здания — это всё за двенадцать с небольшим часов, кстати — напоследок вызвавшегося помочь черпать горючку из цистерны на ходу поезда канистрами и при этом умудрившегося

сохранить свой дорогой деловой костюм чистым и почти не мятым? Нет, это не Джеймс Бонд, и дело происходит не в голливудском боевике из моего прошлого мира. Знакомьтесь: Дмитрий Соломин, скромный служащий Лазурного Дворца. Имперский Аудитор, если по-простому. Продвинутый адепт Второго Пути, разумеется — только такие ребята могут в буквальном смысле слова творить мелкие чудеса на бытовом уровне, а если поднапрягутся — то и парочку крупных могут выдать. Сейчас я по сравнению с ним выгляжу как последний бомж — правда, не только я.

— Агата, инициация основной энергосистемы.

— Ха-ай! — отозвался жизнерадостный девичий голосок одновременно через динамик моего планшета и внешние громкоговорители геликоптера.

А это Агата — в каком-то смысле пилот чёрного как ночь вертолета, закреплённого растяжками на железнодорожной платформе. Обводы боевой машины наводят на мысли о хищной глубоководной рыбе: наросты боевых и разведывательных модулей, слегка искажающие идеально обтекаемые линии корпуса, короткие крылья-держатели пилонов внешних подвесок — плавники, короткий хвост. Впрочем, когда я впервые увидел 3D-макет корпуса, то первой ассоциацией была другая: дракон! Не классический китайский, а из одного мультфильма — Ночная Фурия. Или просто фурия — ностальгическая кличка, понятная лишь команде попаданцев, прилипла намертво. Даже педант и любитель казённого стиля общения Маркулов порой оговаривался…

В горле встал комок: пришлось с усилием сглотнуть. Фурия и второй, наземный, модуль разведывательно-диверсионной системы «Каменный цветок» — вот и всё, что осталось от Ивана Маркулова, моего начальника и друга. А также монгольской научно-производственной базы бека Тогжана Абишева близ города Ундерхаана и всей моей очередной «прошлой жизни». Ш-шайтан…

— Тест пройден, всё работает, — радостно доложила Агата, и добавила, заставив Соломина вздрогнуть: — Я опять могу летать!

Аудитора, хоть он и показал себя по отношению ко мне порядочной скотиной, было даже жалко. Служащий Лазурного Дворца так и не сумел принять, что девчонка, фактически спасшая его в степи, на самом деле — набор программ боевой информационно-управляющей системы экспериментального дрона с высокой степенью автономности. Знал, понимал умом, чувствовал своими способностями адепта — но всё равно не мог заставить себя поверить, что за милым голоском и детской

непосредственностью скрывается только лишь бездушная система принятия решений и мощный процессор. Удачный интерфейс у меня когда-то вышел — хотя четыре года назад я всего лишь хотел на скорую руку продемонстрировать широкие коммерческие возможности маркуловской БИУС — ну и слегка подшутить над коллегами. Подшутил, ага.

Как мне не отвернули голову свои же, когда выяснилось, что единственная версия управляющего ПО, долгие годы разрабатываемого НПО «Вихрь», переместившаяся вместе с создателями в этот мир — это та, над которой я вволю «поигрался», до сих пор для меня загадка. Не иначе, как не поднялась рука на ребёнка у бывших офицеров советской армии: если «там» мне было тридцать пять, то «здесь» стало двенадцать! То ли заклинание межмирового перехода сбойнуло, то ли во мне самом была какая причина — но если вихревцам «Врата Белой Лебеди» вернули возраст максимального расцвета сил, как и должны были, то меня «откатило» аж в два раза дальше. Впрочем, было бы на что жаловаться: получить вот так, «в нагрузку» ещё лет десять-пятнадцать жизни — разве плохо? Конечно, юность тела сказывалась в мыслях и поступках — особенно поначалу, но потом я приноровился держать себя в руках. Единственное, что меня по-настоящему раздражало в своём положении — то, что наш высокородный покровитель запихнул меня в школу, ничего не желая слушать. Но, надо признать — это тоже было более чем оправданно: всё-таки Великая Империя во многом очень сильно отличалась от Российской Федерации…

— Агата, на тебе радиоперехват и выявление потенциально враждебных целей, — я закончил в общем-то не слишком нужную постановку задачи: как только появилась энергия, аппаратура РЭБ изделия «Агат» начала работу самостоятельно. К сожалению, кроме сканирования радиопереговоров, толку от автономного воздушного модуля в приземлённом положении было немного. Но этот очевидный недостаток успешно решал другой элемент системы «Каменный цветок».

Я оглянулся на застывший на крыше грузового вагона женский силуэт с мечом у пояса и с автоматом в руках. Набегающий поток воздуха трепал полы и рукава когда-то элегантного, а сейчас грязного и засаленного халата и толстую косу девушки-андроида — но моя подопечная стояла как влитая, едва заметными движениями ног компенсируя качку опоры под ногами и редкие рывки состава. Можно было быть уверенным — пока электронные фоторецепторы методично и непрерывно осматривают горизонт, подобраться к нашему поезду просто так не получится. Что может сотворить с вертолётом преследователей

одна-единственная пуля, выпущенная рукой, направляемой баллистическим вычислителем — я уже успел наглядно убедиться. Правда, я чувствовал бы себя куда более уверенно, если бы Ирис сейчас пошла со мной, а не осталась торчать на свежем воздухе.

* * *

Единственный пассажирский вагон в нашем составе до того, как принцесса Анна его угнала, был не иначе, как командно-штабным. Правда, господа старшие офицеры неизвестной мне военной части неплохо потрудились, превратив изначальный минималистично-функциональный дизайн в нечто гораздо более уютное: выкинули привинченные к полу стулья, расставили массивные кожаные кресла и двухместный диванчик, накрыли тактический стол белой скатертью с кружевами, а место оператора компьютерных систем и систем связи дополнили компактным таким баром. Даже хрустальной посуды под спиртное и расписных тонкостенных фарфоровых чашек для чая не постеснялись натащить — ну и тяжёлые занавески на окнах, тёмно-красные с жёлтым подвесом, явно не являлись изначальной частью обихода. Увидь я такое сутки назад — долго бы веселился: самоограничением, рекомендуемым Уставом для каждого военнослужащего действительной службы, как и постоянными тренировками, владельцы этой военной «движимости» себя явно не изнуряли. Сейчас же… Сейчас просто мысленно отметил, насколько не сочетался вагон и его нынешние пассажиры.

В одно из кресел с ногами забралась худая коротко стриженая девушка с азиатскими чертами лица и чёрными волосами в повседневном халате буддийской жрицы. Жаргал Джимбинова, моя одноклассница… Бывшая. А ещё, со вчерашнего вечера, сирота и бездомная: храм, где жили и служили её родители, сожгли маги-аколиты Ордена Равновесия. Когда я хлопнул межвагонной дверью, она ненадолго повернула голову от спинки кресла, в которую вжималась лицом, чуть задержала взгляд на мне — и отвернулась обратно. Повезло, что она просто не успела далеко уйти от места, где мы её оставили… Бросили, если уж называть вещи своими именами. И что шла как раз к железнодорожной ветке.

Второй десятикласснице в вагоне повезло больше: Светлана Мамедова обосновалась на диванчике рядом с отцом. У меня даже возникло впечатление, что дочь просто боялась выпустить родителя из поля зрения. Впрочем, у Светки для такого поведения

были все основания — генерал Карим Мамедов попал в плен к заговорщикам, причём непосредственными исполнителями преступного приказа оказалась прикомандированная к Полигону особая рота воздушного десанта. Та самая рота, которая ликвидировала малую свиту принцессы и буквально на несколько секунд опоздала с ликвидацией шестой наследницы престола. По счастью, в неразберихе, образовавшейся после атаки Агаты на инфраструктурные постройки Полигона, Мамедов-старший сумел освободиться и сбежать. И даже, волей случая и благодаря острому зрению дочки, успел на железнодорожный узел раньше, чем мы успели оттуда убраться.

Сам бывший командир Полигона производил то ещё впечатление: здоровенный мужик под два метра ростом, косая сажень в плечах, и с таким тяжёлым взглядом, что вытянуться по стойке «смирно» хотелось даже последнему штатскому. Его повседневная форма, выглядящая не дешевле костюма Соломина, была кое-где разорвана и покрыта пятнами крови, к счастью — чужой. И вообще, то, что с горцами Кавказа белобрысого, как и дочка, Мамедова роднила не только фамилия, можно было понять лишь по характерному «греческому» носу. Сейчас он прервал тихий разговор со Светланой и попеременно глядел то на меня, то на Имперского Аудитора.

Последним из присутствующих в салоне вагона-штаба был, как он отрекомендовался: «Василь Долгин, казак. Следователь по особо важным из самого Петрограда». Ничем не примечательный, внешне довольно субтильный брюнет, которого идиотам-орденцам хватило мозгов сунуть в одну комнату с пленённым ими генералом. Рассказывать и выслушивать подробности перед отправлением поезда было особо некогда, но как я понял — именно он освободил Мамедова-старшего и помог угнать лёгкий вездеход. Сейчас Долгин обживал место оператора связи — или бар, уж не знаю: по крайней мере, внимательно рассматривал этикетку на одной из извлечённых бутылок.

Весёлая компашка, правда? Но это не все: в данный момент в вагоне отсутствовала ещё одна особа, вокруг которой наш отряд и собрался — упомянутая выше принцесса Анна Романовна Рюрикова-Хэ Мин. Шестая, как уже говорилось, по старшинству наследница престола и наш отрядный боевой маг. То есть, в прямом смысле маг — Анна хорошо продвинулась в постижении истин Третьего Пути, и могла не только тупо швыряться во все стороны шаровыми молниями, но и поддерживать сложные маскировочные пологи. И, плюс к этому, молодая женщина умела управляться с тепловозом — вот такая «скромная» подготовка у детей Императора Юрия. Не удивительно, что когда принцесса

попросила отпустить её в Ундерхаан, представлять венценосную семью на учениях «по внезапной проверке боеготовности», отец с лёгким сердцем ей разрешил. Анна приехала… и попала в переплёт. Правда, мы все тут в него попали.

Что нужно было заговорщикам от дочки Юрия — не знаю, но сомневаюсь, что чего хорошее. Из-за действий миньонов Ордена Равновесия, почему-то выступивших на стороне «партии мира», в сердце Монголии заварилась такая адская каша, что жизни простых людей, вроде родителей Жар, шли по цене сорной травы у дороги. А за непростыми вообще развернулась охота с применением оружия, вплоть до ракет! Серьёзно, на нашу лабораторию и дом, официально проходящий как дом отдыха «Каменный цветок» (да-да, то же название, что и комплекса изделий «Агат»-«Ирис»), не пожалели то ли авиабомбы, то ли крылатой ракеты с объёмно-детонирующей боевой частью. Внедорожник же принцессы сначала пытались зажать вездеходами-багги, а когда не получилось — обстреляли из автоматических пушек с вертолёта и высадили предателей-ВДВшников. Впрочем, формально бойцы присяги не нарушили — ведь у них был пусть и противоречащий Уставу, но однозначный приказ командования.

Настоящими предателями являлись не только несколько высших офицеров из Министерства Обороны — к сожалению, как выяснилось, переворот поддерживали и многие другие влиятельные люди в стране. Да и предателями ли? «Партию Мира» не устраивал сам Юрий и его приближённые — и причины были вполне весомыми. Серьёзно, узнай я ситуацию как посторонний человек — ещё бы подумал, на чью сторону встать. Даже со слов однозначно пристрастной Анны получалось, что её батя задумал и успешно начал осуществлять некие действия, способные обернуться ни много, ни мало — новой мировой войной. Учитывая, что здесь вместо первой и второй мировых войн была одна, зато большая — на тридцать лет! — могу понять заговорщиков, даже маршалов и командующих военными округами. По хорошему, во всё это дерь… политику никому не стоило лезть от слова совсем… Увы. Нас, здесь собравшихся, никто не спросил. И выбора стороны тоже не было.

Проиграет Император — мне крышка так и так. Как выяснилось, опекунство, взятое надо мною беком Тогжаном Абишевым, формально было чем-то вроде усыновления, а Абишев, в свою очередь, был одним из прямых вассалов Юрия. По местным понятиям — это однозначная «верность до гроба» идеям сюзерена, а, значит, на моей спине для заговорщиков нарисована огромная мишень. Это даже если не считать того, что выдвижение

войск из района учений к Пекину сорвала Агата, приказ которой отдал тоже я (спасибо, спасибо Дмитрий и Анна, я вам этой подставы точно не забуду!). Правда, что делать нам и конкретно мне теперь, я просто не знал. Впрочем, как я понимаю, этот вопрос сейчас главный у всех на повестке дня. И его придётся как-то решать — сообща и всем вместе. М-мать…

2

— Я — в кабину локомотива, — не дав молчанию затянуться, сообщил «в воздух» Соломин. Он, пока я оглядывался в салоне штабного вагона, успел где-то раздобыть сероватое полотенце-«вафельку» и теперь пытался оттереть руки от грязи. — Возможно, Анне тоже нужно помочь.

— Десять минут, как от Рюриковой вернулся, — давя тяжёлым взглядом Имперского Аудитора, подал голос Мамедов. Но не на того напал: Дмитрий, виртуозно проигнорировав и слова, и взгляд, прогулочным шагом пересёк помещение — только межвагонная дверь хлопнула, на секунду впустив внутрь гул дизелей тепловозов и лязг железа. Вообще-то грузовой состав не предназначен для перемещения по нему в движении, но неприятные ощущения и некоторые неудобства при перепрыгивании через сцепки, под которыми неслись, сливаясь в сплошной «забор», шпалы, похоже, испытывал только я. Железнодорожная акробатика, мать её — как в шанхайском кино.

— Далеев, — да уж, было бы наивно полагать, что мне просто так дадут отдохнуть.

— Слушаю вас, Карим Ашотович, — неожиданно для себя я вспомнил отчество генерала. Под двумя «прожекторами», почти ощутимо жгущими меня из-под тронутых сединой бровей, раньше мне стало бы как минимум неуютно, но сейчас было плевать: сесть бы. Оказавшись внутри более-менее уютного вагона с мягкой мебелью, мой организм внезапно вспомнил, сколько ему пришлось пережить за последние сутки физических нагрузок — и немедленно решил сообщить этот факт позволившему себе чуть-чуть расслабиться разуму. Шайтан, даже колени дрожат, как у старой бабки…

Мамедов, услышав мой ответ, скривился, как будто полмлимона разом откусил. А может и чего посильнее — что там адепту первого пути какой-то там цитрус. «Обезьяна ш-штатская» — за точность перевода не поручусь, но кажется именно это было написано у папочки Светки на лице.

— Ты — оператор… образцов экспериментального оружия?

Генерал действительно успел и пообщаться с принцессой, и расспросить собственную дочь, а сейчас, похоже, хотел получить консультацию, так сказать, из первых рук. Занятно, если бы Абишеву удалось организовать показ Агаты представителю Императора во время учений — как я понимаю, мы ведь под это мероприятие гнали тесты «быстрее, быстрее» — то кроме Анны наше «изделие» точно увидел бы и командир Полигона. Так что я,

можно сказать, выполняю волю руководства… Только надеюсь — не «последнюю волю». Тьфу, б. ть, прочь надо гнать такие мысли!

— Комплекс изделий «Каменный цветок», — кривая, ни разу не весёлая улыбка сама собой вылезла на мои губы. Презентация, мать её! — состоит из наземного и воздушного автономных модулей, во время выполнения боевой задачи действующих или полностью автоматически, или получая корректирующие команды от удалённого оператора. Комплекс предназначен для выполнения разведывательных и диверсионных задач в тылу врага как у самой линии фронта, так и на значительной оперативной глубине, как во время военных действий, так и в мирное время.

Я, пока говорил, подошёл к дивану, где устроились Мамедовы — и не спрашивая разрешения, плюхнулся рядом с генералом по другую сторону от Светланы. Ауч! Блаженство! Под задницей мягко — и спиной упереться можно! Правда, глядя на лицо генерала, я быстро выпрямил спину и сунул ему под нос планшет с выведенной боковой и фронтальной проекцией дрона-геликоптера. Похоже, что я чересчур расслабился и сильно перегнул палку — на секунду мне показалось, что пудовый кулак генерала сейчас отправит меня полетать к противоположной стене салона. На самом деле, я впервые увидел, да ещё так близко, как у человека под кожей лица реально «перекатываются желваки». Отлично прочищает мозги и снимает усталость, как оказалось! Но Карим справился-таки с собой, и очень аккуратно взял у меня из рук компьютер.

Семидюймовый, как сказали бы в моем «старом» мире, тонкий и элегантный планшет в ладонях военного смотрелся хрупкой игрушкой. Совершенно не удивительно, что военные компы того же класса для офицеров делаются «в форме кирпича» — не только из соображений прочности и надежности, но и чтобы просто держаться удобно было. Или убить кого, если кинуть метко — руки генерал успел отмыть, но под ногтями грязь была подозрительно бордовой.

— Что за красные отметки? — несмотря на медведеподобные габариты (сидеть рядом оказалось неожиданно неуютно), Мамедов не стал тыкать пальцем в экран, а аккуратно указал, не касаясь сенсорного дисплея.

— Красные — отсутствие или повреждение отдельных боевых блоков или систем, — любопытная Светка практически влезла отцу на колени, а мне, чтобы видеть, про что говорю, пришлось фактически повторить её манёвр. — В данном случае — сброшено закреплённое в начале миссии навесное вооружение. БИУС пришлось избавиться от пустых направляющих для пуска НУРС и

подвесных баков, когда в них исчерпалось топливо…

— БИУС? Избавиться? — перебил меня военный, наконец-то решивший прикоснуться к экрану и теперь вчитывающийся во всплывающие подсказки.

— Боевой информационно-управляющей системе. Когда Агата не обнаружила в точке ожидания транспортную платформу… — мне пришлось проглотить внезапно появившийся в горле комок, — …в целом виде, для повышения времени полёта ей пришлось сбросить всё с внешней подвески.

— «Ей»?

— Мы… в нашем конструкторском бюро… привыкли называть машину… в женском роде…

Перед глазами на каждое произносимое слово всплывали воспоминания: обстановка внутри «Каменного цветка», моя комната, столовая, наш подвал-лаборатория, Маркулов и другие мужики, даже водитель катера-«автобуса» Тархан. Дыхание всё-таки спёрло, и мне пришлось сделать пару глубоких вдохов-выдохов, прежде, чем получилось закончить фразу:

— …Обе машины.

— Далеев… Егор, — не иначе как генерал что-то такое услышал в моём голосе: на несколько секунд его лицо потеряло вид катящегося с горы булыжника, даже взгляд как-то… потеплел? — Кем ты сам работал?

— Программистом, — временная слабость покинула меня так же быстро, как и появилась, — занимался алгоритмами принятия решений и комплексным анализом информации. В течение четырёх лет.

— …

— А я тебе говорила, па! — влезла с непонятной мне репликой в разговор Светка.

— Это… действительно кое-что объясняет, — не дочери, а скорее сам себе ответил военный. Правда, тут же пояснил для нас свою фразу: — А я уже подумал, что «оружейный бек» окончательно еб… с глузду съехал. Когда школьника, пусть и дальнего родственника, сделал оператором такого оружия.

После такого заявления я секунду глупо таращился на Карима: с какого перепугу вдруг такой переход в беседе? Это вообще к чему было?

— Я не…

— Да я уже понял, — нетерпеливо перебил меня Мамедов, — но сам посуди: что я должен был подумать? Абишев, широко известный в узких кругах своими загонами по «благородным обычаям предков», мало того, что берёт под опеку отрока — засовывает его в свой оружейный проект. Кто угодно про

родственника подумал бы, а не про то, что нашёлся парень с настолько редким талантом, что бек решил его подгрести под себя лично.

Помнится, Анна, перед тем, как на нас наткнулась Агата, тоже пыталась мне нечто сходное втолковать. Поговорить с принцессой особо не вышло — а теперь я никак не мог взять в толк, почему моё положение в структуре Тогжана внезапно показалось генералу важнее, чем характеристики единственного доступного сейчас тяжёлого вооружения?

— Так, с этим разобрались, продолжай доклад, — видимо, военному пришли в голову те же мысли, что и мне.

— Вторая часть «Каменного цветка», автономный наземный модуль, «изделие „Ирис“»…

* * *

Про «цветок» мне пришлось рассказывать гораздо дольше — если в вертолётах Карим Ашотович, как и положено военному, разбирался, то про андроида с высокой степенью маскировки под человека ему вряд ли доводилось слышать. Имперские военные, насколько я знал, вообще отводили роли пилота, водителя техники или оператора боевых систем гораздо большее значение, чем в моём родном мире. Впрочем, неудивительно: более-менее продвинутый адепт Второго Пути мало того, что может, напрягшись, буквально заглянуть в будущее, пусть и на секунду-другую, но и кратковременно заставить подконтрольную технику совершить то, на что она обычно не способна. Заставить работать и не взрываться горящий двигатель, выполнить разворот под невозможным углом. Джедаи, блин — разве что телекинезом швырять подручные предметы не умеют!

У выбравших Путь Воина чудеса совершать не получается, зато скорость реакции и принятия решений для обычного человека запредельная. Неудивительно, что концепция беспилотных систем в Великой Империи прижилась только там, где без этого не обойтись: в ракетном оружии, на орбитальных объектах и тому подобном. Даже дроны-разведчики в ВС ВИ внедряются с ужасным скрипом — я уже не говорю про ударные системы. Потому идея заменить человека его электронно-механическим подобием для этого мира и этой страны была просто запредельно революционной, практически инопланетной. Хотя, казалось бы — при здешнем развитии микроэлектроники, освоившей процессоры на аллотропах углерода[9] нечто подобное лежит на поверхности…

В этот раз меня слушали не перебивая. Причём не только Мамедов с дочкой, но и Василь Долгин. Даже Жаргал смогла вылезти из своей скорлупы — мой рассказ отвлёк её от переживания свалившегося на голову несчастья.

— Беру свои слова назад, — Мамедов, когда мой голос стих, коротко покачал головой, — Абишев еб…ся на всю голову, мать его!

— Судя по тому, какие результаты показала Ирис, проект оказался… как минимум, перспективным, — осторожно возразил я.

Не то чтобы мне так хотелось защитить опекуна от нападок, в чём-то с генералом я был даже согласен: это нормально — выпустить тестировать боевого робота на населении мирного города, придав в качестве сопровождающего одного шестнадцатилетнего меня? Но за свою и вихревцев работу я не мог не заступиться:

— Для магов и идущих по Пути Духа андроид — очень неудобный и опасный противник.

Про то, что «цветок» завалил неполную роту воздушных десантников и ссадил с неба низколетящий вертолёт, я не стал отдельно напоминать — не думаю, что для Мамедова гибель ещё недавно своих людей — приятные воспоминания…

— Егор, — отец Светки теперь звал меня почему-то только по имени, — как ты думаешь, много за границами Великой Империи адептов? А магов?

— Э-э… — вопрос поставил меня в тупик. Как-то в школе этот вопрос обходился стороной, да и перед нами в техническом задании не ставилась задача противодействия именно необычным людям.

— В Европе магов нет вообще, а адептов едва ли с пару тысяч наберётся, — просветил меня военный, — ещё в Индии с десяток тысяч наберётся вместе тех и других, может быть — вот только там они скорее сразу на нашу сторону перейдут, если что. Индусы спят и видят, как стать частью Империи. А за Океаном подобных нам вообще по пальцем двух рук пересчитать: уж больно их менталитет с нашей философией, скажем так — конфликтует.

— Что логично нас подводит к выводу, против кого на самом деле бек Тогжан Абишев готовил свой «подарок», — внезапно подал из своего угла голос казак. — Понимаешь теперь, Егор, почему вашу лабораторию так качественно разнесли? Впрочем, судя по тому, что ты умудрился успеть натворить за время с начала мятежа — враги Императора перестраховывались не зря.

3

Последняя фраза Долгина мне очень не понравилась: произнес он её … отстранённо и мрачно-удовлетворённо, что ли.

— Звучит так, как будто ты заговорщиков чуть ли не оправдываешь, Василь… Петрович, — Мамедова тоже покоробили слова казака.

— Моё дело — беспристрастно оценить произошедшее… Раз уж не удалось предотвратить, — неожиданно холодно отозвался со своего места следователь, — а потом отразить в отчёте, Карим… Ашотович. Кстати, и тебе пора подумать о будущем… напарник.

— До будущего ещё надо дожить, — отец Светки разом закаменел: как будто вместо живого человека рядом со мной на диване внезапно оказался кусок скалы. Не знаю, как ещё иначе передать словами свои ощущения.

— С диверсионной машиной, «невидимой» для орденцев, и боевым вертолётом, работающим на обычном бензине и способном за пятнадцать минут безнаказанно пожечь половину зданий огромной военной базы? Я бы ещё попереживал, будь управление в руках у принцессы Анны, но боевой генерал, я думаю, с такими возможностями в руках с любой возможной ситуацией справится. Или я не прав?

Военный промолчал, а я встретился взглядом со Светланой — словно в зеркало посмотрел. Короткий обмен фразами, очевидно, нёс куда больше информации, чем мы услышали. Кое-что из невысказанных намёков я уловил, но явно не всё. И это повисшее молчание — тяжёлое, словно бетонная плита…

— Рано… решать, — наконец, словно через силу, выдавил из себя Мамедов. — Будет связь…

— И вот тогда точно будет поздно решать, — жёстко ответил Долгин, — нужно будет сразу действовать.

— В стороне остаться всё равно не получится, — генерал скупо покачал головой, — после всего.

— В Присяге нет ни слова про стороны, зато там написано про служение НАРОДУ Великой Империи, — выделил голосом смысловое ударение Василь, — мне нужно объяснять, почему?

— …Вот уж не ожидал, — медленно проговорил отец Светы после очередной паузы, по-птичьи склонив голову на бок и со странной интонацией, — такой внезапной… политической воли.

— Из петроградских окон полицейского управления Родина выглядит немного не так, как из генштаба или купеческого лабаза, — в голосе Долгина послышалась некоторая

злорадность, — если кое-кто почувствовал себя солью земли, то это не значит, что он ею является. Есть свидетели, есть материальные доказательства — на первых порах более, чем достаточно. Для моего руководства перед законом все равны. Ручаюсь.

Пазл из слов и намёков у меня в голове с громким щелчком сложился. По идее, меня от посетившей картины должно было как минимум кинуть в нервную дрожь — но, видно, свой лимит переживаний я за последние полсуток исчерпал окончательно. Если кто не понял, двое взрослых дядек, пока императорская дочка рулила локомотивом, цинично и неторопливо делили шкурку неубитой принцессы, а также и мою, в нагрузку, так сказать. Делили не просто так, разумеется, а в рамках стремительно поменявшихся внутриполитических реалий и по инициативе доброго спецполицейского — но не похоже, чтобы у генерала Мамедова процесс и предмет торга вызывал такое уж сильное раздражение. Скорее, Карим Ашотович не хотел ничего решать в условиях недостаточной информированности, а вот его столичный визави для себя уже всё решил. И предлагал, ни много ни мало, использовать столь удачно сведший нас всех вместе случай для фактической покупки себе тёплого местечка под крылом у одной из групп власть имущих. У текущего правительства Великой Империи, если быть точным. Каково, а?

Я переводил взгляд с генерала на следователя и назад, одновременно пытаясь понять, что чувствую. А ничего: и капитана Долгина, и генерал-майора Мамедова легко можно было понять. Особенно последнего: отец дочки-старшеклассницы при любом раскладе по итогам произошедших в степи событий в самом-самом лучшем случае мог надеяться на отставку! Скорее всего, самовольно оставившего свой пост старшего офицера, допустившего натуральный заговор в своём подконтрольном хозяйстве, обвинят во всех грехах — кто бы не победил. Удобная такая фигура. Хорошо, если предпочтут всё замять, а не устроить по-тихому военный трибунал. Ну а что? Заговор под носом пропустил? Пропустил. Преступные действия подчинённых прикрывал, пусть и не зная о них — кто теперь проверит? Принцессу его спецназ пытался прикончить или захватить? Опять же, инфраструктура военной части основательно пострадала после налёта Агаты — я уже успел полюбоваться фрагментами видео, как там всё взрывалось и горело. Наверняка и без жертв не обошлось — в смысле, обычных солдат, а не только равновесников. Разумеется, Карим всё это прекрасно понимал и сам — даже если и не думал во время побега ни о чём таком, потом время было. Скорее всего, даже прикинул варианты

будущих действий: всё-таки генерал, стратегии его учили. Вот только Василь нашёл, что предложить получше. Причём, очень может быть, что для всех — кроме шестой наследницы престола и Имперского Аудитора.

Решение Долгина было… полицейско-политическим, если можно так сказать. Смелым и дерзким, рискованным — по крайней мере, именно так я истрактовал слова папы Светки про «политическую волю». По объяснениям Анны я для себя решил, что страна, за вычетом простых людей и нейтралов в крупном бизнесе, правительстве и министерствах, условно говоря, раскололась на два лагеря: «партию мира» и сторонников Юрия. Похоже, это был, мягко скажем, однобокий взгляд на происходящее. Теперь, из намёков и недоговорок Василя выходило, что эти «нейтралы» как раз таки и образовывали третью политическую силу. Точнее, активизация двух других лагерей автоматом выделила её. И эта сила меньше всего желала оказаться в положении пожарного с пустым ведром в здании страны, где разгорается пламя гражданской войны.

В школе этого не преподавали, но сейчас, после всего услышанного, мне вдруг многое стало понятно — например, про тех же чиновников. В любом государстве любого мира, если это не «банановая республика», конечно, госслужащие так или иначе образуют… ну, пусть будут — кланы. Если сам умеешь жить и работать на положении ценного элемента госаппарата — глупо не передать свой опыт детям, верно? Опять же, традиции Великой Империи только приветствуют подобное — при условии, что сыны и дочери смогли обучиться и сдать соответствующие экзамены. Дети генералов начинают с ВТУ, откуда выходят сержантами, а дети чиновников — с юрфаков и высших экономических школ — всё логично. И представителям этих «кланов» до фонаря, кто там у руля государства… Пока не заденут их лично. Кого задел Император, раскручивая маховик той самой «неизбежной войны»? Да военных же, и крупных промышленников, и торгашей в основном. В других госучреждениях сторонников обеих сторон должно быть значительно меньше. Собственно, конфликт, не перешедший в острую фазу, их никак не задевал. Зато теперь… И господин полицейский явно хотел воспользоваться сложившейся ситуацией.

Что сделает хозяйка, если у неё в доме сцепились две кошки? Ходящий колесом клубок переворачивает мебель и бьёт хрусталь — просто так смотреть она не станет. Ведро воды на дерущихся может и не помочь, да и испортит пол, а вот вытолкнуть за дверь — самое то. А теперь — та-дамм! Вот вам, глава центрального полицейского управления, на блюдечке: вот свидетели и

потерпевшие от действий заговорщиков — раз, вот технические устройства, доказывающие, что императорская семья сама готовилась к «жёсткому» решению конфликта — два. Ну и заодно, для полного счастья — представитель императорской семьи — тот, кто может описать происходящее «изнутри», и одновременно виноватый в части событий на Полигоне. Теперь находящимся у власти чиновниками и служащим не нужно будет выбирать, кого поддерживать или как сохранить нейтралитет — а повязать и тех, и других. Армия под «мирняками»? Не армия, а только её верхушка, в основном, да и у полиции есть свои спецы, вроде того же Долгина. Ну и притащивших такой жирный козырь в клювике «большие дяди» не забудут — особенно это Мамедова касается: сколько генеральских тёплых кресел освободится в одночасье! Один минус — фактически придётся предать тех, кто поучаствовал в спасении генеральской и полицейской задниц, сначала косвенно, а потом и прямо, а Анна ещё и Светку приютила-защитила, что для Карима тоже не пустой звук. Вот только — похоже, для меня это тоже будет лучший выход.

Я не забыл, как Соломин заставил меня лично отдать приказ на атаку военной части. Все остальные действия можно записать в самооборону, вплоть до сбитого вертолёта — он ведь тоже не для красоты пушками был вооружен. Даже угон поезда с некоторым скрипом проходит — к тому же там первую скрипку опять играл не я. А вот уничтожение материально-технического хозяйства Полигона — совсем другое дело. Засевшие там не угрожали лично мне — да и моим спутникам тоже. Опять же, Агата — как ни крути, тяжёлое оружие, которое очень сложно записать в оборонительное. Не знаю на счёт принцессы, а вот Имперский Аудитор явно имел на меня какие-то планы — иначе не стал бы изворачиваться и решать проблему чужими руками, пусть и формально. Да и у Анны опыт интриг гораздо больше моего — её, тем более, этому учили. Долгин же прямо сказал, что записал меня в свидетели действий представителя Рюриковых-Хэ Мин — в том смысле, что своей воли у меня было не больше, чем у планшета управления «умным оружием» в моих руках.

«Пахло», конечно, такое развитие событий… Что называется, отнюдь не розами. Да и по поводу своей судьбы я не обольщался — мною воспользуются, причём ещё без гарантии, как именно. Казак тоже может выдать желаемое за действительное — или даже «честно заблуждаться». Вот только в рассуждения Василя мне отчего-то верилось: как-никак, «человек системы». Кроме того, оказаться в зале суда — «немного» не то, что поймать пулю головой: участия в активном противостоянии между заговорщиками и Императором дальше я совершенно не хотел. И

полусуток, знаете ли, хватило на всю жизнь!

* * *

— Значит — в Петроград… — как бы сам себе сообщил Мамедов.

— И как можно скорее, — в тон ему отозвался спецполицейский, — это в наших общих интересах, Карим Ашотович. Теперь.

— Да уж ясно, — внутри Светкиного родителя прямо на глазах словно сжималась невидимая пружина: лицо, «ожившее» во время разговора, вновь закаменело, движения стали скупыми и экономичными, — как только будет хоть какая-то связь, смогу… посодействовать.

Генерал взял в руки планшет, оглядывая его, словно видит в первый раз, и мне вдруг стукнуло: не отдаст. Но мужчина, словно пересилив себя, вернул мне компьютер:

— Спасибо за доклад, бое… Егор. Как ты понимаешь — ещё ничего не закончилось, так что — рассчитываю на тебя. Ты хорошо себя показал. Старайся, — мужчина запнулся, посмотрев на дочь, — старайтесь, пока всё не закончилось, держаться вместе, дети. А нам с Василем надо… обсудить с принцессой Анной и Дмитрием дальнейший маршрут.

— Надо? — кажется, казак не ожидал такого поворота событий.

— Надо, и прямо сейчас, — с нажимом повторил Мамедов таким тоном, что отбил желание спорить не только у Долгина, но и у открывшей было рот дочери, — а вы сидите здесь.

— Не знал, что ты умеешь управлять тепловозом, Карим Ашотович, — сквозь шум поезда от открытой межвагонной двери донёсся до меня голос следователя — и захлопнувшаяся створка опять отрезала все звуки, в том числе и голоса.

— Ты чего-нибудь понял? — Светка вскочила с диванчика, секунду постояла и со вздохом плюхнулась назад.

— К сожалению, да, — я крутил в руках свой терминал — такой мирный и привычный… И способный решить судьбу не только шестой наследницы Рюриковой-Хэ Мин, которую сейчас будут «уговаривать», но и, возможно, повлиять на будущее всей огромной страны. Достаточно дать команду Ирис — и та догонит мужчин. С андроидом, способным убить двумя выстрелами двух человек меньше чем за секунду, переговоры с Анной пойдут совсем не так, как без него. И никакой Путь не поможет…

— Почему это «к сожалению»?! — девушка сделала такое

движение рукой, как будто хотела схватить меня за плечо и хорошенько тряхнуть.

— Все наши улетели к тёплому морю на самолётах, а мы — в Питер, да ещё и на поезде, — я не нашёл ничего лучшего, чем сморозить откровенную глупость. Планшет отправился в карман халата: нет уж, в эти игры — без меня. Сами разберутся, взрослые дяди и одна тётя — я вон, вообще биологически несовершеннолетний.

Моя одноклассница — бывшая, скорее всего — удивлённо хлопнула ресницами раз-другой: тоже не ожидала такой лапши на уши. Покачала головой и отвернулась. Жар давно уже опять сидела носом в спинку кресла — то ли заснула в такой неудобной позе, то ли просто очень не хотела никого видеть. Вот и славно — в конце концов, я тоже не против побыть в тишине… и, ради разнообразия, вообще ни о чём не думать. Будь что будет — а я уже нарешался за других и нагеройствовался. И мне тоже надо многое пережить в себе — да и просто как-то прийти в себя…

…Не знаю, сколько мы так просидели: трое молчащих подростков в раскачивающемся вагоне. Не засёк время — да и ладно: зато действительно удалось соскользнуть в медитацию — и ни о чём не думать. До тех пор, пока тишину не прервал громкий писк планшета. Агата приняла сигнал гражданского спутникового ретранслятора — поезд вывез нас из зоны радиоблокады.

4

Как иногда мало нужно, чтобы почувствовать себя клиническим идиотом.

ВНИМАНИЕ! Доступна спутниковая сеть передачи данных.

Реактивация ранее приостановленного протокола восстановления контроля над АВМ:

Запрос на удалённое подключение……. нет ответа от основного сервера.

Запрос на удалённое подключение……. нет ответа от резервного сервера-1.

Запрос на удалённое подключение……. нет ответа от резервного сервера-2.

ВНИМАНИЕ! ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ: ПОТЕРЯ СВЯЗИ С ЦЕНТРОМ УПРАВЛЕНИЯ. ЗАДЕЙСТВОВАН ПРОТОКОЛ АВАРИЙНОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДОСТУПА:

Голосовой вызов на аварийный номер-1…… абонент недоступен.

Голосовой вызов на аварийный номер-2…

Только на этой строчке лога моя голова наконец-то заработала, и я остервенело застучал по экранной клавиатуре:

>Отменить выполнение аварийного протокола восстановления доступа.

Аварийный протокол деактивирован.

Протокол восстановления контроля повторно приостановлен.

Успел… мать-мать-мать. Пришлось вытереть лоб рукавом, заново размазывая грязь: за несколько секунд успел вспотеть. Счастье, что хватило мозгов не орать на весь вагон команду голосом: вот Жар и Светка были бы счастливы! А уж что рассказали бы Мамедову и Долгину…. Ещё хорошо, что когда мы с Маркуловым забивали номера в листинг — сначала вписали свои, затем стационарные телефоны «Цветка», и только потом — начбеза и ещё пары людей Абишева. Учитывая, что персональные голосовые ключи-пароли для получения полного админского доступа есть у каждого из них — остается только гадать, какой приказ мог свалиться компьютерной системе управления «сверху». И как бы БИОС его поняли… И ведь тогда, перед началом испытаний «на местности», такая параноидальная мера казалась очень даже не лишней — мало ли, что может произойти? Протоколом так ни разу и не воспользовались: не удивительно, что я про него раньше не вспомнил. Кстати!

>Редактировать список администраторов.

Сохранено: одна активная учетная запись.

>Редактировать список операторов.

Сохранено: одна активная учетная запись.

>Отключить протокол восстановления контроля.

>Отключить автоматическую синхронизацию с внешними серверами «по воздуху».

>Очистить список серверов.

>Очистить список телефонов.

>Очистить список электронных адресов.

Сохранено.

Всё. Хрена с два теперь кто у меня Ирис и Агату отнимет! А теперь можно и подумать, что я только что натворил, и как мне это аукнется…

* * *

Ещё вчера одно известие о том, что мне в одиночку придётся контролировать экспериментального диверсионного андроида, причём не на полигоне в глубине степи, а в городе — вызвало мощный дискомфорт. Я даже опекуну-беку не постеснялся позвонить — настолько меня свалившееся задание «прогулять» Ирис выбило из колеи. Однако теперь, после всех «приключений» вечера, ночи и утра, сама мысль о том, что я могу остаться без своих подопечных… Ну, не стоит юлить перед самим собой: я испугался. Просто струсил. «Девочки» спасли мне жизнь — причём обе и не по разу. Особенно внушительно получилось у «цветка», буквально вставшей между мною и ужасами террористической бойни, развязанной солдатами Ордена равновесия в Ундерхаане и окрестностях. И возможность лишиться этой защиты сейчас, когда поезд в прямом смысле слова везёт меня в неизвестность? Ну уж нет! Правда, в моём решении был ещё один… гм, нюанс.

По-хорошему, сейчас, как только появилась связь, я должен был немедленно дать знать о себе Тогжану Абишеву. И уж точно не должен был обрезать все админские права, кроме своих. Ведь и Агата, и Ирис мне не принадлежат: и наземный, и воздушный автономный модули построены на деньги монгола-аристократа. То есть, фактически, я взял и присвоил себе чужую собственность. Но тут как раз можно отбрехаться: кто знает, что уцелело на месте лаборатории после взрыва? Или кто… К слову сказать, на точке возврата Агаты тоже не было трупов: сгоревший СВП-катер был, а вот людей ни в каком виде — нет. Могли кого-то и раненым взять: это случайно уцелевшего мальчишку-свидетеля можно грохнуть не раздумывая, а вот взрослый ученый-

оружейник — определённо ценный «приз». Даже если террор-группа наткнулась на испытателей случайно — было трудно не догадаться, что посреди степи они не загорать остановились…

Последняя мысль показалась мне особенно неприятной: к мразям, с радостью стреляющим в женщин и детей, в плен не дай бог попасть. Всколыхнувшаяся было надежда, что кто-то из «Каменного цветка» мог выжить, сменилась иглой боли в груди: ночь они вряд ли пережили. Были бы нужны представителям «партии мира» технологии «оружейного бека» — шайтана с два они стали бы рушить мой дом так, что из-за горизонта взрыв было видно. Твари!.. Твари, с которыми я ничего сделать не смогу… сейчас. Под меч и автомат Ирис попали шестёрки, а Агата вообще по большей части навела шороху среди в тёмную используемых солдат. Те же, кто «дёргал за ниточки» и продолжает сейчас увлекательную игру «подели власть», вообще могут выйти сухими из воды… Если, конечно, план Долгина не сработает.

Недавний разговор из намёков и недоговорок между следователем и генералом — вот вторая причина, почему я не стал пытаться связаться с опекуном. Абишев, как ни крути, был замазан в политике — фигура его масштаба не могла остаться в стороне, очевидно. Честь главы древнего аристократического рода для Тогжана не была пустым звуком… Но то было в мирное время, когда все старательно «играли по правилам». И то моего опекуна молнией приложили. Кто я для бека сейчас? Ценный, чудом уцелевший ресурс, или совершенно ненужный сейчас свидетель, да ещё и с материальными уликами, которые можно использовать против него? И даже в случае ценного ресурса не пошлют ли оператора уникальной боевой системы, грубо говоря, на передовую внезапно ставшего «горячим» внутригосударственного конфликта? Если уж Соломин с принцессой не постеснялись меня использовать… В конце концов, отправил же он меня на одиночное испытание андроида. Да, Ирис показала себя выше всяких похвал — но до проверки боем никто не мог поручиться, что у БИУС всё настолько хорошо получится… У обеих.

Проклятье. Из всех меня окружающих я по-настоящему могу доверять только антропоморфному роботу и беспилотному вертолету. Это даже как-то… смешно! Я заглянул во всё ещё открытую консоль и убедился, что спутниковый радиоканал Агаты используется на 99,8 %. БИУС вертолета интенсивно перетряхивала Глобальную Сеть, выискивая любые карты местности, и сохраняла их во внутренней памяти, одновременно сопоставляя и анализируя, честно поделив последнюю задачу с

Ирис. «Девочки», в отличие от меня, рефлексией не страдали и занимались делом… В очередной раз самостоятельно себе его придумав. Безо всякой команды, разумеется. Твою мать…

* * *

— Что-то случилось?

Ну, разумеется. Планшет пропиликал достаточно громко, чтобы обратить на себя внимание Светки. Теперь она смотрела на меня с нарастающим беспокойством. Второй взгляд я поймал от встрепенувшейся в своём кресле Жар.

— Спутник опять работает, — помедлив, сообщил я. Удивительное дело: рядом с двумя испуганными девчонками моя благоприобретённая паранойя словно ушла на дно.

— Так это же здорово! — Мамедова аж подпрыгнула на диванчике от избытка чувств, — надо папке скорее сказать!

Я открыл рот… и закрыл, подавив желание пару раз стукнуть себя кулаком по лбу. Компьютер у меня в руках был единственным средством связи на всю нашу группу, не считая телефона Долгина: свой мобильник я вчера вечером попросту выкинул, Джимбинову вообще выволокли из собственного дома ублюдки-орденцы, у дочери генерала и принцессы все средства связи погибли вместе с вездеходом Анны. Ну а Карим с Василем натурально бежали из-под стражи: пусть их и арестовали неправомочно, но отнеслись к узникам на полном серьёзе — какие уж там телефоны. Видел я запястья Мамедова-старшего: сплошная полоса содранной кожи, одна запёкшаяся рана — и адский кровоподтёк по краям…

— Пойду к тепловозу, — ничего не оставалось, как оторвать свою задницу от мягкого и выбраться наружу через межвагонную дверь… Или нет. Что-то впрок мне отдых явно не пошёл — откровенно туплю.

— Агата, — я перебрался на открытую площадку товарного вагона и теперь мне приходилось напрягать голос, перекрикивая в микрофон шум состава, — ты сейчас подключена к мобильному телефону Дмитрия Соломина?

— Ага! — радостно отозвалась БИУС, — контролирую все средства связи в пределах радиуса действия «Осоки»[10]! Правда, это всего триста метров, если я не в воздухе…

— Стоп, — я остановил словоизлияния программы, — хочешь сказать, ты всё время после приземления…

— Ага! Агата умная?

— Просто словами не передать, — с чувством сообщил

вертолёту я, и, чуть подумав, спросил: — После появления спутниковой сети, были звонки?

— Один.

— Проиграй мне его… — я подумал, и неожиданно для себя неуверенно добавил: — пожалуйста…

— Ха-ай!

«Всем сотрудникам Лазурного Дворца, находящимся вне пределов Пекина: отмена всех текущих операций. С момента получения этого сообщения вы вольны действовать самостоятельно, исходя из собственного видения ситуации или прекратить активность до особого распоряжения. Как только ситуация изменится — оповещение будет доведено по всем стандартным каналам. Если вы желаете прослушать сообщение ещё раз — нажмите „один“. К сожалению, возможность оставить сообщение через автоответчик горячей линии временно отключена. Любые сообщения отправляйте по стандартным каналам.»

Или я чего-то не понимаю, или сейчас я своими ушами услышал приказ Юрия его личной «разведывательной гвардии» перейти на нелегальное положение, надо думать и инструкции, какие надо, на всякий случай есть. И эта фраза — «вне пределов Пекина»… Шайтан. Похоже, несмотря на срыв наступательных планов противников — Император и не надеется решить дело миром, даже на время. Твою ж ма-ать…

5

— Ты сейчас слышишь разговор через микрофон телефона? — идти и предупреждать о возможности наладить связь было уже бессмысленно. И без меня разобрались, взрослые дяди и тёти. А ещё я поймал себя на мысли, что не могу сделать никаких далеко идущих выводов из прослушанного сообщения, кроме самого очевидного — ничего хорошего в ближайшее время ждать не приходится. Но что делать, если у меня банально нет нужного опыта и знаний? Разве что… послушать умных людей «в теме»? Тем более, в салоне вагона я уже насиделся, а тут ветерок приятный, солнышко светит… и нет лишних ушей.

— Подтверждаю, — как мне показалось, с лёгкой заминкой отозвалась БИУС.

— Тогда начинай трансляцию.

— *…решение как можно скорее добраться до Петрограда…*

— *Мне разрешили действовать на своё усмотрение, а не на чужое,* — голос Соломина я услышал практически без искажений, в отличии от предыдущего. Программное обеспечение станции РЭБ позволяло не только удалённо контролировать чужие средства связи в радиусе действия, но и вычленять информационный сигнал из шумов. Основанный на том же принципе алгоритм использовали управляющие модули воздушного и наземного модулей: каждое слово в человеческой речи выделялось и звучало очень разборчиво, зато тембр часто менялся до неузнаваемости, и неприятно резал ухо слушающего.

— Время уходит, решать — и действовать! — нужно уже сейчас.

— *Господин Долгин, вы, простите, карту Монголии помните?* — даже через все искажения голос Анны звучал устало. — *Весь выбор, что есть у нас — повернуть на стрелке на юго-запад в Улан-Батор или продолжать подниматься на северо-восток — к Транссибу. С учётом того, что после столицы округа все линии строго однопутные, а также рекордно низкое по стране число станций с разъездами, заранее ясно, какой именно путь мы используем.*

— *Кроме железной дороги существует масса гораздо более свободного в выборе пути транспорта… и некоторые виды гораздо более скоростные, кстати,* — совершенно спокойным голосом, разительно отличающимся от импульсивного призыва действовать, прозвучавшего буквально несколько секунд назад, казак указал собеседникам на важный, по его мнению, факт. Опасный тип.

— *Нет, её высочество права,* — подал, наконец, голос Мамедов, — *«журавли»*[11] *должны были подходить к Полигону с почти сухими баками, ближайшая полоса, где они могли экстренно сесть — аэродром столицы округа. Это не считая того факта, что все, кто смог ускользнуть от боевиков заговорщиков в Ундерхаане, попытаются пробиться именно в Улан-Батор. Те, кто планировали перехват контроля над войсками во время учений, не могли последнего не учесть…*

— *Кроме того, железнодорожный состав гораздо труднее незаметно уничтожить или даже остановить, в отличие от автомашины… или самолёта,* — я отчётливо расслышал крохотную заминку в речи Соломина: даже для Имперского Аудитора падение с неба, как выяснилось, не прошло даром.

— Зато проще отследить, — опять спокойно, даже расслабленно прокомментировал Василь.

— *Вовсе нет. Имперская железная дорога — закрытая структура. Этакое государство в государстве — простите за такое сравнение, ваше высочество. Своё делопроизводство, своя охрана, своя инфраструктура… Со стороны, даже по официальным каналам, получить информацию оперативно и без купюр… может быть сложно.*

— *Разумеется, люди Императора не могли оставить такую структуру без внимания…*

— Кстати, на счёт внимания: не слишком ли надолго осталось без оного подрастающее поколение? — Соломин показал класс, ничего не ответив на реплику оппонента и мастерски переведя разговор. Вот только тему он выбрал совсем не ту, которая меня бы устроила.

— Куда они денутся с движущегося поезда? — попытался отмахнуться генерал. Вотще.

— Ваша дочь и бедная девочка, лишившаяся родителей — скорее всего никуда. А вот на счёт Егора… и его технических средств — я бы не был так уверен…

Вот ведь с-сука! Вряд ли девочки запомнили точное время, когда я вышел, так что… Так что — планшет в карман халата и быстро на крышу грузового вагона по штатной лестнице, костеря попутно слугу Императора на все лады. Я ему это очередное «путешествие» по поезду припомню, обязательно. Ладно, топливо Агате залить — но сейчас-то… Сволочь. На ходу переместиться между хвостом и головой состава, не состоящего из пассажирских вагонов, можно было только так — поверху. Приходилось почти ползти на карачках, судорожно цепляясь за низкий и хлипкий леер. А шайтановы попутчики по дёргающемуся под ногами настилу ходили как по паркету — все. С-суки. Причём Карим

Ашотович вообще пренебрегал спусками и подъёмами. Своими глазами видел, как этот двухметровый шкаф без напряжения перепрыгивает(!) сцепки на ходу. Подобный трюк в исполнении Ирис — ещё ладно, но когда такое совершенно спокойно откалывает немолодой уже офицер, последние пять лет безвылазно протиравший штаны и перекладывавший бумажки в кресле командира пусть даже важной, но совершенно тыловой части… Путь — Путём, но отец Светки — не отшельник и не выглядит человеком, отдавшим всего себя самосовершенствованию. Да уж, шутка про стройбат, которые такие звери, что им даже оружие не дают — в этом мире даже не шутка…

* * *

— Ирис, поиск и анализ информации по ключевым словам: Монголия, второе июня, учения, внезапная проверка боеготовности.

— Ищу. Тебе придётся немного подождать, Егор, — мягким и мелодичным голосом ответила мне БИУС через динамики планшета. Я заметил, как Мамедов едва заметно поморщился — в отличие от Долгина, изображавшего доброжелательное любопытство. Или не изображавшего — шайтан его знает. Вроде это профессиональный навык для следователя — изобразить то или иное чувство: для опроса свидетелей или на допросе подозреваемого там? Вот Рюрикова-Хэ Мин и Соломин вообще никак не реагировали — привыкли уже, столько времени пообщавшись с моими подопечными.

— Готово, — андроид справилась меньше чем за минуту, и, уверен, 99 % времени заняла передача информации через спутниковый канал: гражданский мобильный доступ в Глобальную Сеть в Великой Империи был не особо быстрый. — Чрезвычайная ситуация на территории проведения учений в Центральной Монголии. Первое упоминание — сорок минут назад, новостная лента Министерства Обороны ВИ. Известные подробности на текущий момент: множественные возгорания, включая склады горюче-смазочных материалов, сводная группировка войск уверенно держит ситуацию под контролем. В район чрезвычайной ситуации будет отправлена специальная техника и люди — если возникнет необходимость. Данных о пострадавших нет. Есть неподтверждённые сведения, что условия ЧС воспроизведены искусственно — именно отработка противодействия техногенной, природной или смешанной

катастрофе является настоящей программой учений. Это вся доступная на данный момент информация. Отметки «срочно» применительно к новости нет… и вообще, упоминания крайне скупы и подаются… в спокойном тоне.

В кабине тепловоза повисла тишина — если, конечно, не считать гула мощных дизелей и уже привычного стука колёс. Правда, пока мои спутники «переваривали» услышанное, лично я прикидывал, как быстрее свалить куда-нибудь в уголок, где меня оставили бы в покое и хорошенько покопаться… хотя бы в логах работы эвристического алгоритма БИУС — сомневаюсь, что смогу за вменяемое время разобраться в изменениях внутри системы принятия решений. Спокойный тон, видите ли… Спокойный тон! Причём Ирис ещё и выделила последнюю фразу этакими еле слышными нотками сомнения — мол, не совсем уверена она, почти — но не совсем. Разумеется, понятия об эмоциях в программное обеспечение управляющих систем введены были — иначе как обеспечить работу социальной мимикрии? Но введены упрощённо и, как бы сказать… схематично, вот. Отсюда и своеобычная преувеличенная жизнерадостность Агаты: поигрался я с настройками всласть, добиваясь иллюзии общения с неунывающей молодой девчушкой — всё равно программный модуль мимикрии в дроне никто в здравом уме на заданиях активировать не собирался. Ведь никаких эмоций на самом деле БИУСы не испытывали, и испытывать не могли, разумеется. Уверенность или неуверенность в тоне выбиралась как иллюстрация процента достоверности информации на основе статистического анализа. Тем не менее слова про тон…

— Этой твоей Ирис можно верить? — нарушил паузу Мамедов, заставив меня сбиться с мысли.

— Компьютер ничего не выдумывает, компьютер выполняет поставленное задание и выводит результат, — сообщил я Светкиному отцу, открывая публичную новостную страницу Министерства Обороны и демонстрируя остальным экран планшета. Генерал переглянулся со следователем и ещё сильнее помрачнел, лицо посланника Лазурного Дворца тоже особой радостью похвастаться не могло.

— Вслух скажите, я сейчас слишком устала, чтобы разгадывать шарады, — Анна потёрла лоб и отвернулась к приборной доске, что-то на ней переключив.

В кабине пятерым было откровенно тесно: собственно, она и рассчитана была на двоих, максимум троих человек. Я так и не понял, почему встретившие меня на полпути к локомотиву Василь и Карим не отвели меня назад в вагон, ну или как минимум не попытались узнать новости на месте. Может, спич

принцессы на тему железнодорожной сети Империи убедил их, что мы все пока в одной лодке?

— На Полигон совершенно очевидно было совершено военное нападение, — отец Светки медленно сжал и разжал кулак, — не диверсия, не возгорание по халатности. Даже слепой бы не перепутал. Но — «чрезвычайная ситуация». И при этом — режим чрезвычайной ситуации таки объявили. Даже людей и технику не выделили — только пообещали «в случае чего», причём ещё и с намёком, что так и надо. И ни одна собака не вякнула, хотя все заинтересованные лица должны быть в курсе! Слишком масштабная была операция с переброской переподчинённой войсковой группировки, и ставка в ней была после начала реализации только на скорость: шила в мешке не утаишь. Но — тишь да гладь и божья благодать! Как будто и не было ничего…

— Запретный город, а, значит, и Император — определённо в теме, — как бы невзначай продемонстрировал остальным свой телефон Дмитрий.

— Отец не хочет и никогда не захочет гражданской войны, — не отрывая взгляда от лобового стекла сообщила принцесса. — Можете думать о Юрии что угодно, но папа — хороший человек и настоящий патриот. Люди — все имперские подданные, а не только личные вассалы — и страна для него на первом месте. Император сделает всё, чтобы защитить свой народ. Даже если это будет стоить ему жизни.

«Даже если это будет стоить жизни и кому-нибудь ещё…» — я скорее угадал по губам, чем расслышал слова Долгина. Адресовал он это послание определённо не мне, но какой бы то ни было реакции не добился.

— Почему молчит «партия мира» — тоже понятно, — демонстративно проигнорировав следователя, продолжил Соломин. — Считают, что их планам нанесли урон силы Императора…

— Что недалеко от истины, — опять вклинился казак.

— …значит, они на некоторое время будут заняты перегруппировкой наличных сил и переключением на резервный план: надо исходить из того, что он у них есть.

— И сторонники Юрия просто будут на это смотреть и выжидать, — не скрывая сарказма, ещё раз вклинился Василь. В этот раз он всё-таки добился некоторого эффекта: Дмитрий на секунду замолчал, а потом подчёркнуто-спокойно и развернуто, с расстановкой, объяснил:

— Нет. Конечно не будут. Но не будет и никаких громких заявлений, и уж тем более массовых акций.

— Но и «партия мира» не отступится, — упорно продолжал

гнуть свою линию спецполицейский, — не после того, на что они пошли.

— Вероятно, это так, — теперь Имперский Аудитор неотрывно смотрел только на своего оппонента и, хотя взгляд этот был предельно спокойным, я бы на месте Долгина заволновался. Но тут Василь смог… удивить. Меня — так уж точно, про остальных не уверен.

— Заговорщики не отступятся, Юрию и его людям некуда деваться, но они заранее готовы претерпеть за подданных Великой Империи, пусть даже и не совсем справедливо, — вот теперь следователь говорил предельно серьёзно, и говорил не нам, а конкретно Анне, — но никто не готов и не может остановиться сам…

— Я согласна, — шестая наследница престола Великой Империи чётко выговорила это в стекло, прерывая полицейского, но потом всё-таки обернулась и прямо, глядя глаза в глаза мужчине, повторила: — Я, Анна Рюрикова-Хэ Мин, согласна последовать в вашем сопровождении в Петроград… и дать там показания. Если это необходимо Империи — да будет так.

6

— Ар-рх, ну почему так долго? — Светка прорычала-проныла свою фразу вполголоса, но так прочувственно, что я не удержался и ответил.

— Это железная дорога. Нельзя просто взять и поехать…

— Да знаю я! — перебила меня наша школьная «звезда». — Невыносимо тут сидеть и просто ждать. Все на нас пялятся!

— Н-да? — я со всем возможным скепсисом посмотрел на девчонку, потом выглянул в «своё» окно через специально оставленную щель между опущенными шторами. Станция, на одном из боковых путей которой вот уже минут двадцать отстаивался наш состав, по монгольским меркам могла, наверное, даже считаться крупной. По крайней мере, она не выглядела веером не слишком ухоженных путей среди моря ковыля — как тот тупик у Полигона. А тут все рельсы блестят накатом, под каждой веткой — ровненькая гравийная подушка без единой зелёной былинки, а где трава всё-таки растёт — подстрижена газонокосилкой. Да что там — стрелки автоматические; светофоры не просто есть один на горловине, а на каждом разъезде и постоянно включены. Опять же — столбы фонарные, какие-то поставленные на попа и ровно выкрашенные серебрянкой цистерны, трубопроводы, зданий не одно, а целых четыре. Цивилизация, мать её! Даже небольшой посёлок в отдалении виднеется.

Вот чего не было — какого-то особого внимания со стороны местных. Не сказать, что безымянная для меня станция выглядела прямо вымершей — но людей я заметил трижды: механика (или кто он там?), неторопливо осмотревшего оси стоящего поодаль состава, прошедшую с деловым видом к самому большому дому тётку с внушительной кувалдой на плече и ещё одного мужика в синей форменке и фуражке. А так — пустота… Ну если не считать тройки местных дворняжек, лениво спящих в тени одного из баков. К слову сказать, ни одного поезда за время ожидания мимо нас тоже не прошло — хотя, как я понимаю, мы сейчас как раз стояли возле линии, соединяющей столицу округа и Транссиб.

— Успокойся уже, — посоветовал я блондинке, так и не разглядев никого, кто хотя бы теоретически мог следить за нами.

— Не могу! — девушка съехала спиной по стене на пол, зажав автомат между колен. — Папа хоть часового изображает, а Анна в кабине, у рычагов. А мы тут стоим как мишень в тире! Невыносимо!

Перед въездом на станцию Долгин тщательно проинструктировал нас как себя вести — в том числе категорически запретил маячить в полный рост или просто сидеть на стульях. Объяснил, что в первую очередь стреляют всегда по окнам. Нам — это мне, Мамедовой, Джимбиновой… и Ирис. Последнюю пришлось отозвать с наблюдательного поста: часовой в составе, следующим из армейской части — это нормально, но он должен быть хотя бы в военной форме… И, желательно, более-менее чистым. Сейчас андроид «держала» вторую сторону вагона, точно так же сидя на полу с автоматом в компании Жаргал, изредка выглядывая сквозь специально оставленную прореху в занавесях. Тяжёлые «портьеры» штабного вагона, к слову сказать, пришлись очень даже в тему: летнее степное солнышко жарило вовсю, и температура в салоне вагона постепенно поднималась — но не так быстро, как если бы лучи могли свободно проникать внутрь.

— Если на нас захотят напасть — Жаргал первая это почувствует, — без особой надежды я попытался воззвать к загадочным глубинам разума генеральской дочки, — так ведь, Жар?

Жрица, с безучастным видом сидящая на полу под «своим» окном, поймала мой взгляд, и после небольшой паузы кивнула. Проклятье! Сердце в очередной раз болезненно сжалось: к моменту, когда мы вынуждены были оставить девушку в степи — она почти оправилась после всего, что с ней произошло за последние безумные двенадцать часов… По крайней мере — мне так казалось. Потом, когда мы сажали её в поезд — Жар выглядела подавленной и какой-то отстранённой… но не настолько же! Что такого могло произойти за те сорок минут, пока мы с Соломиным переливали топливо Агате? Одна надежда — в нашей компании она опять постепенно «оттает»…

— …надо было Агату не укрывать брезентом, а поднять в воздух.

— Что? — я так задумался о потерявшей родителей однокласснице, что пропустил мимо ушей начало очередной жалобы блондинки.

— Перестреляют нас тут, вот что! — Светка опять нервно выглянула в окно. — Так хоть с воздуха поддержка была бы…

— Да, висящий над составом боевой дрон — то, что надо, чтобы не привлекать к себе внимания, — ядовито отозвался я. Постоянное капанье на мозги раздражало, но и попросить заткнуться собеседницу я не мог: лучше уж так, чем действительно в тишине сидеть и тихо сходить с ума.

— Отлетела бы в сторону и повыше, — отмахнулась

генеральская дочка, — заодно и посмотрела бы, есть за нами погоня или нет.

— Ещё лучше — засветить на радарах неопознанный летательный аппарат, особенно после того, как кто-то с воздуха разнёс вдребезги и пополам одну из самых крупных военных баз в Монголии! Всё равно что стрелку нарисовать «эй, мы тут!»

— Ты же бате втирал про невидимость для радаров, сама слышала!

— Не невидимость, а малозаметность, — педантично поправил я, — невидимость достигается комплексом мер, кроме специальной формы корпуса ещё и полётом на сверхнизких высотах, и комплексом радиоэлектронной борьбы. А ещё бесшумным режимом роторов, эффективным рассеиванием тепла двигательных систем и тем, что чёрную машину на фоне тёмного ночного неба нифига не видно, блин! И потом, выпусти мы машину в полёт, как бы назад сажали? На ходу? Так тут электрификация есть над основным ходом, если ты не заметила. А остановиться и простоять сколько нужно не выйдет — расписание…

— Да поняла я всё, не капай на мозги, а? И без того тошно, — дёрнула уголком губ Светка, в очередной раз аккуратно выглядывая наружу. — Кто-то идёт в нашу сторону от станции. Это… Соломин!

Через невыносимые пятнадцать минут наш поезд тронулся, и, набирая ход, вышел на линию в сторону восточной Сибири. Как и обещал посланник Лазурного дворца — с железнодорожниками общий язык ему удалось найти без проблем.

* * *

И опять: стук колёс, плавное покачивание вагона да долетающий шум дизелей тепловоза. Всего изменений — оставшаяся при мне Ирис и периодически ненадолго составлявший компанию кто-нибудь из взрослых. Мамедов, — большое ему спасибо! — сразу после той станции, где мы стояли, притащил коробку сухих армейских пайков, а Долгин в какой-то момент даже позволил себе прикорнуть в свободном кресле минут на сорок. Только Анна не появилась ни разу — сменить её было по-прежнему некому…

Но это что касается нашего ужавшегося до считанных квадратных метров микрокосма. А снаружи… Снаружи была Великая Империя, которую я, как сообразил только сейчас, раньше толком никогда и не видел. То есть видел — на

фотографиях, в телепередачах и в видеороликах, доступных через Глобальную Сеть — но не лично. Вокруг расстилалась холмистая равнина, порой переходящая в нечто напоминающее низкие горы: трава, опять трава, изредка камень и ещё реже отдельные деревья и небольшие рощи. И попадающиеся тут и там следы присутствия человека. Не только железнодорожные столбы, светофоры, мосты и насыпи и прочие важные, но привычные инфраструктурные объекты главной логистической централи округа. Чем дальше на север забирался наш короткий состав, тем чаще попадались утопающие в зелени деревни и даже городки, а между ними то и дело мелькали поля в низинах — в какой-то момент обзаведшиеся тонкой, но густой каймой лесополос…

Наверное, нужно было использовать выпавшее свободное время как-то более продуктивно: заняться разбором изменений, накопившихся в когнитивных модулях обеих БИУС, следить за новостями через Сеть и попытаться самостоятельно разобраться, что же всё-таки происходит сейчас в стране, поспать, наконец… Но я сидел и смотрел в окно. Смотрел — и всё никак не мог насмотреться. Не могу сказать, что накатила какая-то прямо невероятная апатия, что руки опускались — нет, ничего такого. Просто… просто с каждым появившимся в поле зрения и исчезнувшим за хвостом состава приметным зданием, деревом или камнем, с каждым промелькнувшим навстречу поездом словно кто-то невидимый снимал с моей души очередной камень. Я и не заметил, как много их накопилось — этих шайтановых камней. События, что я пережил, не успев осмыслить — возвращались ко мне… и, покрываясь едва заметной патиной, превращались в воспоминания.

Вот Ирис исчезает — и появляется над двумя обезглавленными трупами с мечом в руках, вот я хватаю и тащу на руках потерявшую сознание Жаргал. Вот с рёвом турбин над самой головой проносится десантный Ми-8, оглушительно лупя вдоль улицы из штурмовых пилонных пушек. Вот я смотрю в лицо своей мёртвой учительницы истории, так до конца и не выпустившей из рук лук, а рядом со мной стоит настоящая, пусть и очень бледная и грязная, наследная имперская принцесса… Вспышка — событие, вспышка — на мгновение возвращаются все чувства и ощущения момента прошлого — и медленно гаснут, чтобы остаться со мной навсегда редкими ночными кошмарами и болезненным, но полезным опытом. Наверное, лучше бы мне в будущем постараться не ездить по этой дороге на поезде, а если выпадет — ни в коем случае не смотреть в окно. Совсем не те чувства, из-за которых хочется испытать дежавю.

Именно с этой мыслью я очнулся от своего… транса. Занятно

как: в спокойной обстановке впасть в подобие медитации мне удавалось с огромным трудом и ненадолго — а тут как по учебнику вышло. Три с лишним часа! Чудеса… Зато — действительно полегчало. Состав движется, Светка развалилась в своём кресле и довольно мелодично сопит носом во сне, а Жар, похоже, последовала моему примеру. Надеюсь, ей тоже станет лучше… Я взялся за планшет, и мысленно скривился: одна мысль о чтении свежей прессы вызывала почти реальную тошноту. Вряд ли прочту там что-нибудь обнадёживающее, а вот настроение себе с гарантией испорчу. Нас не догнали, не поймали и не остановили? Хватит и этого. Лучше попробую разобраться, что сейчас происходит в «мозгах» моих подопечных — и что уже произошло. Прежде чем начать, я машинально посмотрел на привычно устроившуюся чуть поодаль Ирис… и со вздохом упихал планшет в карман. Не судьба, похоже. Придётся сначала заняться… более очевидной проблемой.

* * *

— Она что, ничего не чувствует? — с любопытством поинтересовалась Светка, едва не заставив меня выронить платок. Ш-шайтанова сталкерша — не только успела проснуться, но и подкралась так, что я ничего не услышал.

— Чувствует, но не так, — я расправил многострадальный кусок ткани, весь в тёмных разводах: по-хорошему платок стоило выкинуть, вот только другого у меня не было. — В смысле, ощущает давление на кожу — для этого там есть специальные датчики, но для БИУС это просто факт, никакой непроизвольной реакции мы не запрограммировали.

— А если муха сядет на лицо? — спросила и, представив результат, сама же скривилась блондинка. — Фу!

— Ирис — экспериментальный проект, — уже привычно ответил я, — мы не все базовые функции доделать успели, а ты про естественную мимику говоришь. Даже куда менее сложные изделия после разработки доводят годами, что говорить о человекоподобном роботе?

Я вроде бы отыскал на полотне более-менее чистый фрагмент, и, заново свернув свой инструмент, принялся аккуратно стирать с виска «цветка» очередной застывший мазок жирной грязи. Пятно успешно размазывалось по коже андроида, но оттираться упорно не желало, наводя на мысли о необходимости взять образец смеси и сохранить пробу до лучших дней: продам химикам, как особо стойкое покрытие для военной

техники, и озолочусь! Тьфу, блин…

Пока я продолжал сизифов труд, моя одноклассница вышла из-за моей спины… и с задумчивым видом ткнула андроида в щёку пальцем. Попыталась ткнуть, точнее — в последний момент Ирис едва заметно отклонила и повернула голову, и движение не достигло цели. При этом БИУС умудрилась не отстраниться от моей руки. Глаза человека и замаскированные под таковые фоторецепторы машины встретились… и наша школьная «звезда» стремительно отдёрнула конечность, едва ли не отпрыгнув на шаг назад.

Я заглянул в лицо робота — лицо как лицо, давно знакомое до мельчайших подробностей, довольно миловидное, особенно если его всё-таки оттереть, — оглянулся на Светку, с чего-то решившую попрыгать. И вздохнул:

— И что это было?

— Никак не могу поверить, что она — неживая, — пожаловалась мне Мамедова, — а говоришь — недоделанная.

— Шутки человеческого восприятия, — я повернулся к подопечной и ласково провёл ладонью по голове Ирис. И не удержал очередного вздоха — прекрасные чёрные волосы, натуральные, кстати, человеческие, а не продвинутый полимер, как силиконовая кожа и мышцы под ней, — превратились в грязный колтун. Распутать то, во что превратилась когда-то туго и аккуратно заплетённая коса, будет настоящим подвигом. Причём я понятия не имею, как вообще к этому подступиться. — Наше сознание автоматически различает образы, опираясь на уже известные ему. Не нужно стопроцентное сходство — достаточно быть похожим, наш мозг сам достроит нужную, по его мнению, картинку. Выбивающиеся из нормы отличия будут списываться как не имеющие значения, пока их количество не перейдёт некоторый порог. Это как спутать в темноте или густом тумане кривое дерево или большой неровный камень с силуэтом зверя или человека.

— Как «камок» не даёт увидеть бойца в «зелёнке», пока он не пошевелится, — с умным видом покивала дочь генерала, — но я-то знаю, что она — не человек, и всё равно. Когда задумываюсь над этим — аж мороз по коже! Как вообще можно было додуматься до такой жути?

— Когда выяснилось, что в пару к летающему дрону нужен наземный модуль, габаритами и проходимостью схожий с человеком, мы не стали изобретать велосипед, а просто напрямую скопировали структуру тела, заменив лишь материалы: кости на металлокерамический композит, мышцы — на электросократимый эластин. Иначе пришлось бы разрабатывать

опорно-двигательный аппарат с нуля, а это отдельная работа для лаборатории в крупном научно-исследовательском институте, причём никак не меньше, чем на несколько лет[12]. А так — природа постаралась за нас, осталось только хорошо скопировать: не только структуру, но и движения. Приложить ещё немного усилий и создать приемлемую маскировку под человека после этого было очевидным шагом…

Пятно, наконец, стало сдавать свои позиции — или я просто испачкал всё вокруг до такой степени, что цвет стал совпадать? Платок так уж точно: ткань была теперь даже темнее, чем кожа андроида. Не услышав ответной реплики, я обернулся к Светлане и обнаружил, что теперь она смотрит на меня. Этак отстранённо-задумчиво.

— На мне цветы расти начали, что ли? — первым не выдержал я слегка затянувшейся игры в гляделки.

— Скорее грибы, — серьёзно отозвалась одноклассница, — и на мне тоже. Полцарства за чистую одежду… Я вдруг поняла, что совсем тебя не знаю, Егор. В школе тебя, как и другие, считала занудным заучкой с дурацкой манерой умничать при каждом удобном случае. А оказалось, у меня буквально под боком, в соседнем классе, учился человек, с детства занимающийся передовыми военными разработками, приёмный сын бека, участвующий в создании роботов! И не случись… произошедшего — я бы ведь об этом никогда не узнала бы, скорее всего.

— Тут мы в одной лодке, — на моё лицо, против воли, выплыла ухмылка, — я о тебе тоже знал только то, что ты дочка генерала — местной шишки на ровном месте, любительница побыть в центре внимания, задавака и в-каждой-бочке-затычка. И никогда бы не узнал, что ты первая среди сверстников в Пути Воина, действительно заслуживаешь быть в центре внимания и вообще надёжный боевой товарищ.

— Пфф! — девчонка фыркнула, но не обиженно, а весело и одобрительно. — Да, я такая.

— Мы все такие, — мягко поправил я её, указывая рукой на прислушивающуюся со своего места к нашему разговору Джимбинову, — помнишь, как Жаргал нас вытащила из подземелья? А до этого она спасла тебя и Анну: указала, куда идти в Ундерхаане — и мы вышли точно к месту, где на наших глазах подбили вездеход. Минутой раньше, минутой позже — и всё, даже Ирис не успела бы вмешаться. Скажи, ожидала ты такого от своей скромной и тихой подруги?

Я наблюдал за жрицей, потому заметил, как она вздрогнула. Её взгляд, ранее безучастно-отстранённый, теперь стал куда более осмысленным. Правильно ли было пытаться достать соратницу из

своеобразного кокона самоотрешения, которым она отгородилась от реальности? Не знаю. Но… Я пообещал тогда, в степи, что не только вернусь за ней, но вытащу её. И — вот ведь незадача какая — как назло, ни одного психолога, специализирующегося по проблемам подростков, в одночасье потерявших всё, рядом никак не находилось. М-мать…

— Жаргал, — Мамедова аж «зависла», обдумывая мои последние слова, после чего тоже повернулась к однокласснице и очень серьёзно проговорила, — извини, я должна была сказать тебе это много раньше. Спасибо.

Несколько долгих секунд девушки просто смотрели друг на друга, потом Жар немного неуверенно, но кивнула. Есть контакт.

— Егор, тебя я тоже благодарю.

— Честно говоря, тут больше заслуга «цветка», чем моя, — под пристальным вниманием блондинки мне стало немного не по себе.

— И тебе спасибо, Ирис, — послушно поблагодарила генеральская дочка андроида.

— Пожалуйста, — неожиданно для меня отреагировала до того молчавшая подопечная. «Подумала», и добавила, окончательно меня добив:

— Обращайся ещё.

7

Момент, когда наш поезд пересёк границу между округами, я пропустил. Не удивительно — не только пейзаж за окном и не думал меняться, но даже названия станций и населённых пунктов никак не указывали, что вокруг уже не Монголия, а Восточная Сибирь. Нарасун, Дульдурга, Амитхаша, Могойтуй… В Могойтуе наш состав остановился в следующий раз. Ненадолго, всего на пятнадцать минут, и в этот раз осадное положение не объявлялось: выйти из вагона нам, подросткам, опять не разрешили, но и сидеть под окнами с автоматами на боевом взводе не пришлось. Уже хорошо.

Дальше — снова в путь. То ли рельсовое полотно здесь стало лучше, то ли принцесса решила выжать из «трофейной» техники всё возможное, но теперь она разогнала локомотив до семидесяти километров в час, временами выжимая на прямых участках до сотни. За информацию о скорости нужно сказать спасибо Агате: БИУС вертолёта всё-таки построила себе из скачанных доступных через сеть карт, свою собственную, интерактивную. Теперь она, Ирис — ну и я тоже, разумеется, — по ней отслеживали наши перемещения, включая названия пройденных населённых пунктов и станций. Знаю, знаю: не бог весть какое достижение — «изобрести» спутниковый навигатор: в моём планшете в комплекте программного обеспечения даже была соответствующая армейская программа… Без карт. То есть не совсем без карт: у меня были прорисованы город Ундерхаан, его окрестности, местность вокруг «Каменного цветка» и некоторые зоны дальше в степи — там, где были наши полигоны. Предполагалось, что при испытаниях наземный и воздушный модули должны адекватно работать и на неразведанной местности — а оператор сможет оценить получившийся результат… Н-да. К слову, в СВП-«автобусе» был полноценный навигатор, гражданский правда. Вот только когда мы бросили транспорт — никому в голову не пришло его снять…

Через сорок минут поезд встал опять, теперь уже в местечке с интригующим и не совсем благозвучным именем Кайдалово. Станция оказалась больше, чем две предыдущие, где были остановки: бесконечные пути, забитые грузовыми вагонами и цистернами что слева, что справа — даже зданий не видно. Распоряжения были те же: не высовываться и ждать. Прошло пятнадцать минут, двадцать, тридцать — мы всё так же стояли на одном из боковых путей станции. Через сорок пять минут я уже прикидывал, как прокрутить запись прослушки телефона, не

покидая салон. Не понадобилось.

— Переодевайтесь. Живо! — Мамедов, не утруждая себя приветствиями, вломился в салон на манер медведя, с ходу вывалил прямо на пол кучу пакетов: под толстой прозрачной пластиковой плёнкой зеленел армейский камуфляж. Впрочем, одну из упаковок он немедленно подхватил опять и с размаху впечатал мне в грудь, едва не свалив с ног. — А ты — на выход!

Отец Светки явно был не в духе, чего не особенно скрывал. Идиота кусок! Я так и видел, как на внутреннем мониторе БИУС его фигура приобретает мигающую жёлтым обводку: агрессивные действия против оператора до того условно-союзным субъектом. Как ни странно, программам управления «цветка» различия между тренировкой и боем объяснить в своё время удалось — и то, без регулярных эксцессов не обходилось, вроде приснопамятной игры в снежки[13]. Но сейчас-то была вовсе не тренировка, а под руками у андроида — и автомат, и меч! Впрочем, Ирис и голыми руками убить может: разведывательно-диверсионная боевая машина, всё-таки, хоть и выглядит, как красивая девушка.

— Ирис, смена одежды — и выдвигайся за мной, — приказал я, стараясь, чтобы голос прозвучал ровно и уверенно, прежде чем выполнить команду генерала. Слава богу, пронесло — я успел заметить, как подопечная, не сходя с места, скидывает пояс с перевязью меча и стягивает с себя халат. Самостоятельное переодевание — тоже не самая простая процедура для человекоподобного робота. До апгрейда аналитического модуля я бы предпочёл проконтролировать процесс, но теперь был уверен, что «цветок» справится — в крайнем случае, подсмотрит за спутницами, либо в Сети видео или инструкцию там найдёт. Кстати, ничего смешного: выполнить армейский норматив «обмундирование по тревоге» без обучения не так-то просто…

…Первое, что я почувствовал, выпрыгнув из поезда — характерный запах свежей краски. Почти сразу же заметил Анну с банкой и кистью, споро обрабатывающую борт платформы, на которой стояла Агата. Правда, прежде, чем я успел осмыслить увиденное, меня на «путь истинный» вернул всё тот же голос:

— Шевелись давай, и проследи, чтобы обувь все сменили, — физиономист из меня тот ещё, но показалось, что Кариму очень хотелось меня пнуть. Сдержался — вместо этого «ласковый» пинок достался ещё одному плёночному пакету с армейскими ботинками, лежащему подле вагона. Сам Мамедов подхватил второй набор маляра — видно, пахло как раз от него, и в одно движение поднырнул под сцепку между вагонами. Твою мать…

Будь я менее грязным — пожалуй, мог бы стормозить.

Однако, стоило скинуть халат — и я немедленно почувствовал, какой грязной, потной и истрепавшейся была тряпка, прикрывающая мои плечи. Ш-шайтан! Стеснительность? Нет, не слышал: трусы отправились в общую кучу, которую теперь можно было только сжечь. А-а, ка-айф! Ощущения чистой (!) ткани на коже, оказывается, могут подарить настоящее блаженство! Ещё бы помыться сначала…

— О, ботиночки! — Светка сверзилась мне едва ли не на голову (а потому, что мозгов не хватило сделать шаг в сторону от двери), когда я застёгивал молнию на «рубашке». Блондинка вытащила первую попавшуюся пару и начала натягивать вложенные в голенища носки. Одну пару поверх второй. Видимо, моё молчание было уж очень красноречивым — Мамедова почувствовала и «расшифровала» его спиной:

— Никогда не видел «резервки», что ли? — оглянулась она на меня, — ну, вещи со склада мобильного резерва… Не? Ха! Скажи спасибо, что поменять фонд успели — а то осваивал бы кирзачи с портянками! Там вообще два размера: маленький и большой.

Похоже, Ирис действительно скачала инструкцию или нашла наставления — по крайней мере, я оказался последним, кто справился с обувью. Шнуровка вкупе с толстыми носками позволяла вполне удобно подогнать ботинки по ноге — однако, это оказалось не совсем тривиальной процедурой, пришлось внимательно смотреть за другими. Самое смешное, что даже Жаргал оказалась быстрее меня: генеральская дочка, пару секунд понаблюдав за не вполне оправившийся одноклассницей, не чинясь, помогла.

— Утки беременные! — то ли Мамедов был Мастером Пути Маляра, то ли что, а скорее всего — что-то заставило его оторваться от процесса покраски. Появился он так же, как и уходил — из-под сцепки, и за словом в карман не полез: — Какого… оружие в вагоне? И где головные уборы?

Тут генерал осёкся и слегка сбавил тон: в отличие от остальных, «цветок» не только не забыла натянуть форменную камуфляжную кепку, но и закинула за плечо «собаку». Даже меч на поясе смотрелся вполне органично.

— Что застыли? Оружие и личные вещи из вагона! Быстро, быстро! Личное оружие разобрать, привести себя в порядок. Волосы убрать под кепи[14], Берите пример с… — военный замешкался, и моя подопечная подсказала:

— Моя фамилия — Цецег[15].

— При обращении к старшему по званию надо говорить «разрешите обратиться», — фыркнула Светка, пока её родитель справлялся с лёгким шоком. Как я вдруг сообразил, при нём Ирис

в основном тихо сидела в углу и молчала, отчего Карим Ашотович, узнавший о природе андроида, видимо стал считать её чем-то средним между самоходной турелью и манекеном. А зря.

— Я не состою на действительной военной службе, — с некоторым, как мне показалось, достоинством отозвалась БИУС: вроде бы всё та же ровная интонация, но…

— Можешь считать — ты уже на ней, — пользуясь молчанием отца, сообщила окончательно развеселившаяся Светлана, поправляя ремень своего автомата и картинно «становясь в строй» рядом с андроидом.

— Для этого я должна пройти войсковые испытания в ходе военной приёмки, — совершенно логично возразила ей Ирис.

— Прекратить гвалт, — вроде бы негромко скомандовал Мамедов совершенно спокойным голосом. Однако его дочь осеклась, так и не произнеся очередную остроумную фразу, а я чисто на рефлексах вытянулся рядом с девушками по стойке смирно. Не уверен, что получилось как надо, но постараться — постарался.

— Сейчас выдвигаетесь к платформе с вертолётом, и заступаете на караул, — генерал говорил всё тем же тоном, но его слова, казалось, огненными буквами пропечатываются в мозгу. — Вопросы… зададите потом. Вперёд.

* * *

Нести охранение железнодорожной платформы с Агатой оказалось достаточно просто, хоть и не особо комфортно: серая от усталости Анна и не самый бодрый, как я только теперь заметил, генерал расставили нас по углам воняющего краской прямоугольника… и всё. Пока мы изображали рядовых, Рюрикова-Хэ Мин нанесла на борта платформы новые опознавательные знаки — видно не было, но догадаться, что она делает с кистью белого цвета, труда не составило. Кстати говоря, рисовала шестая наследница престола чётко, быстро и без трафарета — любой принтер обзавидовался бы. Потом они с Мамедовым быстро отцепили платформу от остального состава — как раз вовремя, потому что подошёл маневровый тепловоз. С нашего места его не было видно, но гудок, шум двигателя и последующие события всё сказали сами за себя. Лязгнув напоследок сцепками, наш штабной вагон вместе с тепловозами и цистерной медленно укатился куда-то в переплетение путей станции. Зато остался вернувшийся, тоже переодевшись в камуфляж без знаков различия, Соломин. Чуть позже такой же

станционный тепловоз (или даже тот же?), подцепил и нашу платформу — и куда-то потащил.

Изображать из себя кремлёвских гвардейцев не требовалось, но попытку Светки подступиться с расспросами её отец жёстко пресёк. Стоять, молчать, смотреть в оба — и не выделываться! День давно перевалил за полдень, изображать караул на солнце было, мягко скажем, не прохладно — но оставалось только терпеть, да ловить изредка долетающие сквозь шум дизеля локомотива реплики из разговора между принцессой и генералом, тоже не особо информативные. Имперский Аудитор, к слову, сразу поднялся в кабину тепловоза — контролировать местного машиниста, надо полагать.

Сколько нас катали по стрелкам и тупикам — сказать затрудняюсь. Похоже, что не так уж долго. В конце концов, платформу с громким лязгом присоединили к хвосту грузового состава. Впрочем, для нас ничего не изменилось, пока тот же тепловоз не притащил грузовой вагон.

— Можете спускаться, — Соломин махнул рукой.

В дощатом вагоне с боковой дверцей-«воротами» изнутри было горячо, как в бане — но там можно было сесть. И пофиг, что на пустой ящик из-под чего-то — их в достатке оказалось на пыльном и грязном полу.

— Где Долгин? — первым делом вцепился в «лазурного» Светкин отец.

— Где-где… — Дмитрий на удивление противно ухмыльнулся, но ответил вежливо и корректно, — с удовольствием оставил бы нашего уважаемого попутчика здесь, но тешить себя пустыми надеждами не нужно. Этот… следователь не отстанет. Зато и хвост за собой не приведёт — профессионал же.

— Ты тоже… профессионал, — с непонятной интонацией, но определённо неприязненно отозвался Карим.

— Работа такая, — пожал плечами императорский вассал.

— Да, работа… — градус негатива только увеличился, — толкать на преступления граждан.

— Исполнять Волю Императора — не преступление, а патриотизм. Хотя, как ни прискорбно, теперь у офицеров армии и полиции такие воззрения всё больше не в чести… — смотря в сторону, всё тем же легким тоном проговорил служащий Лазурного Дворца.

— Честь офицера — служить Родине и умереть за Родину! — в голосе Мамедова лязгнула сталь, — а открыть склад резерва армии по первой просьбе непонятно кому — предательство Родины!

— Склад предназначен для использования в чрезвычайных ситуациях, — наконец обернулся к собеседнику Долгин, — а долг службы Великой Империи — у каждого свой. Кроме того, разве я действовал не по уставу? Старший офицер, целый генерал! — присутствовал на вскрытии склада: всё как полагается.

Похоже, военному было что ответить — но тут взгляд отца Светланы случайно упал на привалившуюся к дощатой стенке и в таком положении уснувшую Анну, и Карим сдержался.

* * *

Следователь забрался в вагон буквально за пять минут до отправления поезда. Причём с таким лицом, что Мамедов, переглянувшись с Соломиным, спросил:

— Проблемы?

— Вот, полюбуйтесь, — вместо ответа казак протянул попутчикам толстую кипу газет. Для меня ракурс был удачный, так что я без труда разглядел, как генерал вынул из кучи «Военное обозрение», а Имперский Аудитор — «Пекин», причём в иероглифической версии. До того крепко спящая принцесса тоже решила поучаствовать, а следом, потянувшись за остальными, сунулась Светка. Правда, дочке Мамедова не повезло: отец на неё так зыркнул, что та молча юркнула на своё место.

— И что? — служащий Лазурного Дворца явно умел очень быстро читать и знал не только ханьское наречие: толстый столичный ежедневник сменила знакомая мне газета «Монголын унэн»[16]. — Не вижу ничего тревожного…

— Не просто «ничего тревожного» — вообще ничего! — перебил Василь собеседника, — сорваны самые масштабные учения года, нанесён огромный материальный ущерб, есть жертвы. И что пишут? «Есть сведения, что внезапная проверка боеготовности войск ВИ прошла не по намеченному плану» — и это на третьей странице. Я уже не говорю про пожары и убийства в Ундерхаане — как будто такого города в Империи нет вообще!

— Правду заговорщикам скрыть всё равно не удастся, — подняла взгляд от страниц своей газеты Анна, — но они будут замалчивать ситуацию столь долго, сколько смогут. Очевидно, имеют основания полагать, что время работает на них…

— Это ещё не всё, — жестом прервав наследницу престола, опять заговорил петроградский полицейский, — нас не ищут. Ни по гражданским каналам через полицию, ни по военным. Вообще никак.

— Это точно? Ошибки быть не может? — резко подалась

вперёд принцесса.

— Точнее не бывает.

— Это же хорошо, разве нет? — поскольку взрослые замолчали и, похоже, продолжать разговор не планировали, со своего места подала голос Светка.

— Нет, — лицо Анны теперь напоминало лицо Долгина. — Это значит, что по мнению «партии мира», что бы мы не сделали, включая бежавших из плена генерала и следователя из Петрограда — на итог их действий это уже не повлияет. Похоже, всё, что мы уже сделали, всё — оказалось напрасным.

Пол под ногами дрогнул, межвагонные сцепки отозвались дружным лязгом — и товарный состав медленно тронулся в путь. Вот только никакого облегчения это не вызвало — бежали мы, оказывается, лишь от собственной тени. Твою ж ма-ать…

8

В город Чита мы въехали уже вечером. Солнце почти докатилось до линии горизонта, расчертило городской пейзаж и окрестности оранжевыми полосами и длиннющими сизыми тенями. Кварталы старых домов и новостроек, устроившиеся в уютной долине у озера между уже ставших привычными поросших травой возвышенностей, казалось, довольно щурятся, умиротворённо всматриваясь в закат… Вот бы ещё увидеть эту картину не через оставленную для вентиляции щель в створках ворот товарного вагона, и в обстоятельствах, непохожих на наши — вообще замечательно бы было!

Пока поезд не слишком шустро тащился теперь уже по Транссибу от станции Кайдалово до вокзала Читы, взрослая часть нашей группы не сидела в мрачном замкнутом молчании. Все известные факты оказались обговорены не менее, чем по три раза, а собеседники постепенно выбили друг из друга некоторые интересные подробности — мне оставалось только слушать и запоминать. Так, например, оказалось, что, пока наш агент Лазурного Дворца налаживал контакты с местными резидентами на железной дороге и вскрывал склад армейского резерва, не менее бравый казак сумел выйти на связь с управлением полиции Петрограда. И успел не только отстучать сведения о важных свидетелях и технических средствах своему руководству — но и получить доступ к служебным файлам и информационным подборкам. Именно так следователь выяснил, что никаких ориентировок на задержание группы или отдельных лиц, в неё входящих, не поступало, причём не только по линии правоохранительных органов, но и по военной тоже. Похоже, у военной прокуратуры и столичного спецотдела были прямые подвязки на почве регулярно пересекающихся интересов — ещё одно «приятное» открытие для Карима Мамедова.

Впрочем, у отца Светланы были поводы для плохого настроения гораздо серьёзнее завербованных императорской спецслужбой интендантов на складе резерва. Оставшаяся на Полигоне сводная войсковая группа оказалась, в итоге, там же просто брошенной. Нет, какое-то количество строительной и ремонтной техники у военных в распоряжении осталось — в составе развёрнутых инженерных рот, но её явно было недостаточно для тушения складов ГСМ и, особенно, боеприпасов. И это если не вспоминать об основательно разрушенной авиатранспортной инфраструктуре Ундерхаана — как и в России моего старого мира, именно армия оперативно

устраняла критические разрушения столь важных гражданских объектов. Тем более, если по поводу произошедшего на Полигоне ещё можно было решением верхушки Министерства Обороны засекретить масштаб разрушений и бедствий, то гражданские власти Монголии просто не имели права молчать о своём районном центре. И уж тем более ничего не делать. Однако, создавалось впечатление, что город, где я учился, внезапно кто-то стёр из нашей реальности: про него в СМИ вообще не было ни слова.

Разумеется, одними газетами мы не обошлись — Ирис вновь пришлось поработать поисковой машиной, разыскивая информацию через Глобальную Сеть. Сначала информацию в электронных изданиях, а потом уже просто любую общедоступную на заданную тему. Вотще. Глухо. И это было настолько… неправильно, что даже Долгин терялся в догадках. Где уж тут наслаждаться закатом. Одно хорошо: непонятная, но определённо очень серьёзная проблема заставила-таки наших взрослых перестать собачиться между собой, и даже действовать сообща.

— Сидите тут и не высовывайтесь, пока мы не вернёмся… Или, по крайней мере, никуда в одиночку не отходите, — проинструктировал нас Карим Ашотович. Дополнение было в тему, поскольку здесь, в отличие от удобного штабного салона, туалетов предусмотрено не было.

— И автоматами не светите, — дополнил Василь, прежде чем спрыгнуть следом за генералом и Имперским Аудитором, — это на карауле с оружием положено стоять, а до ветру ни один сержант рядового с «собакой» на перегоне не отпустит. Анна, мы рассчитываем на тебя.

Я был твёрдо уверен, что стоянка в Чите будет по крайней мере относительно недолгой — но, как выяснилось, капитально так ошибся. Буквально через пять минут нарисовался местный маневровый локомотив и оттащил наш вагон и платформу с Агатой куда-то на самую периферию путей, в тупик рядом с какими-то покосившимися деревянными (правда, старательно окрашенными) сараями, заросший внушительными лопухами. Правда, благодаря такому перемещению тут же решилась уже обдумываемая мною ранее насущная проблема: вечерний ветерок донёс до нас лёгкие нотки характерного амбре, лучше всяких указателей «объяснив» путь к расположению удобств типа «эм-жо».

Сортир, кстати, поразил меня до глубины души. Нет, не грязью: чистенький такой деревянный домик-кабинка — видно, железнодорожники за своей «комнатой отдохновения» тщательно

следили. Просто… добротные доски изнутри освещала неяркая лампа накаливания в простеньком плафоне (вокруг неё с жужжанием вилась непременная муха), туалетная бумага висела, надетая на вбитый в стену гвоздь-двухсотку, ну и неизменная дыра-в-полу соседствовала с рукомойником аля ведро-со-штырем-снизу. А рядом, за дверью, меня ждал боевой человекоподобный робот, умеющий вполне правдоподобно притворяться человеком, сделанный из материалов от истребителя шестого поколения и оснащённый «вечным» процессором из шестинанометровых углеродных нанотрубок, по вычислительной мощности равным иному дата-центру[17]. Ей-ей, даже проблемы, плотно кружившиеся в моей голове, отступили на второй план под действием такого контраста. Это Россия, да. Наверное, её можно безошибочно узнать в любом из миров, под каким бы названием она не пряталась…

Не могу сказать, что после посещения туалета я постиг дзен, но… Неожиданная эмоциональная разрядка определённо помогла. Словно шоры спали: я, наконец, оценил и пылающий красным закат, и перистые облака над головой, кистью неведомого художника раскрашенные во все оттенки пастели. Услышал переливы птичьего щебета, и даже увидел «певца»: «зависшего» в воздухе над огородами жаворонка! А взобравшись назад в вагон, с высоты его пола смог разглядеть и совершенно деревенские дома частного сектора с цветными резными наличниками, и скорее символические нитки кособоких заборов, утопающих в не по-весеннему высоких сорняках, и даже антикварные в продвинутом 2016 году фонари-«грибки» на столбах освещения, включившиеся на моих глазах…

* * *

— Автоматы оставляйте внутри — и на выход, — совсем не командным, каким-то внутренне-усталым голосом распорядился Мамедов, — пойдёте с Дмитрием, здесь я сам… посторожу.

Генерал и агент Лазурного Дворца вернулись уже после того, как Солнце зашло — вдвоём, где-то потеряв следователя. Закат уже по-южному быстро отпылал — буквально за считанные минуты, и без перехода через сумерки настала тёплая и удивительно ясная ночь. Звёзды над головой с кулак размером — это сверху, а снизу непроглядные куски черноты в садах и по склонам холмов у горизонта мешались с полутенями всех оттенков оранжевого и синего под ногами — от неравномерно горящих уличных и станционных фонарей. Соломин уверенно

повёл нашу группу, что называется, «огородами» — тропинка долго тёрлась между путями и городской застройкой, пока не нырнула в хаос узких тёмных переплетающихся проходов на «задах» частного сектора.

Некоторое время пришлось чуть ли не держаться за спину впереди идущего и переставлять ноги большей частью наугад: как тут ориентировался наш провожатый, вроде столичный житель, оставалось только гадать. Будь мы тут вдвоём с Ирис — достал бы планшет и воспользовался её глазами, а так пришлось довериться Имперскому Аудитору, не зевая шагать и периодически морщиться, когда очередная шавка считала своим долгом облаять из-за забора. Судя по тому, что волна собачьей брехни сопровождала только нас — больше любителей ночных пешеходных прогулок в Чите не нашлось, по крайней мере — в этом районе. Деревня, блин…

Путешествие закончилось как-то резко и неожиданно: Соломин открыл скрипнувшую во тьме калитку и провёл нас через запущенный приусадебный участок к виднеющемуся впереди дому: улица рядом освещалась всё теми же восхитившими меня ранее «грибками», и кое-что из окружающего пейзажа глаз всё-таки смог ухватить.

— Где это мы? — Светка, как всегда, первой успела задать животрепещущий вопрос. — Ой, котик!

Серая полосатая зверюга с усатой ряшкой шире задницы и зелёными глазищами громким мявом выразила своё мнение о всяких, шляющихся тут, но всё же величественно позволила генеральской дочке пару раз провести рукой по бархатной, лоснящейся спинке.

— Это — конспиративная квартира, — чуть подумав, неожиданно прямо, безо всяких обиняков ответил Дмитрий.

— Вау! — блондинка тут же отвлеклась от кота, с восхищением оглядываясь по сторонам. — Настоящая? Как в фильмах?!

Я заметил, что даже безучастно вставшая у стены прихожей Жаргал немного оживилась.

— Самая настоящая, — спокойно подтвердил наш «Джеймс Бонд» без улыбки. — Резидент Лазурного Дворца приходит сюда каждый день, обновляет запас продуктов, убирается, при необходимости дополняет гардероб. Иногда к нему приезжают «родственники» или «знакомые родственников» — пожить в пустом доме, куда агент их «охотно пускает». Так что здесь можно спокойно располагаться — никто не побеспокоит, резидента я предупредил. Воспользуйтесь ванной и душем, приведите себя в порядок, подберите по шкафам гражданскую одежду. По

возможности никуда не выходите и попробуйте выспаться…

Полосатый, снисходительно фыркнув, боднул лобастой башкой ногу глупой человеческой женщины, переставшей его ласкать, но, не добившись результата от Светки, грациозно покачивая задранным хвостом, подошёл к Анне.

— Мрра-у? — басовито, с отчётливой вопросительной интонацией поинтересовалось животное.

— …и кота покормите, — невозмутимо закончил инструктаж Имперский Аудитор, — я вернусь к утру.

* * *

«Квартирка», в смысле дом резидента Лазурного Дворца, впечатляла: четыре комнаты только на первом этаже, а ещё есть мансарда с двумя спальнями под скошенным потолком. Все удобства, включая горячую воду и канализацию — никакой «деревенской романтики». А я уже мысленно был готов, после «сервиса» на железке… Насчёт «подобрать себе одежду» тоже проблем не предвиделось: платяные шкафы реально ломились от шмоток! Разного размера и фасона, вещи оказались аккуратно распределены по некой системе, благодаря чему Мамедова, открывая шкаф за шкафом, быстро добралась до подходящих себе и азартно в них закопалась.

На кухне в большом количестве нашлась еда — свежий хлеб, консервы, овощи и полный холодильник полуфабрикатов. Неизвестный владелец недвижимости не забыл и про единственного постоянного жильца — наготовил каши, смешанной с мясными обрезками, на несколько дней и заботливо упомянул об этом в единственной коротенькой записке, оставленной под магнитом. Чувствуется серьёзный такой профессионализм: всё продумано до мелочей. И как только с таким вниманием к деталям спецслужба Императора умудрилась проморгать подготовку к активным действиям заговорщиков?

С едой неожиданно стала разбираться принцесса, начав с кота — тот выводил рулады на разные лады и не давал прохода, путаясь под ногами, пока ему не выставили полную миску упомянутой заранее приготовленной смеси. Сначала помогал Анне только я, потом на запахи подтянулись остальные — оказавшись в спокойной обстановке, жрать захотелось неимоверно. Ведёрную кастрюлю обычных макарон с вывернутой в них тушёнкой из банок мы смели наперегонки, по ощущениям — минут за пять. И никого не смутила скромно занявшая угол кухни Ирис и нет-нет да и пробивающиеся сквозь ароматы

позднего ужина запахи больше суток по летней жаре не мытых тел. Даже Жар работала вилкой наравне с остальными, временно сбросив столь напрягающую меня апатию.

— Фу-ух! — Света, продемонстрировав класс в уничтожении еды, первой откинулась на спинку стула, похлопав себя по животу. — Вкусно! Круче, чем когда мы с папкой на Урал в его отпуск ездили и крупа промок…

Я пнул ногой дуру по щиколотке, качнув головой в сторону Жар. Поздно: стоило жрице услышать блондинку, глаза бывшей одноклассницы опять словно потухли изнутри, а лицо снова превратилось в отстранённую маску.

— Надо выполнять распоряжения Дмитрия, — привлекла наше внимание Анна. — Не расслабляйтесь… слишком сильно. Под утро, возможно, нужно будет быстро уходить — слышали же? Стоит подготовиться и постараться успеть хоть немного поспать в нормальных условиях. Светлана, ты, как я понимаю, уже разобралась, во что переодеться? Иди в ванную первой, я помогу остальным.

* * *

— Ты что, собираешься пойти туда вместе с ней?!

Я остановился. Вздохнул. И повернулся к Мамедовой.

— А ты предлагаешь оставить её в таком виде? — я ткнул в сторону Ирис со стопкой подобранной Анной для андроида одежды.

— Нет, но… Она что, сама не сможет? — возмущённо тряхнула уже почти высохшими волосами блонда.

Так. Вдохнуть-выдохнуть.

— Света. Ирис — робот. Не человек, помнишь, нет? Представь себе, экспериментальную машину не только мыли вручную, но и каждый раз досконально осматривали после возвращения с полевых испытаний. Мыться самостоятельно, представь, ей не пришлось ни разу.

— Это… неправильно!

— Да? А как — правильно? — я с преувеличенным вниманием посмотрел на генеральскую дочку: лоб и щёчки Светки уже стали отчётливо-розовыми и, кажется, останавливаться на достигнутом колоре не собирались.

— Н-ну, не знаю… Выделить специального человека… Женщину! — почему-то Мамедова избегала встречаться со мной взглядом — и да, продолжала краснеть.

— Ты предпочла бы, чтобы в авторемонтной мастерской твою

машину осматривал механик или уборщица? — я подпустил в голос сарказма, стараясь скрыть внезапно накатившее раздражение: все умные такие вокруг собрались!

Анна отсутствовала — в отличие от некоторых она чётко следовала словам Соломина и сразу же ушла на второй этаж — спать. Зато в гостиной осталась Джимбинова: тут, кроме двух платяных, нашлось место и книжному шкафу, и теперь жрица, так и не сняв намотанного полотенца с головы, сидела на диване, читала чем-то заинтересовавшую её книгу, и механически поглаживала устроившегося на коленях кота. Подозреваю, именно Жар и была причиной, почему неугомонная Мамедова тёрлась тут же — кроме того, что еда и водные процедуры её, казалось, только взбодрили. Блондинка, пока я ждал своей очереди и мылся сам, успела повторно перерыть всю одежду в доме, достать и просмотреть по диагонали с десяток книг (картинки искала, что ли?), включить и выключить телевизор, подняться наверх, ещё раз переодеться — и, к сожалению, вернуться именно тогда, когда я собрался отмывать Ирис.

— Всё равно, так — нельзя! — донеслось в спину, стоило мне опять развернуться к двери ванной комнаты. Да блин… Всё, достала.

— Мамедова… Ты, я вижу, что-то такое уже себе напридумывала? — я, копируя сову, наклонил голову к плечу, пытаясь этим жестом донести всю степень «удивления». В этот раз взгляд Светланы поймать удалось. — Или ты думаешь, что я прямо там… Прямо вот с ней?

— Да ты!!! — от лица аж подскочившей и сжавшей кулачки блондинки теперь можно было смело прикуривать. Честно сказать, я думал добить девчонку фразой типа «или хочешь присоединиться?», но, внезапно понял: совершенно нехарактерный для меня приступ иррациональной злобы уже прошёл. Кстати, идея о «вместе» не такая уж и глупая. Даже, скорее, наоборот.

— Пойдём с нами, — с очередным вздохом, уже нормальным голосом предложил я, — заодно и… гм. Проконтролируешь.

— А?!

Но я не стал любоваться на отвисшую челюсть генеральской дочки, только махнул рукой: если не передумала — заходи.

К чести Светы, под дверью долго мяться она не стала — секунд десять, не больше. Мне этого как раз хватило для того, чтобы снять с Ирис… кепку.

— Ужас, — честно признался я.

Коса, которую моя подопечная засунула под головной убор, даже не думала распрямляться. Интересно, с этим можно что-

нибудь сделать, или проще сразу срезать? Правда, я что-то не уверен в своих парикмахерских талантах… И талантах кого-нибудь из наших. И в цирюльню андроида я не поведу — по понятным причинам. Разве что Анну разбудить: тепловоз её водить научили, готовить — тоже, может ещё и стричь?

— Света, ты знаешь, чем это… вообще можно распутать?

— Вот, масло репейника, — практически молниеносно перед моим носом появилась бутылочка из тёмного стекла с соответствующей наклейкой. Мамедовой было неуютно, девушка не знала куда себя деть, но, похоже, я действительно не зря её позвал. По крайней мере, я лично из всех этих бутылочек, баночек и флаконов, оккупировавших полку над раковиной, уверенно мог сказать как применять разве что шампунь.

— И как им пользоваться?

— В волосы втереть, — Светка посмотрела на меня как на идиота, даже про стеснение забыла, — а что ещё, по-твоему, можно сделать?

— Проехали… Ирис, раздевайся.

9

В мире есть множество на первый взгляд идиотских, хотя на самом деле полезных занятий. Уверен, если бы кто-то потрудился составить их рейтинг, втирание репейного масла в волосы человекоподобного робота могло смело претендовать на место в первой десятке! Скажу так: к концу процедуры, которую, к слову, мы со Светкой проводили в четыре руки, у меня уже пальцы сводило от напряжения, да и Мамедова выглядела основательно подзадолбавшейся. Но мы это сделали.

— Всё, хватит, — генеральская дочка утёрла честный трудовой пот тыльной стороной руки. Поперёк лба блондинки осталась широкая, жирно блестящая полоса: в процессе работы над причёской Ирис мы оба измазались в этом «природном косметическом средстве» по локоть. И это я ещё вовремя сообразил, зачем парикмахеры в фартуках работают… — Дальше надо подождать минут десять.

— Отлично! Как раз успеем отмыть… всё остальное.

Андроид распрямилась. Уверен, выражение лица у неё было вполне обычно-нейтральное, но из-за копны превратившихся нашими усилиями в натуральное воронье гнездо шевелюры, а также из-за блестящих дорожек масла, пролёгших от головы через всё тело вниз, Ирис выглядела на редкость несчастной. Ещё и ресницы вздрагивали куда чаще обычного, паря то и дело скатывающуюся сверху на фоторецепторы жидкость…

— Хороша, правда? — я взял в руки губку, с удовольствием созерцая открывшийся вид.

На самом деле, конкретно моих заслуг в том, как выглядит и функционирует тело наземного автономного модуля, было не так много. Только идейно, можно сказать, поучаствовал, на уровне создания концепции. Мне, когда я воодушевлённо описывал перед Абишевым и вихревцами преимущества бионики, — то есть возможность передрать решения матушки-природы, повторив их с помощью небиологических материалов, — и в страшном сне не приснилось бы, что меня возьмут и послушают! Детское тело в первые месяцы пребывания в этом мире нехило так влияло на мозги, и остановить полёт фантазии в относительно разумных пределах получалось далеко не всегда.

Кто из подростков мужского пола, любящих фантастику, не мечтал о собственном роботе, выглядящем, как сексапильная красотка? Тем более, что японские художники и аниматоры моего старого мира с удовольствием эксплуатировали этот образ — было на что… эээ, ориентироваться. Ну а поскольку в каждом

взрослом мужике живёт двенадцатилетний мальчик, свои фантазии я не забыл и в тридцать пять. Ну а как помолодел… Кто же знал, что у «оружейного бека» есть доступ к документации о сверхпередовом истребителе шестого поколения, где конструкторы, столкнувшись с массой проблем при разработке гиперзвукового космоплана, уже удачно обкатали все необходимые решения? И что у моего опекуна достаточно широкий взгляд на вещи, чтобы выслушать «ребёнка» и сопоставить услышанное с уже известным? Но, в любом случае, дальше была работа инженеров — а я присоединился к общим усилиям после того, как тело тогда ещё безымянного андроида собрали в «Каменном Цветке» и попытались научить ходить…

Вынырнув из воспоминаний, я невольно проследил за взглядом Мамедовой… И хмыкнул:

— Можешь потрогать, если хочется…

— Ах ты!.. — Светка натурально подпрыгнула, вновь заливаясь катастрофическим румянцем. — Это не то, что ты подумал, придурок!!!

— Да ладно тебе, — глядя на ультрасмущённую мордашку пойманной «на горячем» (по её мнению) собеседницы, меня начал разбирать смех, — нечего стесняться! Форма и впрямь идеальная.

Подозреваю я, что эта… анатомическая особенность тела АНМ была шедевром за авторством кого-то из вихревской команды, этакой шуточкой над остальными. Вон, мужики из НАСА в моём мире колесами марсохода в пыли на поверхности другой планеты нарисовали член[18], а мы чем хуже? Интересно, он с натуры, так сказать, срисовал, или загрузил мейнфрейм лабы на пару часов вычислениями, дабы придать груди боевой машины столь идеальную соразмерность и пропорциональность? Прошла пара месяцев, пока взрослые мужики перестали украдкой отводить глаза от висящей на тестовом стенде Ирис…

— З-зачем такое… правдоподобие? — Мамедова, смотря в угол, махнула рукой куда-то в сторону ванной.

— Затем, что диверсионно-разведывательный робот должен максимально походить на человека — я это уже объяснял твоему отцу, если помнишь. У Ирис не только фигура натуралистичная, у неё даже пульс есть. Даже тепловая картина тела в целом походит на человеческую… Издали… Пока она не переходит в боевой режим, — я встретился глазами с блондинкой и не удержавшись, добавил: — Но, если тебя интересует, одно важное отличие всё-таки есть. Важное для мужчин, если ты понимаешь, о чём я…

— Дурак, — чётко припечатала, глядя мне в глаза, Светка, и отвернулась. Впрочем, демонстративная «обида» не помешала ей забрать у меня протянутую губку: фронта работ по-прежнему

хватало на двоих.

* * *

— Всё, что ли? Теперь надо волосы расчесать и масло смыть.

Чудеса человеческого восприятия: всего-то полчаса прошло, а Мамедова теперь смотрела на обнажённую Ирис без всякого смущения, зато с легко читаемой гордостью от хорошо проделанной работы.

— Подожди, сначала… Ещё одно, — поколебавшись, остановил я одноклассницу.

Перекрыв тёплую воду, подержал руку под холодным душем, потряс окоченевшими пальцами: видно, вода шла в местный водопровод из артезианской скважины, и всю нагревшуюся за день успели слить. То, что нужно… Вроде бы. Шайтан, как-то мне стрёмно. В одиночку, в кустарных условиях, температуру рукой измеряя, блин! Но — недаром любой военный скажет, что за оружием надо ухаживать прежде даже, чем за самим собой. Куда хуже, если Ирис придётся делать экстренный саморемонт «в поле». А если посреди боя?

— И зачем это? — генеральская дочка с интересом следила, как я, заставив андроида выбраться из ванной, набираю туда ледяную воду.

— Ммм, как бы попроще… — я посмотрел на девушку, и тут же мысленно хлопнул себя ладонью по лбу, — Так, ты же адепт Первого Пути, значит, в анатомии разбираешься?

— Опять издеваешься? — скептически прищурилась на меня Светка.

— Да нет же, я серьёзно! Короче, знаешь что такое «микротравма скелетной мышечной ткани»?

— Кха! — аж подавилась воздухом собеседница. — Да это первое, с чем любой Воин сталкивается! Да и не только воин — на физре на шпагат сел без разминки, и готова эта твоя микротравма, и не одна. И что?

— А то, что бионика копирует все особенности биологического организма, а не только положительные черты, — я повернул планшет экраном к блондинке.

Когда я сегодня утром рассказывал отцу Светы про результат работы «Каменного Цветка», то показал интерактивную схему Агаты с указанием проблемных мест, но «забыл» сделать то же самое для Ирис: слишком много нужно было бы объяснять, ну и я не собирался посвящать почти незнакомого мне мужика в разные тонкости. Однако теперь, когда выбор пути определился, и нас

везли в Питер «сдаваться», наоборот, стоило предупредить о возможных проблемах — на случай возможных происшествий в пути.

— Видишь жёлто-зелёные и жёлтые точки и линии на силуэте, симметричные и нет? — я продемонстрировал Мамедовой экран планшета. — Это отметки проблемных мест. Если будет красный — значит, мышца в этом месте накрылась. «Цветку» пришлось здорово попрыгать и побегать, и не всегда усилия удалось соизмерить. Самообучающаяся система постепенно подстраивается, но… Короче, полимер мышц сокращается при пропускании тока, но он одновременно и нагревается, слегка меняя свойства от температуры. Излишек тепла отводится через систему циркуляции теплоносителя к системе вентиляции, как у автомобиля двигатель охлаждается радиатором. Только мы ещё над компрессором поработали, чтобы качал масло толчками, имитируя сердечный ритм… К слову, наша кровеносная система тоже выполняет аналогичную функцию. Ты, наверное, тоже это знаешь…

— Знаю, — нетерпеливо мотнула головой блондинка, — так дело-то в чём?

— В том, что наши мышцы живые и сами заживают, а у Ирис — нет. Понятно? — немного раздражённо уже без обиняков «рубанул» я. — Полимер растягивается или, наоборот, сжимается, и так застывает, когда мышца меньше задействуется и температура волокон эластина падает. А ещё могут образоваться микроразрывы. Если ничего не сделать, проблемы накапливаются, и андроид теряет часть подвижности, потом ещё часть, потом ещё… И так до полной деградации. После каждого выполнения силовых упражнений мы восстанавливали геометрию синтетических мышц на специальном стенде, но и то пришлось дважды заменить практически всю мускулатуру… Теперь стенда у меня нет, и вряд ли я его смогу в ближайшее время найти, сама понимаешь. Мы отработали полевую процедуру обслуживания — оружие нужно обслуживать в любых условиях. Проблема в том, что я этой процедурой ни разу не пользовался.

Процедура… На самом деле в теории всё просто: Ирис подаёт ток на мышечную группу, эластин быстро нагревается в режиме статического сокращения и от температуры становится более вязким, а микроразрывы слипаются или, если правильнее, сплавляются. Соседними мышцами «цветок» натягивает или сокращает мускул, и тот «застывает» в нужной геометрической форме. Проблема в температуре, которую надо сначала в нужном месте набрать, а потом по возможности быстро отвести. На стенде у нас подавался сильно охлажденный специально осушённый

воздух, позволяющий очень быстро остудить камеру, тут же… придётся обойтись подручными кустарными средствами.

В теории, опять же, всё должно было получится даже «насухо» — андроиды по техническому заданию предназначались для армейской разведки, а там с бассейнами или холодильниками было бы туго. Но… А вдруг что-то пойдет не так? Перегреется что-нибудь важное, например? Вот то-то и оно. Собственно, для того я и затеял все эти объяснения для Светки — тупо оттягивал момент начала. Ну и заодно, поделившись сомнениями, я как бы разделил ответственность, если уж совсем честно. Психология, ничего личного…

Техническое обслуживание внешне проходило довольно обыденно: Ирис разогревала, а потом оперативно окунала обслуживаемую часть тела в воду, одновременно учащая «дыхание» и «пульс», и так раз за разом. Скучно, наверное, было просто наблюдать, но, к моему удивлению, Мамедова прониклась серьёзностью момента. Просто стояла рядом, пока подопечная под моим контролем проходила процедуру цикл за циклом — и за эту молчаливую поддержку я был ей очень благодарен. А под конец показала, что ей тоже было не всё равно:

— А оттенок зелёного стал другим. Более светлым, — генеральская дочка ткнула пальцем в то место, где раньше была сплошная жёлтая заливка.

— Заметила, да? Полимер мышц постепенно изнашивается, особенно быстро при перегрузках. Мы в лабе примерно посчитали — одного комплекта мышц при средне-интенсивном использовании андроида должно хватить от года до трёх, а дальше — «капиталка». Кости скелета, кстати, тоже нужно проверять — металлокерамика тоже отнюдь не вечная. Что поделать, чем совершеннее оружие, тем оно сложнее.

— Хм, — блондинка задумчиво кивнула… и протянула мне расчёску-гребешок. Я посмотрел на маслянисто блестящий ворох спутанных волос, на гребень в руке, но пожал плечами — и на пробу потянул за спутанные пряди поближе к краю. К моему удивлению, волосы с лёгкостью проскользнули сквозь зубья.

— Хи! — генеральская дочка, поглядев на меня, прыснула. Видимо, выражение на моём лице было достаточно красноречивым — потому что Мамедова, еле сдерживаясь, пояснила:

— Ты тут такой мне спокойно рассказывал и показывал, как чинить роботов в полевых условиях… А сейчас с такой рожей пялишся на расчёску, как будто никогда в жизни не видел, как масло на волосы действует! А-ха-ха! Ой, не могу…

Я покачал головой и взялся за следующую прядку. Вот

сволочь белобрысая! Только… вместо раздражения у меня её смех почему-то теперь вызвал тёплую улыбку.

* * *

…Жаргал обнаружилась на том же месте: свернулась на зависть коту, поджав ноги, а под головой у неё лежала давешняя книжка. Девушка во сне улыбалась — светло и беззаботно. Кот, ответственно исполняя священный кошачий долг, охранял человеческий сон, сфинксом устроившись на узковатой для него спинке дивана. Впрочем, стоило нам накрыть Джимбинову пледом, полосатый страж увесисто, но беззвучно переместился на пол и величаво отправился за нами в соседнее помещение.

— Долго провозились, — Света мазнула взглядом по классическим деревенским ходикам на стене, с гирями и маятником, только без кукушки, — рассвет часа через три уже.

— Извини, — вполне искренне повинился я: Мамедова и впрямь неплохо помогла. Сколько я бы делал то же самое один — сложно предположить, но, скорее всего, поспать не успел бы вовсе.

— Да что уж та-а-у-а-м! — с зевком отмахнулась блондинка, зачем-то заглядывая за шкаф, потом за второй, — Сама же напросилась…

Осмотр окончился удачно: девушка потянула за что-то рукой, и вытащила лежанку-раскладушку.

— С Жар побуду, — пояснила она мне, беря спальное место в руки, — на всякий случай. Проснётся одна, а там мало ли что… Да и смысл на второй этаж тащиться, устраиваться, постель расстилать… Времени больше потеряю.

Мне оставалось только признать правоту её слов, и самому пристроиться на софе — как был. В чистой одежде поверх чистой кожи и горизонтально — после двух суток приключений уже само по себе кайф невероятный. Как, однако, быстро меняются приоритеты, стоит возникнуть проблемам.

Пока я искал что-нибудь не слишком теплое (лето же!) укрыться на ночь, Ирис устроилась в кресле. Мордатая зверюга, будто того и ждала, немедленно запрыгнула ей на колени, подставив чуть выгнутую спину: гладь, мол. Честно сказать, я уже не очень удивился, когда Ирис медленно и аккуратно провела рукой по кошачьей шерсти: наверняка сетевой трафик опять был загружен на девяносто восемь процентов. Да, жаль что Маркулов не видит — порадовался бы, насколько круто работает самообучающийся алгоритм. Хе, если так и дальше пойдёт,

глядишь — Ирис с Агатой когда-нибудь станут похожи на искины, как их фантасты описывают. Хотя нет, это я загнул, конечно — одно дело когнитивные функции, сравнимые с человеческими и другое — приписываемые ИИ всякими писаками эмоции…

Кот с колен андроида недовольно мявкнул, но через пару секунд заурчал так, что я его прекрасно услышал со своего места. Не выдержав, притянул планшет… И поборол желание трижды поплевать через левое плечо. Ирис гладила кота… разогрев мышцы верхней поверхности бёдер и ладони до тридцати восьми с половиной градусов — примерно такую температуру имел сам усатый любитель ласки. Гладила, тратя лишнее топливо на поддержку температуры и производя совершенно ненужные движения. Наверное, если покопаться в логах, для этих действий было железобетонно логичное обоснование… Но я осторожно отложил компьютер. Нет уж. Только не сейчас. Лучше я побуду в плену иллюзий, что обоснование есть, чем не смогу его найти. Быть такого не может, но… Вдруг? Нет, нет, нет — сон, и прямо сейчас! Не хватало мне только при всём богатстве внешних раздражителей ещё и от недостатка сна страдать! Завтра… то есть утром — разберусь. Может быть.

Интерлюдия

Чита, полночь (по местному времени) со 2 на 3 июня.

Следователь Специального Отдела Центрального Полицейского Управления города Петроград, Василь Долгин.

В любом постоянном населённом пункте Великой Империи и в большей части временных, вне зависимости от географического положения и количества населения, от Столицы до затерянной на просторах Сибири деревушки, с гарантией можно найти их. Филиалы Имперской Сберегательной Кассы и Государственной Почтовой Службы. Разумеется, в деревне это скорее будет один дом на две конторы, а то и вовсе одна комната с двумя операторами за соседними столами, а в городах бывает и по два-три отделения на жилой квартал. Но и там, и там любой обратившийся гарантированно получит необходимый сервис. В Кассе — получить зарплату, пенсию, отправить переводом деньги, положить на счёт. В Почтовой Службе — отправить или получить письмо, телеграмму, посылку и воспользоваться мгновенной связью. Раньше для последнего служили только междугородние телефоны, а с развитием Сети появились и компьютеры…

Долгин тепло улыбнулся девушке-дежурной, выкладывая перед ней стопку монеток за аренду терминала: круглосуточное отделение Службы встретило его тишиной и совершеннейшей пустотой. Вообще, за время расчётливо-неторопливой прогулки у Василя уже сложилось определённое мнение о городе. Попроси его кто рассказать о Чите одной фразой, то первое слово в ней было бы «сонное», а второе — «неторопливое». Не захолустье, нет — царство. Транзитный узел Транссиба определённо процветал: чистые, ни соринки, улицы, ровный асфальт, многоквартирные дома тщательно ухожены да и частный сектор определённо не бедствует. При этом городские службы явно не старались выпятить достаток или даже идти в ногу со временем: зачем, если и так всё замечательно? Старые фонари тускловаты? Ну так света же хватает? Некоторые трамвайные вагоны единственной короткой линии помнят ещё дедушку нынешнего монарха? Ну так ходят же, летом в них не слишком жарко, зимой уж точно не холодно, ухожены тщательно, горожане довольны. Чего ж менять то, что работает хорошо?

В крупных городах — деловых центрах, ритм жизни волей-неволей заставлял городские власти пытаться непрерывно улучшать бытовые условия, и особенно это чувствовалось по ставшему уже родным казаку Петрограду. С другой стороны — а как быть? Если автомобилей год от года только прибавляется,

конторы и учреждения всё растут числом, да и гостиницы с постоялыми дворами отнюдь не резиновые? Тут не только фонари и светофоры на более яркие заменишь — задумаешься о массовой пересадке службы Скорой Помощи на вертолёты вместо машин-карет! Да и про полицию не стоит забывать.

Темп города-резиденции Правительства Великой Империи Долгина более чем устраивал. По его мнению, постоянные пинки под зад шли Северной Жемчужине и её жителям только на пользу — не давали зарасти мхом. По крайней мере ему, Василю, не давали. Подход «зачем отказываться от хороших и проверенных решений ради лишь новизны», характерный для Великой Империи на всех уровнях, от отдельных граждан и до масштабов всей страны, казак, конечно, тоже понимал и уважал. Привычка бережно и уважительно относится к вещам, особенно инструментам и орудиям труда, истинно ханьское нежелание перемен, смешанное с тяжёлым наследием Великой Войны, когда дети и внуки победителей переняли родительское желание просто жить тихо и спокойно, с твёрдой уверенностью в будущем, и сохранение традиций, в конце концов — всё это было важно и нужно. Но… не было в его прошлом того «хорошего», что следователь всем сердцем желал бы сохранить и передать. Не сложилось[19].

Собственно, уже не ранящие — столько времени прошло, да и смирился всё-таки — мысли о прошлом у Долгина вызвал даже не патриархальный облик Читы, а зелёная армейская полевая форма. Обычно спецследователь во время командировок старательно строил из себя гражданское лицо: местами занудного, местами глуповатого клерка. Так было проще найти подход к людям при проведении расследования, да и в случае проблем возможных противников ждал бо-ольшой сюрприз! Низкорослый и худощавый, совсем не похожий на опасного противника, Василь не забыл ни обучения в родной станице, ни занятий в военной академии, ни опыта спецотряда полиции, да и после не пренебрегал учиться у всех, у кого только можно. А люди в специальном отделе Центрального Полицейского Управления Петрограда все подобрались очень и очень непростые. Однако сейчас, в «камке» без знаков различия, пришлось изображать, а точнее — вернуть, и когда-то привычный чёткий шаг, и резкие, уверенные жесты, и жёсткий взгляд получившего приказ человека. Следить за Долгиным в ночной Чите было некому, но следователь привык всё делать как надо, а не спустя рукава.

Потому, например, дежурная с почты, приняв оплату, проводила военного заинтересованным, но не слишком любопытным взглядом. Ясно же, воспользовался оказией, пока его

поезд стоит ночью на путях. А что без погон — так скорее всего господин офицер решил «погулять» в самоволку. Она бы может и не прочь поболтать с мужчиной, но тот явно вырвался не просто так, а устроить видеоконференцию с любимой. Недаром переплатил не просто за место, а за кабинку, какие обычно арендуют купцы при удалённых переговорах, да и улыбался так! Знала бы она, кому на самом деле стал звонить незнакомец в камуфляже…

Для того, чтобы установить соединение через Глобальную Сеть с выделенным вычислительным узлом Центрального Полицейского Управления, желающему нужно было (помимо знания адреса узла) ввести не только головоломный личный код из восемнадцати символов, но и потом неподвижно смотреть в камеру над экраном, пока с той стороны не придёт разрешение или отказ. Раньше Василь всегда думал, что экивоки на медленную работу программы сличения лиц ничто иное как выгораживание дежурного лентяя-оператора в отделе технической поддержки, но после недавнего «знакомства» с продукцией частной лаборатории монгольского бека его уверенность поколебалась. Наконец, вычислительный узел ответил разрешением и приглашающе распахнул окно цифрового «личного кабинета» — ещё одной придумки противоестественного союза инженеров-программистов и безопасников управления, таким образом защищавших документы и служебную переписку сотрудников, по долгу службы связанных с разъездами и работой «в поле». А ещё из «личного кабинета» можно было установить прямую защищённую связь с любым реальным кабинетом внутри здания управления.

— Долгин.

Макаров, генерал полиции, замначальника ЦПУ и глава Специального Отдела ответил почти сразу же. Ждал? Вполне вероятно, после дневного-то сеанса связи. Недаром Василь напрягся сам и напряг Соломина, но получил-таки ненадолго доступ к терминалу железнодорожников во время дневной стоянки. К тому моменту предварительная обработка, гм, «попутчиков» им уже была завершена, факты и догадки упорядочены в общую картину и вся информация «наверх» была подана уже в готовом виде, можно сказать, на блюдечке с голубой каёмочкой. Вот этим блюдом и должен был попотчевать кого надо Сергей Юрьевич — от своего имени, разумеется. И, видимо, успел — только тон голоса непосредственного руководителя казаку очень, очень не понравился.

— Господин генерал.

— Я один, — развеял сомнения подчинённого шеф, — можно

говорить свободно… Если бы было о чём.

— Проблемы? — Долгин напрягся ещё сильнее.

— …, …, …! — так же коротко и абсолютно непечатно отозвался Макаров, тремя простыми словами охарактеризовав неких… нехороших людей одновременно лицами нетрадиционной ориентации, трусами, сынами женщин лёгкого поведения и отвратительными насекомыми. — Они отказались.

— А…

— Нет, ты не понял, Василь, — не дав сказать подчиненному и слова, второй человек в ЦПУ с нажимом повторил: — Они. Отказались. Получили информационный пакет, обсудили, как это водится… И решили ничего не делать.

— Что?

— Слышал, что я сказал? «Они», — опять перебил Долгина Макаров. Теперь голос генерала звучал уже без внутреннего напряжения, просто устало. — Я предполагал, что кое-кому насиженная задница давно заменила мозги, потому поднял все свои связи. Одновременно. Ты знаешь, я могу. И министра МВД, Голицина нашего накрутил. Так что, считай, я довёл твою инициативу именно до правительства… По крайней мере, до той его части, которая может принимать решения.

Слова, сказанные командиром, не сразу дошли до Долгина — настолько невозможно, нелепо они звучали. Мозг отказывался принимать услышанное, безнадёжно цепляясь за здравый смысл. Ослышался? Заснул на мгновение и успел увидеть кошмарный сон? Нет, не таков был Василь, следователь особого отдела, всегда работавший в одиночку и имеющий самую высокую результативность среди коллег, чтобы прятаться за спасительными иллюзиями. А вот держать удары ему было как раз не привыкать.

— Понял, — сквозь сжатые зубы всё-таки выдавил он из себя, — «партия мира»?

— Это даже смешно, но нет, — печальную усмехнулся собеседник, и Долгин с некоторым суеверным ужасом понял: даже Старику, «Несгибаемому Полковнику» как прозвали его свои в «Альфе» до последнего повышения в звании, не по себе. — Они вышли на контакт с премьером вчера около полуночи, и относительно вежливо уведомили, что не будут лезть в дела правительства. Немного поиграли мускулами при этом, конечно — но и только. Ничего не предложили.

— И в правительстве… проглотили?

— Что, в голове не укладывается? — собеседник на том конце цифровой линии вздохнул и, помолчав, признался: — Знаешь, у меня тоже. Столько лет мечтать стать из наёмных работников

государства настоящей политической силой — и как только выпал реальный шанс это сделать — слиться. Суд, выслушать свидетелей, рассмотреть показания, а на следующий день объявить внеочередной созыв Палаты Народных Представителей. Предъявить доказательства подготовки вооруженного противостояния и план реорганизации государственного устройства — с партиями, выборными постоянными представителями, Конституцией. И всё — «мирных» заговорщиков и чересчур ярых холуев Юрия, кто посмел бы рыпнуться поперёк, сам народ бы в землю втоптал! Взбаламутили бы страну знатно, но — мирно, и встряска пошла бы только на пользу. Великая Федеративная Республика — ведь звучит ничуть не хуже, чем Великая Империя…

Полицейский генерал помолчал, но потом всё-таки договорил:

— Знаешь, я бы понял, если бы они испугались. Введённых войск, которых, правда, нет, или за возможную народную кровь. Но нет. Они просто… ничего не хотят менять. Им тепло на своих местах, светит карьера, а кому уже нет — хорошая пенсия. Второй секретарь в срок поднимется до первого, зам станет министром так или иначе. Попал в госаппарат — и ты гарантировано «в обойме». Амбициозные давно не идут в чиновники, в том числе и, хех, из-за нас. Не умеют они сидеть на попе ровно, влезают во что не положено, схемы крутить начинают. Последние, которые с умеренными амбициями, вояки в основном — уже давно с «партией мира». Ну и наше ведомство — но мы уж слишком зациклены на своих проблемах — всегда есть кого гонять и куда стремиться. Из-за того очевидного увидеть не захотели — вот и результат.

— И что делать? — скорее от растерянности, чем по собственному желанию произнёс казак. Давно, очень давно он не спрашивал ничего подобного — привычка всегда жить своим умом стала его второй натурой. Но тут…

— К сожалению, полиция — это не армия, — Сергей Юрьевич ответил с этакими академическими интонациями, как будто лекцию читал студентам в училище, — есть бронежилеты и шлемы, автоматическое оружие и личный состав регулярно обновляет навыки в тире, да и на работе не только штаны над бумажками просиживает. Скорее всего, стянув силы со всего Петрограда и пригородов, при поддержке спецназа мы сможем захватить Свадебные Палаты и другие административные здания, и даже удержать их… Какое-то время. Против тяжёлого оружия и бронетехники, подогнанной на «пистолетную» дистанцию, мы просто ничего не сделаем — выбьют. Через день, максимум два.

Просто не успеем организовать внеочередной созыв, даже если начнем немедленно…

Долгина внезапно пробил холодный пот — его шеф говорил совершенно серьёзно. Действительно был готов организовать захват правительства и под дулами «собак» заставить-таки чиновников начать спасать страну.

— …Потому придётся сидеть и ждать, пока ситуация не станет критической, — всё так же ровно и размеренно продолжал Макаров, — и тогда брать ситуацию в свои руки — если, конечно, великое Дао не ниспошлет чудо, и чинуши раньше не одумаются самостоятельно.

Василь не мог назвать себя любителем истории, но основные события из школьного курса помнил хорошо. «Критическая ситуация» в Великой Империи уже была — тогда, когда переходному правительству последнего из Наместников отказались подчиняться армейские части и целые регионы, а улицы Петрограда уверенно лишались брусчатки, разбираемой на баррикады, возводимые на Дворцовой Площади. Воистину, у судьбы своя, особая ирония — минул век и события повторяются, как в кривом зеркале. Тогда, кроме отдельных выступлений, до массовых гражданских столкновений не дошло: «добрые соседи», европейцы, решили что настал шанс вырвать свой кусок из тела Империи. И остается только гадать, что произойдёт в этот раз к тому моменту, когда план замглавы ЦПУ получит шанс сработать. Европа так и не оправилась от сокрушительного ответа Восточного Дракона, но есть ведь и другие вечно голодные глаза.

— Какова моя задача, генерал?

— А вот это правильный вопрос, капитан, — голос начальника потерял горечь, зато обрёл привычные металлические нотки. — Твоя задача — сохранить свидетелей и доказательства. Как хочешь и где хочешь — только ни в коем случае не привози их сюда. Я, конечно, не передал интересантам всей нарытой тобой информации, но умному достаточно: многие могут захотеть избавится от дочки Юрия по разным причинам, если она окажется в пределах досягаемости. Не нужно создавать точку напряжённости раньше времени. И да, я тоже не буду знать, где вы. Задача ясна?

— Так точно!

Завершив сеанс и бездумно совершив заученные на курсах повышения квалификации действия, по мнению технарей Управления позволяющие «замести следы» на использованном компьютере, следователь не забыл мечтательно и рассеянно улыбнуться опять было задремавшей дежурной, окончательно уверив ту в своём разговоре с подружкой. И только отойдя на

квартал и отыскав микроскопический запущенный сквер без освещения, он позволил себе с болезненной гримасой рухнуть на едва угадываемую в темноте лавочку. Ей-ей, будь Долгин хоть немного набожен — отправился бы искать ближайшую открытую церковь и стал бы искренне молиться, прося вразумления! А так приходилось рассчитывать только на свои силы и разум. Есть несколько часов до рассвета, и за это время нужно решить, как действовать дальше. А ещё оставались попутчики, которых тоже совсем не обрадует смена планов…

Чита, ночь со 2 на 3 июня.

Особый Посланник Лазурного Дворца (Имперский Аудитор) Дмитрий Соломин.

— Вот, господин, — пожилой ханец с глубоким поклоном двумя руками протянул обёрнутый мешковиной и туго перетянутый бечевой пакет. Так по этикету принято передавать оружие к осмотру старшему по званию, важные документы высокому начальнику или принимать очень ценный подарок.

— Просто Дмитрий, уважаемый господин Ли, — в очередной раз безнадёжно поправил резидента Лазурного Дворца Соломин, одновременно быстро и цепко осматривая печать. Серебристо-серая металлическая бляха, разумеется, оказалась цела. — Я точно такой же слуга Императора, как и вы.

— Конечно, господин, — опять благоговейно поклонился резидент.

Дмитрий отчасти понимал мужчину: скорее всего завербовали его лет двадцать-тридцать назад, найдя удачного по всем параметрам субъекта, проживающего в нужном месте, вдохновили рассказом о личной службе самому монарху, поручили важную и секретную миссию… И с тех пор воспользовались услугами читинской резидентуры хорошо если раза три. Да и то, скорее, в рамках периодической проверки, а не по действительной нужде. И тут вдруг, как гром средь ясного неба — срочное требование не только предоставить конспиративную квартиру, но и лично поучаствовать в исполнении поручений самого Человека Императора! Включая передачу Секретного Пакета — все слова с большой буквы, разумеется. А попросил позвонивший на специальный номер и назвавший кодовую фразу Имперский Аудитор, отнюдь не мало — особенно для простого, по большому счёту, обывателя, и доставка хранимого в тайнике спецпакета была в этом списке самым простым действием.

Собственно, в случае форс-мажора, когда агент вынужден был напрямую взаимодействовать с резидентом, тот вне зависимости от результата считался засвеченным и его карьера этим ярким

событием и заканчивалась. С вынесением официальной благодарности из Запретного Города по подобранному постороннему поводу и некоторыми другими преференциями… Точнее, так должно было бы быть в нормальных условиях. Теперь же… н-да.

Вторым в списке услуг, кроме передачи упомянутого спецпакета, значился ноутбук. Откуда Ли умудрился раздобыть его среди ночи — бог весть, но скорее всего отдал свой (ребенка или внука?) или взял у кого-то из знакомых. Машинка, определённо, была не новой, возможно, лет пять назад списанной из армии — толстый, с небольшим экраном, надёжный даже на вид металлический чемоданчик. Человеческие пальцы касались клавиатуры компьютера не один год, но владельцы, что временные ранее, что постоянный после, тщательно и с любовью ухаживали за инструментом: приятно взять в руки! Ну и самое главное — этот терминал имел привычное программное обеспечение, а не был подключен к… к… Даже определение не подобрать, что умудрились наворотить программисты Абишева, включая малолетнего гения Далеева.

* * *

На Лазурный Дворец в Великой Империи работает множество людей: большинство сами того не зная, многие — как резидент из Читы, живя обычной жизнью и находясь в постоянной готовности выполнить свой долг. Из тех же, кто служит именно во Дворце, только малая часть выполняет поручения вне его стен на постоянной основе. Но и среди Посланников Имперские Аудиторы выделяются. Ведь «имперский» это не значит «императорский», это признание ширины возможностей такого человека. В русском имперском нет нужного синонима, «государственный» — это всё-таки не то. Европеец бы сказал «специалист национального уровня». Человек, способный на месте разобраться и самостоятельно принять взвешенное решение по широкому спектру вопросов. Культура, искусство, технологические производства, биология и медицина, информационные технологии, этика и даже религия. Собственно, потому с проверкой лаборатории «оружейного бека», по просочившимся слухам разрабатывающего в своих монгольских владениях нечто целенаправленно воздействующее на магов, и послали Соломина: требовалось оценить и вынести вердикт, посвятив как можно меньше людей. Но то, что Дмитрий обнаружил… Что его обнаружило после падения сбитого

самолёта, выходило далеко за пределы его знаний и компетенции.

Егору Имперский Аудитор верил и не верил одновременно. С одной стороны, парень правдиво отвечал на все вопросы, по крайней мере, верил в то, что говорил. С другой стороны, он сам, лично, несколько часов разговаривал с «бездушной железкой», так и не заподозрив за «голосом из телефона» компьютерную программу. Программу, своей волей спасшую его, совершенно постороннего человека, без всяких приказов. И спасшую от погони Мамедова с Долгиным — тоже по собственному почину. Но если Агата хотя бы была вертолётом, то Ирис… То самое «противомагическое» оружие всё-таки обнаружилось и оказалось роботом, «невидимым» для сверхчувств адептов Второго и Третьего Путей, и неотличимым от человека для всех остальных. Оставалось только гадать, кем себя возомнил Тогжан-батыр, уж не равным ли самому Богу-Творцу? И чем… или кем? — считать механизмы, способные в рамках выполняемого задания на свободу принятия решений? У Соломина давно бы уже голова болела от таких мыслей… Если бы не было других, более насущных причин для головной боли.

* * *

Вычислительный узел-сборник тематических конференций, к которому подключился через Глобальную Сеть Имперский Аудитор, на первый, да и на любой другой взгляд ничем не отличался от десятков и сотен таких же. Подобные площадки для обсуждений чего угодно делятся на места общения профессионалов и любителей: на первых можно почерпнуть массу ценной информации, а на вторых… Тоже можно, но сделать это куда сложнее: сложнее отделить достоверные сведения от трёпа, склок и переливания из пустого в порожнее. Зато в таком месте легко можно разместить нужную информацию — словно спрятать лист в лесу: попробуй, найди, если не знаешь, что именно искать. Агент Лазурного Дворца, разумеется, знал:

>Показать актуальные темы раздела «благоустройство»

«Пекин: экология и городское устройство»: 106 новых сообщений

>Загрузить

>Показать сообщения, начиная с новых

#355614

Улицу Мейнши перекапывают в трёх местах одновременно. Сейчас! Утром! Да не городские работники коммунальных служб, а

военные! На все вопросы отвечают, что ищут повреждения их какого-то секретного кабеля. Кабеля! А людям как добираться на работу?! В центре города, без всякого предупреждения, просто перегородили движение — и роют, и, такое впечатление, что они сами особо не знают, где там их провода зарыты. Что за бардак? Осталось только площадь Тяньаньмэнь раскопать! Вот, полюбуйтесь на фотки этих раздолбаев.

#355615

355614, говорят, проблемы на учениях не были запланированными как в новостях сказали, там действительно какая-то хрень произошла. Типа, какой-то вид снарядов или ракет оказался уязвим к радиоизлучению определенной частоты, вот и рвануло, прямо на складе. Знаешь, военные склады в Циньхуандао? Ну, там ещё забор такой зеленый, и ворота в три ряда, через которые рельсы лежат? Куча армейских грузовиков, аж к пляжу не проехать, бегают и суетятся, все на нервах. Попробовала фотик достать, так сержант подскочил и сразу в ор.

#355617

А кабель тут причем? Или наши вояки стали снаряды в центре города под мостовой хранить?

#355618

#355617, не знаю, при чём, но раз копать и суетиться начали в один день, наверное есть связь?

#355619

Совпадение? Нет, не думаю! Ахаха! Страшный заговор зелёных человечков, говорю вам!

#355620, редактор ленты

#355619, ещё одно сообщение не по теме, и получишь перманентный блок. Я предупредил.

#355621

Смех-смехом, но в чём-то #355615 и #355619 правы: Шестая кольцевая улица стоит, тоже военные и тоже копают — остервенело так. Асфальт ковшами инженерных машин ломают, и дальше сразу траншеекопателем грунт вынимают. В первый раз в жизни такое вижу. Автомобили еле ползут — оставили по полосе в каждую сторону. Вот, камера была под рукой, короткое видео записал, выкладываю.

#355622

Военные действительно что-то затеяли, вдоль всего лётного поля аэропорта Шоуду кладут какие-то бетонные блоки, грузовиками подвозят и автокранами тут же сгружают и складывают. Говорят, начали ещё глубокой ночью. И около моста на Двенадцатом шоссе с обеих сторон техника под маск-сетями стоит: вот, фото не лучшего качества, снял в движении…

#355623

Там же высадка деревьев по плану только весной была! Все работы псу под хвост. Так, ну всё, я пишу жалобу в Совет Городского Благоустройства! Искренне уважаю армию, но это перешло все границы.

…И так далее. Дмитрий быстро, но внимательно прочёл все сто с лишним сообщений, хоть и после первых просмотренных фотографий и видеосюжетов ему всё уже было, в принципе, ясно. Вместе с тем, что Соломину уже было известно, полученная информация лишь окончательно прояснила картину произошедшего: что-то такое, услышав сообщение автоинформатора на номере экстренной связи Лазурного Дворца, он и ожидал. Проклятье…

Пекин, один из «городов-жемчужин» Великой Империи, вместе со всеми без малого пятьюдесятью миллионами жителей и гостей столицы, стал заложником в руках подконтрольных «партии мира» сил. Противник использовал расквартированные рядом со столицей части инженерных войск — практически весь мобильный резерв округа Хань, предназначенный прежде всего для экстренных операций во время стихийных бедствий и ликвидации последствий техногенных катастроф. Точечное разрушение транспортной инфраструктуры и возведение временных укреппунктов из бетонных блоков должно было помочь эффективно задержать возможный прорыв Императорской Гвардии вместе с сюзереном прочь из столицы. По крайней мере настолько, чтобы оперативно переброшенная из Монголии сводная группировка основных сил заговорщиков успела развернуться и пойти в наступление.

Операция была проведена нагло, дерзко, практически у всех на глазах. И успешно. В конференцию писали не только агенты, но и простые жители, действительно озабоченные благоустройством своего города — и не было никаких упоминаний о конфликтах с муниципальщиками Пекина. Значит, службы Запретного города просто не успели отреагировать — а потом ещё и вынуждены были придержать администрацию столицы: получившие приказ армейцы и играющие их роль орденцы могли ответить вплоть до огня на поражение, начиная беспорядки. Однако всё было не так уж плохо, по крайней мере, пока: воздушный мост до монгольского Полигона был разрушен до того, как успел заработать, ловушка неожиданно для «партии мира» сработала и в их сторону.

Ирония судьбы: без линейных частей и тяжёлого оружия, малыми силами, «партия мира» не могла даже полноценно контролировать Пекин, не то, что пойти в наступление на

защищённый древними стенами и самым настоящим рвом с водой Запретный Город. И уйти войска противника не могли, не могли даже высвободить военно-строительную технику для переброски к месту провала плана близ Ундерхаана — она создавала легитимный повод «военным строителям» оставаться на местах, а тем временем сводная группировка с учений тушила склады с боеприпасами и топливом чуть ли не топорами и лопатами. Другое дело, что и силы Юрия оказались как булавкой пришпилены к месту постоянной дислокации — без боя им теперь было не выйти. Можно выскользнуть малыми группами, но… Император, очевидно, предпочёл остаться, концентрируя внимание заговорщиков на себе и своей собранной в кулак и готовой к бою Гвардии. Пат.

Ясно, что ситуация временная, но как минимум пару суток Юрий выиграл. Для чего, вот вопрос… Хотя это вовсе не тот вопрос, которым нужно задаваться. Текущая задача — защитить шестую наследницу… и Великую Империю — именно в такой последовательности. Вполне возможно, это одна и та же задача — раз уж Анна твёрдо решила выполнить условия петроградского сыщика. Позволить ли Рюриковой так поступить, или нет — вот главный вопрос. Альтернатива — присоединиться к одному из анклавов прямых вассалов Императора, где девушке точно ничего не будет угрожать… изнутри. Просто спрятаться и переждать, надо полагать, не выйдет… Проклятье — всего несколько часов до рассвета, и за это время нужно окончательно определиться с дальнейшими действиями. Принять решение, которое определит всё…

Внезапно зазвонивший в кармане мобильник всё-таки заставил привычного ко всему Соломина вздрогнуть. Секунду он смотрел на заливающуюся простенькой мелодией трубку, одновременно усилием воли изгоняя из головы всяческие мысли: гадать было бессмысленно, да и предположения были одно другого неприятнее…

— Да?

— Ха-ай, это я! — радостный девичий голосок чуть не заставил многоопытного адепта Второго Пути потерять концентрацию — вот уж чьего вызова он точно не ждал!

— Агата…

— Ага, привет! Тут дядя Мамедов тебя зовёт подойти, говорит, узнал что-то важное, вот.

— Дядя? — только и смог выдавить из себя агент Лазурного дворца.

— Конечно, дядя, — авторитетно подтвердила БИУС разведывательно-диверсионного вертолёта, — потому, что не

тётя. Я проверяла!

Дальше что-либо спрашивать Соломин не рискнул.

Товарно-сортировочная станция Транссиба «Чита», 3 июня 2016 года. Сразу после полуночи.

Командующий ВЧ 16732 «Полигон» генерал-майор Карим Мамедов.

Жизнь на железнодорожной ветке, связывающей всю страну, не замирает никогда — это аксиома. Слишком «тонкий» он, Транссиб: двухпутное движение в восточной его части с огромным трудом смогли организовать только в тридцатых годах двадцатого века[20]. Учитывая объём грузов, который ежедневно проходит в обе стороны, ни тьма, ни погода не являются уважительной причиной для простоя. И уж тем более никаких простоев не терпят крупные станции: непрерывно расцепляются и заново формируются составы. Вагоны, достигшие конечного пункта назначения, как можно скорее разгружаются — ведь простой подвижного состава тоже затраты…

Мамедов тихонько хмыкнул, сам себе удивляясь: какая только муть не лезет в не занятую насущными мыслями голову. Вот теперь вспомнилась давно уж прослушанная и, кажется, столь же давно благополучно забытая лекция по логистике в Академии Генштаба. Впрочем, с другой стороны, о чём ещё можно вспомнить, находясь на железной дороге? Да ещё и с перспективой и дальше путешествовать всё по той же «железке»… Так, похоже, отдохнуть больше не получится, и придётся возвращаться к далеко не самой приятной действительности. Да что там говорить — откровенно паршивой, херовой прямо-таки действительности. И что было хуже всего — от него, аж целого генерал-майора, зависело меньше, чем нихрена! Из-за чего по личной шкале ситуация начинала тянуть на худшую в жизни. Рекорд, мать его!

* * *

Карим Ашотович родился в семье офицеров, именно в семье — всего второе поколение военных, так что про служилый род даже заикаться не стоило. Его отцу удалось невероятное — угодить в мясорубку Великой Войны и выжить, причём с полным комплектом конечностей и ливера в животе. То была заслуга не только удачливости, но и каждодневных, на разрыв жил, тренировок. В первые дни на фронте над восемнадцатилетним добровольцем Ашотом Мамедовым взял шефство командир, офицер старой закалки и древнего княжеского рода. Именно он

наставил способного юнца на таинство Первого Пути, сделал Воином с большой буквы.

Ловкий как кошка горец, абсолютно бесстрашный, но впитывающий знания, как губка воду, очевидно пришёлся по душе в одночасье потерявшему двух сыновей пожилому мужчине. Ашот все годы прослужил в войсковой разведке, каждый день ходил «за ленточку» и закончил войну полковником. Пережил и князя, и двух других наставников: на войне незыблемые, казалось бы, ценности, вроде сохранения родовых секретов, на поверку оборачиваются пустым звуком, а вот способные сражаться наравне товарищи, наоборот, становятся невероятно ценны… Да что там, сына прижил в аккурат на шестидесятилетие, когда боевого генерала вынудили-таки перейти на штабную работу, и тот, больше от скуки, взял да и женился! Сколько себя помнил Мамедов-младший, папа оставался всё таким же бодрым и жизнерадостным, и только по глазам можно было определить груз прожитых лет и выпавших на долю испытаний…

Сам Карим вслед за родителем прошёл снизу вверх всю карьерную лестницу и достиг честным трудом заслуженных высот. Не обошли достойного сына своего отца внеочередные звания и награды: молодой адепт Пути Воина не стеснялся проситься туда, где стреляли и без проблем могли убить. Ближний Восток, Индия, Вьетнам, Пакистан и Афганистан, и снова Индия… Великая Империя не вела войн, но у границ тихо тлели так никогда и не угасающие до конца «горячие точки» — наследие колониальной политики когда-то считавшей себя «великой» Европы…

В целом, генерал-майор почти в точности повторил путь отца, вот только с семьёй ему не так повезло. Или наоборот, повезло — по крайней мере, женился он по обоюдной любви, и не было в тот момент мужчины счастливее! Увы, но смерть порой может пощадить раз за разом ходящего по краю и безвременно забрать живущих мирной спокойной жизнью… Воспитывать малышку-дочь в окружении резких на слова и действия мужиков оказалось весьма непросто, но Карим так и не смог пустить в сердце кого-то ещё. Частично из-за дочери (а частично из-за отсутствия «друзей» в минобороне) после Академии Генштаба генерал не стал даже пытаться выбить распределение «повкуснее» назначения на совершенно бесперспективный с точки зрения карьеры объект в центральной Монголии.

Девочке, входившей в подростковый возраст, стоило поучиться среди сверстников, не меняя школу раз в полгода, завести друзей среди погодок, а не взрослых дядь-военных. Пожить, наконец, в настоящем, собственном доме с собственной

комнатой, а не в казённой офицерской квартире, больше похожей на мужское общежитие… Кто же знал, что сука-судьба в один прекрасный момент превратит в поле боя самое сердце родной страны!

Карим одновременно желал и не желал, чтобы дочь пошла по стопам отца и деда. Хотел продолжения семейной традиции, но одновременно был категорически против женщины на передовой необъявленных локальных конфликтов. Зная же характер Светланы — такой же шебутной, как и у него самого, и учитывая, прямо скажем, неплохие для её возраста успехи, как адепта Первого Пути, Мамедов мог с уверенностью сказать — именно туда девчонка и угодит после военно-технического училища. Поэтому Карим приложил все силы и смог-таки убедить чадо не бросать обучение в школе: она всё-таки не мальчик, которому необходимо доказывать своё мужество, и уж точно Света благодаря отцу не нуждается в стипендии и скором получении военно-учётной специальности. Ничто не мешает пропустить скучный этап шагистики-куда-пошлют в качестве сержанта, ломая свободолюбивый характер, и сразу получить полноценное высшее образование и лейтенантские погоны в придачу. Ну а потом, с такой отличной стартовой позицией, самостоятельно решить, как лучше послужить Родине…

И вот теперь всё, все планы, надежды и мечты в одночасье пошли прахом.

* * *

Настроение окончательно испортилось, не оставив и камня на камне от чувства глубокого удовлетворения после проведённой с полной самоотдачей тренировки. В отличие от адептов Духа, Воины хоть и могли своеобразно воспользоваться медитативным трансом, над собственным сознанием в момент «погружения в пустоту мысли» работать не могли. Со стрессом, волнением и прочими заморочками в голове выбравшим Первый Путь приходилось справляться точно так же, как и простым людям — давить силой воли и перебивать положительными эмоциями. Ещё можно было бы воспользоваться алкоголем, да вот беда: спирт организм продвинутого адепта утилизирует значительно быстрее, чем наступают психологические последствия опьянения. Некоторые особо одарённые личности иногда умудрялись наклюкаться, поглощая чистый продукт на манер воды из-под крана, но это скорее была уже не борьба со стрессом, а натуральная попытка самоубийства. Даже для глубоко

модифицированного организма тяжёлое отравление этанолом губительно…

Силы воли генералу было не занимать, но сейчас испытанный метод буксовал. Малый комплекс упражнений временно помог: на два с лишним часа Мамедов в буквальном смысле слова «ушёл в себя», вместе с каждым движением проверяя и на микроскопическую долю улучшая своё тело. Мышцу за мышцей, орган за органом, систему за системой. Раз за разом, день за днём, год за годом, ступенька за ступенькой перестраивать собственный организм — вот Путь адепта-Воина.

Сначала изменения происходят как бы самостоятельно, бесконтрольно, помимо воли адепта, потом над ними появляется некоторая власть. Чем дальше, тем больше и детальнее контроль над трансформациями — и тем сильнее опасность причинить себе вред. Интуиция достигшему предела человеческих сил больше не способна помочь — и те, кто не останавливаются на достигнутом, вынуждены выучить и пустить в ход знания анатомии и физиологии, клеточной биологии, биофизики и биохимии… И тратить на работу над собой всё больше и больше времени. Перешагнувшим же следующую грань, за пределы известных биологических возможностей, остаются только эксперименты — опасные, сложные, длительные и со всё возрастающим риском. Потому что приходится проверять всё непосредственно на себе.

Вот почему редких, словно чёрный жемчуг, адептов Первого Пути, достигших Мастерства, очень сложно встретить в городах и весях — их самих уже сложно назвать людьми, а человеческое общество им лишь мешает. Так в возрасте девяносто пяти лет однажды просто ушёл из дома отец Карима, закинув за плечо тощий солдатский вещмешок и напоследок молчаливо окинув родственников взглядом по-тигриному жёлтых глаз…

До звания Мастера Кариму было ещё очень далеко. Тем более не чувствовал он себя готовым отринуть всё, кроме самосовершенствования — сначала на ноги дочь поставить, в люди вывести. Да и карьерная лестница манила: почему бы не стать генералом армии или, чем шайтан не шутит, целым маршалом? Так что книги и учебники по медицине и биологии по большей части копили пыль на полках: руки до них доходили далеко не каждый день. А когда объявили, что Полигон принимает учения на внезапную проверку боеготовности — времени не осталось даже на привычные и обязательные тренировки. Потом сами учения, позорный плен, освобождение и бегство… В общем, во время разминки Мамедов чувствовал себя примерно как человек, провалявшийся не вставая трое суток в кровати, и вдруг получивший сеанс высококлассного

профессионального массажа: бодрость во всём теле и желание немедленно горы свернуть! Вот только гор подходящих под рукой как-то не оказалось…

* * *

Некоторое время Мамедов убил на сбор-разбор и уход за оставшимися в крытом вагоне автоматами: благо, принадлежности для чистки у «собаки» хранятся во вкладываемом в пустотелый приклад пенале. Нужные процедуры генерал проделывал практически не глядя — все движения годами практики были доведены до автоматизма. На взгляд гражданского — бесполезная возня, боестолкновений больше не предвиделось. Разумеется, ветеран «горячих точек» имел на этот счёт другое мнение: из собственного опыта знал, как это важно, чтобы оружие в нужный момент не подвело. И как даже самый надежный «ствол» может заклинить из-за банальной грязи и порохового нагара… Но вот изделия инженера Фёдорова заняли свое место у стены — и глухое раздражение пополам с бессилием не замедлили вернуться. В итоге Карим выпрыгнул из вагона и быстро зашагал, обходя сцепку, стоящую в тупике по кругу — и в сотый раз прокручивая в голове известные факты и свои измышления. И резко остановился, внезапно почувствовав что-то неправильное в окружающем мире.

Чтобы вычислить «неправильность», Мамедову потребовалась целая минута — безумно много для человека его навыков. Безлунная ясная ночь высыпала на чёрный бархат неба целый ворох ярких звёзд. Лёгкий, тёплый ветерок нежно шелестел листьями примыкающих к железной дороге садов, он же доносил мерный гул газосветных ламп от ближайшего столба освещения и целый букет запахов, иногда приятных, но в основном не очень: дёгтя, металла, нагретого за день дерева… Где-то в отдалении звонко лязгали сцепки и слышался гул двигателя маневрового локомотива, заглушая собой всё остальное… Вот оно! Звук!

Слухом Карим мог с полным правом похвастаться — как и зрением, и обонянием. С его неспокойной службой возможность первым обнаружить врага была воистину вопросом жизни и смерти. Порой слишком чувствительные органы чувств доставляли неудобство, особенно нос — но лучше немного потерпеть вонь табака и своеобразный запах человеческих тел, чем получить пулю в голову, пропустив засаду в «зелёнке». Вот и теперь, поймав промежуток между рывками тепловоза, генерал смог выделить насторожившие его еле различимые шумы — и,

главное, их источник. Платформа. Это была платформа с беспилотным вертолётом.

В итоге Мамедов просто вскарабкался на борт и приложил ухо к брезенту, которым была укрыта машина. Только после этого удалось различить составляющие шума. Шелест воздуха, как от кустов, только более механический, с металлическим отзвуком, зудение, почти писк, похожее на фон от работы маломощных электродвигателей. Кроме того, рука генерала наткнулась на невидимое, но ощутимое кожей чуть тёплое пятно на импровизированном тенте. От укрытого буро-зелёной тканью беспилотника пахло целой палитрой машинных и химических запахов, от бензина и машинного масла и до характерного «привкуса» работающей электроники… Тьфу ты, шайтан-арба!

Карим распрямился во весь рост, прекращая прислушиваться. Почему-то он решил, что вертолёт отключили после заправки и наведения тента: раз уж готовность к экстренному взлёту по понятным причинам отменилась. Однако это то ли специально, а скорее всего из-за банального расп…ва оператора сделано не было — и машина продолжала впустую расходовать далеко не бесконечный рабочий ресурс. На самом деле, не такая уж редкая ситуация даже в армии, особенно среди ни разу не побывавших под пулями тыловиков. Что отнюдь не отменяет строгости наказания — ох, будь Далеев его, Мамедова, подчинённым, месячным нарядом на чистку нужников умник не отделался бы! С другой стороны — не его проблема: это Долгин так хочет отвезти «улики» в Петроград, аж приплясывает, вот пусть у следователя голова и болит. Впрочем…

Карим припомнил, как программист обращался с этой Ирис: просто говорил, что нужно сделать, как если бы говорил человеку. «Позволяет формулировать задание на естественном языке», так?

— Э… Агата… — в последний момент генерал всё-таки обратился по «имени»: фраза «вертолёт, выключись» ему внезапно показалась донельзя глупой. С чего он вообще взял, что беспилотник его услышит?..

— Я здесь! — задорный девчоночий голос из-под брезента заставил мужчину дёрнуться и едва не сверзиться с платформы. Причем БИУС дрона каким-то образом смогла подстроить громкость речи так, что Мамедову казалось — собеседница стоит рядом с ним. — Я готова тебе помочь.

— По-мочь? Мне? — по слогам повторил военный, окончательно выбитый из колеи абсолютно абсурдной, неожиданной постановкой вопроса. — И как?

— Найти информацию и обеспечить связь, — тоном, как

будто озвучивает всем известные прописные истины немедленно пояснила Агата.

— Что? Почему?! — Кариму показалось, что кто-то из них тронулся рассудком. И, поскольку у компьютерной программы по определению не может быть рассудка…

— Я внимательно смотрела, — серьёзно сообщила «девочка», — ты два часа восемь минут бегал, прыгал, выполнял силовые упражнения и упражнения на ловкость, потом демонстрировал элементы боя без оружия — всё на высоком уровне. И в вагоне есть доступные для использования автоматы…

— Откуда?!! — буквально взвыл Мамедов, борясь с отчаянным желанием ущипнуть себя за бедро.

— Тепловизор и направленный микрофон в составе модуля аудиовизуальной разведки, — терпеливо ответила машина и, убедившись, что человек её слушает, с энтузиазмом в голосе закончила озвучивать логическое построение: — есть подготовка и оружие, и ты обратился к Агате. Значит, необходима разведка и связь. Агата — умная?

Часть 2. Над пропастью

10

Я проснулся, когда хлопнула входная дверь. Разобрал знакомые голоса, разглядел силуэт подопечной в кресле напротив… И опять мгновенно провалился в сон. Хоть и накрутил себя, что нужно будет сразу вскакивать и бежать, как только за нами вернётся Соломин, организм решил по-своему. Однако, беспокойство не прошло бесследно: шайтанов сон, в котором смешались «равновесники» с автоматами, горящие дома и ещё что-то не менее «приятное», заставил подскочить на лежанке. Твою ж мать! Сердце так и колотится…

— Кошмар приснился, — пояснил я внимательно наблюдающей за мной Ирис.

Та помедлила и неуверенно кивнула: приняла к сведению, но, видимо, не смогла с ходу отыскать в Сети полностью удовлетворяющую её когнитивный алгоритм информацию по нужному понятию. Ничего, рано или поздно найдёт — учебники для ВУЗов точно можно найти в публичном доступе, и научные монографии тоже. Вопрос, правда, что именно «цветок» оттуда «поймёт»… Посмотреть потом, что ли?

Тепловое зрение андроида на близких расстояниях позволяло дистанционно, даже через одежду, обнаруживать раны, измерять пульс и частоту дыхания. Весьма нужная и полезная опция для машины, предназначенной для быстрого и по возможности незаметного уничтожения врагов: нет необходимости производить «контроль», а это выигрыш никогда не лишних секунд во время операции. Однако, как выяснилось при программировании функции «социальной мимикрии», опция оказалась отнюдь не лишней и в мирное время: не так-то просто роботу корректно прочесть эмоции человека по одному выражению лица и тембру голоса. Да что там, у людей-то у самих такой фокус не всегда выходит…

Я про себя хмыкнул: быстро же привык к новым невероятным возможностям систем принятия решений воздушного и наземного модулей. То, что позавчера казалось мне случайно, по большому счёту, получившимся революционным прорывом, сегодня воспринималось, как само собой разумеющееся. То ли ещё будет! Надо бы, пожалуй, перенастроить ежедневный бэкап обеих управляющих систем с дискриминантного на полноценный, и… Шайтан. Проклятье.

Настроение резко испортилось. Вот ведь… Стоило только расслабиться, попав в безопасное место, отдохнуть, и подсознание решило, что старая жизнь вернулась. Остаётся

только гадать, сколько ещё раз я буду просыпаться по утрам с мыслью, что нужно проверить работу серверов или разобрать очередную кучу едких комментариев от Маркулова к намедни написанному коду? Впрочем, если Долгин не сдержит своего обещания, то через несколько дней в камере предварительного заключения меня будут интересовать гораздо более приземлённые вещи. Впрочем, даже до камеры ещё добраться надо…

С такими мрачными мыслями я заглянул в гостиную… И едва удержался от громкого фырканья! Раскладушка стояла пустой, зато на диване из-под пледа выглядывали две сопящие девичьи головки. Тонкое покрывало отлично прорисовывало изгибы лежащих под ним тел: Светка мало того, что прижала к себе более хрупко сложенную соседку на манер мягкой игрушки (с соответствующим выражением лица), она ещё и ногу поверх «трофея» закинула!

Впрочем, надо отдать генеральской дочке должное: не зря она решила остаться ночевать с Джимбиновой, совсем не зря. Летняя ночь не настолько холодная, чтобы искать тепла под чужим боком, а, значит, Жар, как и я, проснулась от кошмара — не нужно особенно гадать, что ей привиделось. И, скорее всего не однажды, иначе вряд ли бы Мамедова решила провести столь радикальное вмешательство в чужое личное пространство. Не дура наша блондинка, соображает быстро и действует решительно и эффективно… Хотя в мирное время разглядеть в её обычном поведении такое было решительно невозможно.

Спутниц тормошить я не стал: пусть отдыхают. Если уж вернувшийся Соломин нас не разбудил, то, значит, прямо сейчас никуда бежать не нужно. Хотя на их лица сразу после пробуждения в такой пикантной позе я бы посмотрел… Стоп. Точно. Меня самого в первый раз разбудили голоса Аудитора и, вроде бы, Долгина? Наверное, они где-то в доме. Поиски надолго не затянулись: «конспиративная квартира» Лазурного Дворца на дворец ну никак не тянула. Выглянул в коридор, обнаружил закрытую дверь на кухню, потянул за ручку — и всех нашёл.

Кухня в доме была достаточно большой: Анна, Дмитрий, Василь и Карим без проблем расселись вокруг прямоугольного обеденного стола. Разумеется, они все повернулись к раскрывшейся двери, и… У меня отчетливо засосало под ложечкой.

— Что случилось? — люди с такими лицами просто не могут обсуждать нечто позитивное.

— Девочки ещё спят? — вместо ответа спросил меня Мамедов. — Тогда дверь закрой… Закройте.

Последнее относилось к Ирис — следуя шаблону «сопровождение», подопечная проскользнула в помещение вслед за мной и, как обычно, отошла в свободный угол.

— Так что случилось? — пришлось повторить мне вопрос: тишина, в которой сидели взрослые, отчётливо давила на уши.

— Мы в полном… — Долгин поймал взгляд принцессы, — в полной. Заднице.

— Нас нашли?! — ну а что я должен был ещё предположить?

— Нет, даже не ищут, — странным голосом «успокоил» военный. — Мы… в более широком смысле слова. ВСЕ мы. Вся страна.

— В-в каком смысле? — я аж заикаться начал от таких подводок.

— В прямом.

— Генерал, не дави на пацана, — глухо посоветовал со своего места казак.

Василь сидел на стуле, весь ссутулившись, и смотрел куда-то в сторону. Лицо бледное и напряжённое — следователь не только не спал ночью, но и сейчас над чем-то напряжённо думал.

— Ну почему, — внезапно вмешался Соломин, — в прошлый раз он уже решил одну нашу… общую проблему. Может, и эту решит?

— Если вы про тактические решения для атаки на объекты Полигона, то это не я, это БИУС рассчитала, — напомнил я «Джеймсу Бонду»… после чего взгляды всех присутствующих скрестились сначала на мне, а потом на Ирис.

— Как интересно. Скажи-ка Далеев, — генерал натурально буравил глазами андроида, всё так же скромно прикидывающуюся ветошью в углу, — Агата и Ирис, они ведь… обмениваются информацией?

— Обмениваются постоянно, если есть возможность, — я прямо-таки растерялся и от вопроса, и от тона, которым его задали. — Я же рассказывал… Единая система…

— Ну да, ну да, — Мамедов не дал мне договорить. — Ирис, лапочка, скажи дяде генералу: какие рекомендации по дальнейшим действиям нашей… гм, группы ты можешь дать?

У меня все уточняющие вопросы застряли в глотке: вот спросил, так спросил! Но прежде, чем я успел сформулировать хотя бы фразу, подопечная «отмерла» и осторожным голосом выдала:

— Задача не подпадает под стандартные тактические схемы, рекомендованные Министерством Обороны… Время обработки не поддается прогнозу, а сделанные выводы будут иметь низкую достоверность. Мне продолжать выполнение?

— Продолжай, конечно. «Низкая достоверность» — это лучше, чем «ничего», — Светкин отец на последних словах метнул откровенно злобный взгляд на Долгина с Соломиным.

— Может быть, мне кто-нибудь объяснит, что случилось? — вкрадчиво поинтересовался я, разбивая опять повисшее молчание. — Или могу пойти ещё поспать, если я тут мешаю?

То, что Ирис приняла задание от «условного союзника», меня не удивило: это разрешала система иерархических приоритетов, если второстепенное не мешало главному. Тем более, Мамедов попросил лишь рекомендации, а не действия. Тем не менее, происходящее чем дальше, тем меньше мне нравилось: ещё вчера всё вроде бы было понятно, что могло произойти за несколько часов?! Хотя да, дурацкий вопрос. Но вроде мы не в кольце врагов, и не под стражей, и живы…

— Я расскажу, ты имеешь право знать… Как и остальные, — придавила мужчин взглядом Анна. — Первое, мы не едем в Петроград, и никакого суда не будет — оказалось, правительству Великой Империи это не нужно. Второе. Нас никто не ищет — пока! — потому что в нашей армии сейчас тихий кипеш и суета, и хорошо, если не паника: система ядерной обороны страны перешла в автоматический режим, как при уничтожении генштаба и Верховного Главнокомандующего одновременно. Никто не знает, почему.

— Я попросил Агату найти мне номер старого друга, вместе служили почти с самого начала. Он и поделился информацией… Потом пришлось проверить, конечно, — вставил комментарий Мамедов, — в таком случае между частями армии, флота и авиации стратегического назначения нет прямой связи, вся информация передается через вычислительную сеть «Периметр», которая сама решает, какие приказы правомочные, а какие — нет. И, поскольку, как ты знаешь, часть высшего командного состава ВС ВИ примкнула к заговорщикам, часть верна Императору, а часть — сами по себе, можешь представить, что за бардак сейчас творится на местах.

— П…ц! — честно охарактеризовал ситуацию я: другое слово просто на ум не приходило. И вообще в голове было пусто-пусто, аж звенело — после таких известий.

— Именно он, — Карим скривился, как будто ситуация лично ему причиняла нешуточную физическую боль, — точнее не сказать. Кто-то… Кто-то из предателей точно вычислил уязвимость всей системы военного командования и нанёс удар. Вооруженные Силы Империи должны даже в полной автономии, после уничтожения центрального командования и до формирования нового, действовать слаженно и согласно заранее

подготовленным планам… Вот только врага — нет. Некому противодействовать. Мы сами себе вонзили нож в спину!

— И… что теперь будет? — новая пригоршня фактов никак не хотела укладываться в моей голове: только-только вчера всё более-менее стало ясно… и ситуация опять встала с ног на голову.

— П…ц, сам же сказал, — буркнул Мамедов.

— А если более развёрнуто, то «партия мира», уже отошедшая от срыва предыдущего плана быстрого уничтожения Императора, сейчас начинает собирать все подконтрольные силы в один кулак, — подал голос Соломин. — По… некоторым причинам наш сюзерен не может покинуть Пекин, однако именно там расквартирована Императорская Гвардия и проживает максимальное число вассалов и агентов, там же и будет основное противостояние. Думаю, одновременно ведутся какие-то попытки переговоров, но вряд ли они увенчаются успехом: хотели бы заговорщики договориться мирно, не стали бы устраивать… то, что устроили. Одновременно враги Императора постараются привлечь в свои ряды как можно больше сторонников…

— И Юрий, как подсказывает логика, вынужден будет сделать то же самое: организовать отряды и поднимать сторонников, — вмешался Долгин. — Сначала обе стороны будут пытаться делать всё тайно, но при таком масштабе обязательно пойдут слухи, а потом подготовку будет видно и невооружённым глазом. А с учётом того, что правительство выбрало пассивное наблюдение…

— Будет п…ц, — коротко резюмировала всегда предельно вежливая принцесса. — Наш народ не останется в стороне, конечно, увидев, как толстосумы и предатели пытаются свергнуть отца. Раскачиваться будет долго, скорее всего, опоздает с началом действий, но процесс в любом случае будет не остановить. Заговорщики, скорее всего, рассчитывают закончить до начала массовых народных волнений, не понимают, что простые люди живут не расчётами, планами и прибылью, а руководствуются чувствами и будут мстить. Собственно, уже сейчас ничего не изменить: из-за сложившейся обстановки все стороны могут действовать только в рамках коридора возможностей… Или не действовать вообще, как Премьер и его кабинет. То есть, «партия мира» и верные Императору продолжат собирать силы и искать соратников. Мы, вся Великая Империя, не просто занесли ногу над пропастью, мы, фактически, уже сделали шаг. Пока ещё стоим на твёрдой земле одной ногой, но на самом деле уже падаем.

Я по-очереди взглянул в лицо каждому мужчине и единственной присутствующей женщине, и с каждым взглядом в

груди словно обрывалась струна и разливалась новая порция холода. Твою мать. Б…ть. Б…ТЬ!

— И что делать? — мой голос дрогнул, прозвучал жалко и совершенно по-детски.

— Ты хотел спросить, что НАМ делать? — поправил меня Соломин. — Вот, сидим, думаем. Хочешь — присоединяйся к процессу. Ну как, есть идеи?

11

Идей у меня не было. Точнее, не было таких идей, до которых «кухонный комитет» не додумался раньше меня. Собственно, выбора особого не было — тот самый пресловутый «коридор возможностей», про который говорила Анна. Точнее, выбора не было у принцессы и у меня…

— …Отличный план, не хуже твоего предыдущего, — спокойным и доброжелательным голосом отозвался на реплику Долгина Соломин. — Наверное, ничуть не менее надёжный, чем предыдущий?

— Я честно и прямо объяснил, почему в этот раз будет по-другому, — следователь на мгновение сжал кулак, но тут же вернул на лицо непроницаемое выражение.

— Вот за честность — действительно спасибо, — кивнул Имперский Аудитор, — но в остальном… Если бы инициатива исходила от правительства, а не от силовиков, претензия на власть в стране ещё выглядела бы легитимно…

— Она и будет исходить от правительства, — с нажимом перебил Дмитрия Василь.

— От правительства под дулами оружия?

— Это — в самом крайнем случае.

— …Который непременно настанет, — посланник Лазурного Дворца покачал головой, — эти люди отказались ввязываться в борьбу за власть с минимальным риском для себя, неужели при большем риске передумают?

— И что, есть вариант лучше? — выложил последний аргумент петроградец.

— Есть. Передать власть действительно легитимному правителю.

— Императору, то есть? — Василь посмотрел на оппонента.

— Именно…

— Егор, — Анна аккуратно пододвинула свой стул поближе к моему, наклонила голову в мою сторону и тихо, хоть и не шепотом, проговорила, — я хочу тебя поблагодарить.

— Меня? За что?

— За этот разговор, — молодая женщина улыбнулась и чуть заметно кивнула на продолжающих перекидываться аргументами спорщиков.

— Мне кажется, я ничего важного не сказал… — слова Рюриковой слегка выбили меня из колеи.

— Да. Ты сделал. Тогда, когда отправил Агату в атаку и сорвал план нападения на Пекин, — подтвердила наследница. —

Да-да, я прекрасно помню, что это сделал именно ты. Нашёл решение, воспользовался всеми доступными средствами — и победил. И сейчас, глядя на тебя, они это тоже вспомнили. Всего один вертолет, даже без пилота, переломил ход истории — вот почему они не опустили руки перед судьбой, а продолжают… н-да, делить власть в Империи. Если уж «какой-то пацан смог».

Анна, произнося последнюю фразу, чуть изменила тембр голоса и смешно надула щёки, показывая, как она сама к этим словам относится, и я невольно улыбнулся ей в ответ:

— Я не какой-то, — нарочито-гордо задрав нос, тихо ответил я ей, — я очень особенный!

Ага: попаданец, программист и просто хороший человек! Жаль, собеседница просто не поймёт даже части иронии ситуации, если я ей вслух скажу то, что подумал…

— …Тем более, у нас, можно сказать, прямо на руках подходящая кандидатура.

— Что? — Анна с удивлением посмотрела на кивнувшего на неё Соломина. — Я?

— Василь высказал закономерное сомнение, что я могу говорить от имени Императора. И, даже если я уверен, всё равно может случится аналогичная проблема, как в Петрограде.

— И тогда я должна буду объявить себя наследником папы? — Рюрикова перевела взгляд с одного мужчины на другого и, с отчётливым сарказмом, проговорила: — Отличный план! Особенно мои братья и сёстры будут довольны.

— Они все могут отказаться вслед за отцом, а вот вы, Ваше Императорское Высочество, если пообещаете нам взять власть в свои руки, обещание выполните.

— И вы, Василь, тоже поддерживаете этот… гм, план?

— Все должны пойти на уступки и сделать всё возможное ради Родины, — развёл руками следователь.

— Карим?

— От моей поддержки мало что зависит, но — да, я — за. Ваше Императорское Высочество, — подал голос молчавший все последние минуты Мамедов.

— Даю слово, — чётко и, с одной стороны просто, а с другой — как-то невероятно торжественно произнесла шестая наследница Императора, заставив на секунду всех замереть. А потом совсем другим голосом попросила: — Ради всего святого, больше не надо этих… «высочеств». «Анны» вполне достаточно.

— Только все эти разговоры о спасении страны от гражданской войны лишь сотрясение воздуха, — внезапно опять заговорил генерал, — претендента на власть должны поддержать не только часть подданных и правительство, без подчинения

армии всё бессмысленно.

— В этом и преимущество передачи полноты власти Императору или кому-то из его наследников. Император — Верховный Главнокомандующий…

— В военное время, — перебил Соломина Карим, — а в мирное подчиняется министерству обороны.

— В котором разброд и шатания, — прокомментировал Долгин.

— Именно.

— И что ты предлагаешь, генерал-майор? — прямо спросил Имперский Аудитор. — Как я понимаю, просто объявить своего ставленника главнокомандующим не выйдет?

— Ну почему… выйдет, — пожал плечами военный. — Только при исполнении всего одного условия. Он должен держать под контролем ядерную триаду. У кого ключи от безопасности Родины — тот и главный.

— Отличная идея, Карим Ашотович, — покивал головой казак, — вот только этих «ключей от безопасности» сейчас, как я понимаю, вообще ни у кого нет? Предлагаешь устроить налет на резиденцию Премьера и выкрасть министра обороны вместе с «ядерным чемоданчиком»?

— Если система «Периметр» перешла в автономный режим, значит, все три устройства управления скомпрометированы, — прикрыв глаза, явно по памяти процитировала принцесса. — Кроме того, у оконечных устройств ядерной безопасности есть срок годности — около двух лет, после которого «чемоданчик» меняют. Нас, в смысле, детей Императора, этому учили, — пояснила она.

— И как меняют? — уже с настоящим интересом переспросил следователь.

— Спецкурьерская доставка. В броневике, под охраной, самые ценные реликвии нашей семьи так же перевозят, — рассказала Рюрикова Хэ-Мин.

— И откуда привозят?

— А вот этого я уже не знаю, — пожала плечами Анна, — совершенно секретные сведения. Знаю только, что без активации «чемоданчик» бесполезен, а активируют его прямо при передаче люди, которых привозят отдельно от оконечного устройства.

— За-ши-бись, — по слогам произнес Долгин. — Итак, для предотвращения гражданской войны нужно не только в последний момент перед началом всесторонних боевых действий принудить правительство передать полноту власти монарху или его наследнику — это, допустим, в теории возможно и даже получится. Но ещё нужно узнать самую охраняемую тайну

Великой Империи, как-то убедить помочь именно нам и только нам охраняющих её людей, и продемонстрировать успех армии. Это при том, что «партия мира», куда входят и военные, предпочла с гостайной не связываться, а просто временно устранила возможность управлять ядерной триадой… Да нам такое решить — раз плюнуть! Карим, может, этот твой друг совершенно случайно работает в нужном месте и нам поможет?

— Денис — обычный связист. Сейчас дослужился до должности замначальника единого аналитического центра при министерстве Обороны, но по сути всё тот же «лейт на рации», — не принял шутливого тона генерал.

— Ну и где тогда искать хоть какую-то информацию? — петроградец демонстративно развел руками. — Сомневаюсь, что можно просто поискать по ключевым словам в Глобальной Сети. Кто вообще хоть кого-нибудь знает, кто может сообщить про «Периметр» что-то, кроме самой общей информации?

— Ну, я, например, — протянула Анна, смотря… в мою сторону. Ш-шайтан!

* * *

— …То есть вычислительных узла было всего два?

— Да. По-хорошему, нужен был третий для установки в стационарный лабораторный стенд, но сколько мы не просили, процессорную сборку так и не прислали.

— И никто не знал, что эти блоки — от системы «Юаньжоу»?

— Не могу говорить за всех. Я — не знал, — устало ответил я Долгину. — Может хватит уже по третьему разу спрашивать одно и тоже? Я, по-моему, ещё с первого раза рассказал всё, что знал.

— Я спрашиваю не одно и тоже, вопросы разные. Ответы, кстати, тоже отличаются, а я их сопоставляю, — на удивление миролюбиво пояснил Василь, что-то черкая в своём блокноте. — Например, я выяснил, что с высокой вероятностью нам бесполезно выходить на контакт с господином Абишевым. Передал вычислительные блоки ему явно не производитель, иначе достать ещё один проблемой бы не стало. Более того, знай точно Оружейный Бек, что именно он поставил в свою экспериментальную технику, вряд ли он стал бы столь беззаботно относиться к её полевым испытаниям. И уж точно не отпустил бы «гулять» по городу в обществе одного лишь оператора-программиста.

Я пожал плечами: спорить было просто глупо. Похвастаться даже после стольких лет знакомства тем, что хорошо знаю

собственного опекуна, я не мог. Меня, например, Тогжан-батыр в школу записал и отпускал туда одного, хотя я, на секундочку, вообще родом из другого мира. Или это типа «не считается»?

— Получается, всё зря? — всё-таки переспросил я.

— Не зря. Думаю, что твой опекун получил вычислительные модули оттуда же, откуда и всё остальное, необходимое для построения Агаты и Ирис. Из, как ты выразился, «конторы, где разрабатывают истребитель шестого поколения». Кстати говоря, разработка тоже секретная, как я подозреваю.

— И вы знаете, что это за контора? — не дал сбить себя с мысли я.

— Я знаю, — подал голос Соломин, разворачивая к остальным экран ноутбука. — Среди всех прямых вассалов Императора только Радищевы занимаются авиацией. А аэродром вообще такая штука, которую даже при желании тяжело спрятать. Вот он — город Рудногорск, всего сто километров от Усть-Илимска… Завтра будем там.

Что?

Это вообще где?

* * *

— Дмитрий эээ… — я вдруг понял, что не знаю отчества Соломина, — подождите пожалуйста.

— Викторович, но просто Дмитрий будет лучше, — агент Лазурного Дворца всё-таки притормозил у входной двери. — Ты чего-то хотел, Егор? А то я, как мы выяснили пять минут назад, спешу.

— Пару ответов хочу, — я оглянулся на дверь кухни, откуда не далее чем минуту назад выставила всех Анна. Причём Долгин и Мамедов по её команде беспрекословно отправились спать, а вот упомянутый Дмитрий Викторович подорвался куда-то бежать — насилу успел его перехватить.

— Лучше снаружи, — мельком глянув в сторону гостиной, предложил Имперский Аудитор.

Да, сладко спящая парочка так и не соизволила продрать глаза, несмотря на то, что состав возлежавших волей некоего усатого и полосатого «лица» был расширен до тройки. Причём, котик умудрился лечь поверх обеих девушек сразу и теперь взирал на проходящих мимо с видом покорившего Олимп Зевса.

Снаружи же солнце вовсю светило из небесной синевы, расчерченной акварельными следами перистых облаков, а от фруктовых деревьев во дворах доносился умопомрачительный

аромат отцветающих яблонь.

— Спрашивай, — Соломин прикоснулся рукой к одному из старых яблоневых стволов и умиротворенно закрыл глаза, — внимательно тебя слушаю… И — я действительно тороплюсь.

— Почему в… как его там… Рудногорск! — и как мы туда попадём за сутки? — выпалил сразу оба вопроса я.

— На самолёте местным рейсом до Иркутска, оттуда другим местным — до Братска, а дальше на машине. Четыре часа полёта в общей сложности, считая время на пересадку, и примерно столько же по шоссе, — подробно объяснил Аудитор. — А что касается «почему туда?»… Ты же сам слышал обсуждение.

— Обсуждение? — я чуть не подавился воздухом. — «Я предполагаю, что можно предположить, что нам нужно туда… наверное». Это — обсуждение?!

— Это — попытка угадать, — отлипнув, наконец, от несчастной яблони, повернулся ко мне Соломин. — Единственное, что в нашей ситуации ясно без всяких вопросов — то, что Анну и тебя, Егор, нужно отвезти в такое место, где будет безопасно. Место, где сторонники Юрия однозначно в большинстве и сильны. Авиационная база с научным городком, где разрабатывается секретная и безумно дорогая военная техника, вроде прототипа истребителя шестого поколения — место именно такое. Кроме того — Рудногорск просто самое близкое от нас место с нужными параметрами. То, что мы, может быть, что-то узнаем про аппаратную часть «Периметра» именно там, и это «что-то», может быть, поможет нам в будущем — просто удачное дополнение, и не более того. Потому я из трёх подходящих мест выбрал именно радищевскую базу под Усть-Илимском. Или ты думал, мы вот так, всемером, действительно сможем взять и перехватить управление ядерным щитом Великой Империи? Если кто и справится, так это Император: раз процессор для «Юаньжоу» такой сложный, как ты говоришь, то делает его кто-то из коллег твоего опекуна, кто-то из прямых вассалов Юрия: государственные заводы ВПК такое просто не потянут. Как ты понимаешь, уговорить его активно взяться за подобное будет гораздо проще в том случае, если дочь Императора, которую мы взялись сопровождать, окажется в безопасности.

12

Широка страна моя родная. Нашёл я этот Рудногорск — точнее, Ирис нашла: БИУС, в отличие от меня, всё что нужно на мониторе ноутбука Соломина разглядеть успела. Сопоставить же увиденный кусок карты с местностью — одна из базовых задач для разведчика, неважно, живой он или электронный… Искомый населённый пункт с названием, отлично подходящим для фэнтези про гномов, действительно располагался «недалеко» от Читы — всего каких-то девятьсот километров. По прямой. Рукой подать, ага…

Вот странно. Четыре года я проходил в школу, четыре года регулярно посещал уроки географии и истории. Не просто посещал — читал учебники, делал домашние задания, заучивал даты, места и события, потом отвечал на контрольных и экзаменах… И только здесь и сейчас все эти цифры и названия стали для меня… чем-то действительно реальным. Настоящим.

Не знаю, почему я раньше ничего такого не чувствовал. Может, всё дело в моём домоседстве? Я ещё до перехода в другой мир не особенно стремился куда-то там умотать подальше от места, где жил и работал, а уж после — и подавно. Большая часть школьников в каникулы ездила (в основном летала) к родственникам, а летом ещё и посещала детские лагеря и отдыхала вместе с родителями. Точно знаю: прояви я хоть каплю инициативы — Абишев бы и мне без проблем обеспечил такой «отпуск». Но… мне это было просто не нужно.

Если подумать, то и Ундерхаан «своим» городом я стал считать не так уж давно: с год назад, может, немногим больше. До того чувствовал себя словно приезжий из далёкой провинции или, скорее даже, как сын эмигрантов, которому про родину когда-то рассказывали родители. После «попадания» всё вокруг и так казалось чужим, многие обычаи и привычки жителей Великой Империи — откровенно дикими и странными. Архитектура исторических и новых зданий, мода, современная и не очень, суждения и чаяния окружающих — всё было другим. Иным. И то, что местные говорили на всё том же русском языке, мало отличающемся от привычного, каждый раз только подчёркивало контраст!

Что было привычным — так это техника: законы природы, диктующие принципы её построения, штука упрямая — и захочешь, не обойдёшь. Потому, наверное, даже на внешний вид самолёты и вертолёты, машины и трактора почти ничем не отличались от своих «двойников», произведённых в СССР и

Российской Федерации. Да и в программировании, по понятным причинам, мало что изменилось. Отлично понимаю, почему Маркулов и остальные мои коллеги «оттуда» вовсе не горели желанием покидать стены «дома отдыха» — работая над Агатой и Ирис мы в некотором роде находились на своей территории.

И только теперь, спустя четыре года и оказавшись далеко за границами пресловутой «зоны комфорта», во всех смыслах этого слова, я вдруг ощутил… это. То, что окружающий мир не заканчивается в пределах дальности хода СВП-«автобуса», и то, что этот мир — теперь мой не менее, чем стал «моим» Ундерхаан. Так или иначе, чтобы не произошло дальше — мне тут жи…

— Мя-я-у!

Полосатый хозяин конспиративной квартиры, потягиваясь прямо на ходу, нехотя выбрался из гостинной, вслед за ним вышли Светка и Жаргал. Мамедова со сна зевала, деликатно прикрывая рот ладошкой, Джимбинова как-то совершенно по-детски тёрла кулачком глаз. Сбитые набок причёски, немного скованные движения, у генеральской дочки розовый отпечаток ладошки на щеке…

— Доброе утро! — даже не пытаясь сдержать улыбку, поприветствовал красавиц я. — Пока никуда не едем, можете дальше спать.

— Едой пахнет, — отрицательно помотала головой генеральская дочка.

— Мря.

— Там Анна готовит, всех за дверь выставила.

— Ага…

Предупреждение пропало втуне: блондинка вместе с котом одновременно сунулась в дверь Священного Храма Еды, и была допущена — по крайней мере, вошла и затащила следом Жар. С минуту я со своего места пялился на дверную створку, потом обернулся к Ирис. Та поймала мой взгляд, чуть помедлила… И совершенно по-человечески пожала плечами. Так. Ладно. Раз уж всё так сложилось, займусь наконец тем, чем стоило заняться уже давно.

* * *

«Девушки любят котиков». Я сидел, смотрел на дисплей верного планшета, и не знал, плакать мне или смеяться. Полтора часа машинного времени в сумме (Агата работала вместе с Ирис), сотни тысяч тщательно перелопаченных ресурсов Глобальной Сети, отсмотр выложенных фото и видеоматериалов с

последующим детальным анализом, целый ворох новых аналитических связей в когнитивном алгоритме самообучения — и такой… я даже слов подобрать не могу адекватных… вывод. И, главное, не придраться: задачу совершенствования «социальной мимикрии» с андроида никто не снимал, и границ этого самого совершенствования никто не ставил. Кто же знал, что у компьютера тоже может быть «синдром читателя Википедии»?

Зато теперь одна из самых сложных боевых машин Великой Империи отлично разбиралась в поведении домашних кошек, знала, что значит то или иное движение хвоста, разве что с кошачьего переводить не могла: информация по разным типам мява, размещённая некими энтузиастами на одной из конференций, была, после некоторого дополнительного исследования, признана БИУС «недостоверной». И если кто думал, что с котиками был единственный пример — пусть больше так не думает.

Хорошо, что процессорная сборка вычислительного узла достаточно маломощная в плане потребления электроэнергии — всё-таки для космоса создавали, а память в прототипе боевого робота Маркулов заложил с максимальным запасом. Кроме того, мы с Иваном заранее предусмотрели специальный алгоритм, предназначенный для оптимизации хранимой информации: значимые части сохранялись целиком, а «проходные материалы», вроде детальной видеосъёмки совершенно одинаковой степи — удалялись после обработки. Тем не менее, половина многопетабайтного[21] твердотельного накопителя уже была забита, и процесс активно продолжался, ограниченный по большому счёту лишь скоростью спутникового сетевого канала. Кстати, из-за вышеупомянутой узости канала на поиск и анализ информации у Ирис и Агаты уже скопилась порядочная очередь: менее актуальное по мнению БИУС откладывалось назад, более — перемещалось вперёд и рассматривалось быстрее. Я почитал… почитал… м-да. Когда… Если всё в конце концов уляжется, и в Лазурном Дворце аналитики всё-таки поднимут логи сетевого трафика с доступных им маршрутизаторов — кого-то определенно ждёт шок. Я даже всерьёз задумался, не предупредить ли мне Соломина…

…но тут дверь кухни открылась, и запахи стряпни учуял даже я.

* * *

— Фкушна!

— Прожуй сначала, а то подавишься, — не удержался я.

Наверное, из зависти: у принцессы действительно получилось сотворить маленькое кулинарное чудо, и это чудо сейчас чуть ли не со свистом исчезало внутри девичьей ненасытной утробы. Мамедова наворачивала так, что за ушами у неё трещало вовсе не фигурально. Нет, всё в рамках приличий — вот только столовые приборы в её руках мелькали со скоростью лопастей вертолётного ротора!

— Не подафлюсь!

— Ну хоть отцу оставь что-нибудь, он, наверное, тоже голодный.

— Генерал спит, — просветила меня Анна и, в ответ на мой вопросительный взгляд, пояснила: — Отправила и его, и Василя, пока ты выходил. Несколько часов у них точно есть, пока Дмитрий достаёт билеты.

— Ясно, — я макнул в соус паровой пельмень-лаодзы и в очередной раз поразился разносторонности талантов дочери Императора. Сомневаюсь, правда, что она их успела налепить — скорее всего полуфабрикаты, но ведь и их уметь приготовить надо. Или мы просто такие голодные?

— Вам тоже не стоит дёргаться, — шестая наследница престола наблюдала за кушающими девочками с видом, больше подошедшим бы иной мамаше. — Раз мы выяснили, что опасности нет, этим надо пользоваться… Пока можно.

С последними словами настроение Анны явно испортилось, но она, едва заметно мотнув головой, отогнала тень с лица и опять улыбнулась.

Ну, раз так…

* * *

— Дмитрий, это Егор…

— Что-то случилось? — Соломин, судя по голосу, вообще не удивился моему звонку. Даже не спросил, откуда я узнал его номер.

— Нет, но… Извините, я… Мне нужно кое-что достать. Для Ирис.

— Гм. А ты уверен, что тут можно достать нечто… подходящее? — с понятным скепсисом переспросил меня агент.

— Всего лишь шланг диаметром двадцать три миллиметра и канистру девяносто пятого бензина…

— А, это, — Дмитрий меня даже дослушивать не стал. — Так сходи и сам купи.

— Что? — мне показалось, я ослышался. — Но мы же…

— Егор. Не парь мне мозги, — устало попросил меня Аудитор, — ты же слышал — всё в порядке… пока. Вот и пользуйся.

— А…

— А деньги можешь взять у Анны, я ей оставил. У тебя всё? Тогда отбой.

13

Прекрасное, солнечное утро. Привычно палящее летнее солнце бросает резные тени древесных крон на тротуары и мостовые. Птицы орут так, что перекрикивают шум изредка проезжающих автомобилей, немногочисленные прохожие, встречаясь взглядами, улыбаются друг другу. Никто никуда не спешит — ну, кроме стайки совсем уж мелких детишек, затеявших весёлую возню с догонялками на детской площадке во дворе втиснувшейся между частными домами многоквартирной трёхэтажки…

— Света, ты там роман пишешь? — не выдержал я.

— Умгхм, — генеральская дочка изобразила в воздухе рукой с зажатой в ней ручкой некий замысловатый знак, вроде скрипичного ключа, но оторваться от блокнота и не подумала.

— Светка!

— Отстань. У меня вдохновение, — опять отмахнулась блондинка.

В поисках поддержки я молча обернулся к Жаргал, но та, поймав мой взгляд, только едва заметно пожала плечами.

Сегодня Джимбиновой явно стало лучше. Утром она тихо поздоровалась с Анной, и даже без особых раздумий согласилась составить мне компанию в прогулке по Чите. Вот кого я не звал — так это Мамедову, но нашей школьной звезде и не нужны были какие-то там приглашения. Кроме того, прося у принцессы деньги на покупку компонентов импровизированной заправочной системы для Ирис, я, как выяснилось, совершенно не учёл один немаловажный фактор:

— В магазин? Отлично, купи тогда ещё и…

Когда «ещё и» перевалило за десяток пунктов, я взял блокнот. И это простое действие словно прорвало лавину: очнулась от сытого переваривания пельменей Мамедова, и даже Жар тихо подала голос…

— Можешь хоть показать, чего ты там наваяла? — я сделал ещё одну попытку достучаться до «великого писателя», одновременно покосившись, по уже сформировавшейся привычке, на вышагивающую чуть в стороне от нашей группки «цветка». Мне самому вырвать из рук адепта Первого Пути блокнот, по крайней мере, целым, можно было и не мечтать, а вот у андроида были все шансы.

— А? Зачем тебе? — наконец-то посмотрела на меня девушка.

— Ну хотя бы затем, чтобы не таскаться с двадцатилитровой канистрой бензина в руках несколько часов, а купить её самой

последней.

— Н-да? — аргумент, слава богу, показался собеседнице достаточно весомым. С некоторым сомнением на лице она протянула мне тетрадку. Ну-ка…

— Серьёзно? — я даже остановился, тыкая пальцем в строку — «нож универсальный для путешественника», четыре штуки? «Аптечка первой помощи»? «Паяльная лампа»?!

— Я же не спрашиваю, зачем тебе нужен бензин, — сварливо отозвалась красавица-блондинка, заглядывая в собственную писанину у меня в руках, и нехотя зачёркивая последний пункт, — пожалуй, лампа и правда лишняя… Наверное.

— Тебя бы с ней в самолёт всё равно не пустили, — машинально указал я, вчитываясь дальше.

— Почему это?

— Потому что в самолёт нельзя с жидкостью, тем более с горючей! — я аж оторвался от блокнота.

— В первый раз о таком слышу, — Светка посмотрела на меня как на идиота, — мы с папой всегда летали, никто никогда не запрещал. Да и смысл, грузят же всё равно всякое… Вот однажды вместе с нами целую цистерну спирта везли, и ничего.

Мне потребовалась целая секунда, чтобы избавиться от образа железнодорожной цистерны, неким чудом засунутой в салон «аэробуса», и сообразить, как может быть такое, о чём говорит генеральская дочка.

— Света, солнце моё, — заглядывая в глаза блондинке, вкрадчиво поинтересовался я, — а ты вообще гражданскими рейсами хоть раз летала?

— Эээ… нет, — девушка на мгновение подвисла, но тут же перешла в наступление: — Но ты-то собрался канистру топлива с собой брать!

— Бензин будет внутри неё, — я кивнул на подопечную, — или ты считала, я горючее покупаю для того, чтобы с собой в руке таскать?

— А это, типа, не считается? В лампе нельзя, а в роботе — можно? — почему-то возмутилась Мамедова.

— У Ирис баки, как у военного самолета, с пористым компаундом внутри. Даже если пробить, ничего не загорится и даже испаряться не начнёт, — хмыкнул я. — И потом, ёмкости с огнеопасными жидкостями и газами в самолётах провозить точно нельзя, а для роботов запрета нет.

Вообще, будь я на своей родной Земле, такой фокус у меня не прошёл бы: в андроиде нашей конструкции не так уж много металла в процентах веса, но всё равно на порядки больше, чем в человеке. Магнитную рамку точно не обмануть. Однако в Великой

Империи на внутренних рейсах никакого контроля пассажиров, кроме взвешивания багажа, просто не было — я специально узнавал. Более того, даже паспорт не требовался: покупай билет, очень дешёвый, кстати, садись и лети. Если я правильно помню, примерно так было когда-то в СССР моего мира. Гражданская сознательность — великая вещь, и с этим в моей новой Родине было даже лучше, чем в лучшие годы Союза «там». Пока было… Шайтан.

— Если интересно, у Ирис внутри такой же топливный элемент, как у Агаты, — заметив, что девушки разглядывают мою подопечную с новым интересом (а Светка ещё и натурально принюхивается!), с некоторым усилием отбросив неприятные мысли, пояснил я. — Если в общих чертах, то топливо окисляется на специальном катализаторе, сразу преобразуясь в электрический ток. Окисление настолько полное, что «выдыхает» андроид только углекислый газ и водяной пар, совсем как люди. В принципе, потенциально топливный элемент может работать почти на всём, что горит — от спирта и керосина до пропана и водорода, но прототип настроен на бензин: его проще покупать было…

— Прикольно, — Светка качнула головой. — Хватит уже торчать посреди улицы, пошли.

— Секунду, — я пробежался глазами по пунктам закупок, перелистнул страницу… другую… третью… — и протянул блокнот «цветку», одновременно доставая планшет, — Ирис, составь и оптимизируй маршрут движения.

— Я сделаю, — отозвалась БИУС, в свою очередь быстро проглядывая список. Распознавание рукописного текста — та ещё задача для компьютера, но в отличие от меня, Светка даже на весу писала идеально! Ну а «мою» часть андроид банально слышала, когда Анна диктовала, что купить.

— А это… вообще нормально? — мы опять двинулись вдоль улицы, только теперь на мою подопечную косилась и оглядывалась Мамедова, а не я. «Цветок» загрузила в память текст, успешно его расшифровала, и теперь в очередной раз шерстила Глобальную Сеть на предмет упоминаемых магазинов и торговых точек в Чите.

— Что, дать задание БИУС? — я с удовольствием наблюдал, как быстро когнитивный алгоритм создаёт соответствующую базу данных и заполняет её. — Да это и обычный комп потянет, если есть перечень магазинов и таблицы номенклатуры товаров в них. Совершенно стандартный функционал для… ммм, столичного… ммм, крытого рынка. Вещевого.

— Да? — удивилась блондинка.

— Точно. Я своими глазами такую программу видел, — про себя мне хотелось выругаться: программу-то я действительно видел… на сайте одного подмосковного гипермаркета, в другом мире. Логика подсказывает, что тут для больших торговых площадок хотя бы в Пекине должны были сделать нечто похожее… Или нет. Учитывая, в каком состоянии тут аналог сети Интернет, и какие «замечательные» темпы развития показывает Глобальная Сеть — впору забыть о логике.

Вообще, теоретически в Великой Империи как бы процветал капитализм. Ну там частные компании, купцы-миллионщики и крупные товарищества из торгашей калибра поменьше. Но! Гуляя по улицам городов, вы не увидели бы ни одного билборда с рекламой — я уже не говорю про Сеть: дай-то бог десятая часть деловых людей озаботилась хоть как-то представить о себе и о своём бизнесе информацию в электронном виде. Баннеры, раскрутка, СЕО? Даже не смешно. Особенно после неявного запрета Лазурного Дворца на создание публично доступных поисковых машин. Маркетинг? Ну, не то, чтобы его совсем не было… Однако, когда производитель не пытается продать как можно больше продукции, рассчитанной на ограниченный срок работы, а делает вещи, что называется, «на века» — знакомые по другому миру бизнес-схемы в принципе не могут работать. Подозреваю, попади сюда бизнесмен из России — он рисковал бы ненароком сойти с ума. Тем не менее, имперцы живут и процветают… Жили и процветали, точнее. Твою мать…

— Я закончила, — оповестила нас «цветок», одновременно выводя на планшет карту с отметками.

Система, разработанная для разведки и диверсий, вновь показала себя во всей красе — пункты не только были снабжены списком закупок, но и приблизительным временем задержки в каждом из них… Так, а это что? «Читинский центральный Пассаж»? Два с половиной часа на двенадцать пунктов?

— Ирис, ты не ошиблась насчёт Пассажа? — уточнил я.

— Прогноз составлен посредством интерполяции объективных данных, — уверенно отозвалась подопечная.

* * *

— О, а ничего так тут у них, — Мамедова покрутила головой, рассматривая интерьер Пассажа, и сообщила нам личное мнение, ничуть не пытаясь приглушить свой далеко не тихий голос. — Для провинции так вообще хорошо…

Мне захотелось прижать ладонь к лицу: тоже мне, нашлась

столичная штучка, блин. В Ундерхаане, кстати говоря, вообще ничего, напоминающего торговый центр, не было: к услугам редких любителей шоппинга предлагались только несколько «модных» магазинов в зданиях вокруг центральной площади, пара ателье и салонов чего-то там. Причём, от одного заведения к другому летом нужно было тащиться по южной удушающей жаре, а зимой — ёжась от пронизывающего ледяного ветра…

— Бесполезно, нужно просто привыкнуть, — внезапно тихо подсказала мне Джимбинова.

Я обернулся — и успел заметить промелькнувший намёк на улыбку на лице девушки. Моё собственное настроение стремительно скакнуло вверх, собственную улыбку я даже не попытался сдержать. Ура! Не знаю, сон ли в обнимку со Светкой так хорошо помог, или прогулка по утренней сонной Чите — но Жар явно стало лучше. Незримый кокон, в котором жрица замкнулась в себе, не реагируя на внешние раздражители, не просто дал трещину — от него, фигурально выражаясь, целый кусок отвалился!

Честно говоря, меня и самого… как бы это выразиться… попустило. Последние сутки было не сравнить с предыдущими: почти спокойная поездка выгодно отличалась от слепых метаний по опустевшему городу и степи в отчаянных попытках не дать себя убить и уж тем более не шла ни в какое сравнение с безумной атакой на Полигон с параллельным захватом железнодорожного узла. Тем не менее, ожидание, что бойцы заговорщиков могут свалиться буквально на голову в любой момент — выматывало, давило на мозги и не давало расслабиться ни на секунду. Даже сегодня утром, узнав, что непосредственной опасности пока нет, выдохнуть и перевести дух не вышло: ощущение неминуемо надвигающегося края бездонной пропасти «бодрило» неимоверно. Особенно меня — уже пережившего один раз крах родного государства. Пусть в нежном возрасте, пусть я многое уже осознал постфактум, повзрослев — но это такой опыт, какой пожелаешь испытать не всякому врагу.

Как ни странно, почувствовать себя в безопасности помогла всего лишь сорокаминутная прогулка по читинским улицам, с попутным посещением пары магазинов. Спокойная, неторопливая и размеренная мирная жизнь вокруг настолько контрастировала с произошедшим с нами за последние два дня, что невольно закрадывались мысли о нереальности наших приключений. Просто не верилось, что всего в пятистах километрах отсюда был захвачен целый город, убиты сотни людей, среди которых были близкие и просто знакомые, а ещё тысячи до сих пор были заняты ликвидацией последствий атаки Агаты. С лёгкостью можно было

представить, что я и одноклассницы отчего-то оказались в Чите — не иначе, как от школы зачем-то послали — и что завтра-послезавтра неожиданная поездка завершится, и придётся возвращаться к скучным будням летнего лагеря: покраске стен, подстриганию и поливанию желтеющего, несмотря на все усилия, газона, перетаскиванию парт… Ужасные «неприятности», о да.

— Ирис, дай-ка мне список, — Светка с видом генерала перед началом сражения ещё раз оглядела холл и заглянула в блокнот. Местный Пассаж построили по классической для таких мест планировке: от входа сразу начинался атриум, два яруса внутренних балконов и стеклянная крыша-купол над ними. Потому проблем с рекогносцировкой у Мамедовой не случилось:
— Так. Сначала туда!

Я проследил взглядом вдоль указующей длани и закономерно увидел… ювелирный салон, в списке, разумеется, ни разу не указанный.

* * *

— Света…

— Нам потом одежду покупать, — снисходительно, как само собой разумеющееся, «объяснила» генеральская дочка, увлечённо рассматривая выложенные под стекло витрин серебряные и золотые украшения. Надо отдать должное — на действительно дорогие побрякушки, лежащие отдельно, девушка ни разу даже не покосилась. — Кстати, раз уж ты тут — выбирай.

— Я?!

— А что, хочешь, чтобы я продавщицу просила? — хмыкнула Мамедова, мимоходом заставив подошедшую было молодую женщину-хозяйку торговой точки остановиться, словно налетев на прозрачную преграду, и тут же сдать назад.

— Ты же вообще ничего раньше не носила! — вырвалось у меня.

Просьба в форме пожелания была столь неожиданна и абсурдна, что я волей-неволей начал оправдываться… и оглядывать доступные для приобретения побрякушки.

— Пфф! В школе. Ещё скажи — косметикой не пользовалась, ха. Выбирай уже давай, не стесняйся, — кажется, я сморозил глупость по поводу некоего общеизвестного факта, которую моя собеседница приняла за неуклюжую шутку.

Не сказать, чтобы ситуация была уникальной, но последние два года я как-то привык считать, что успел более-менее хорошо узнать местные писанные и неписанные законы и правила, по

крайней мере, для своей возрастной группы. Кстати, только сейчас обратил внимание, что уши и у Мамедовой и у Джимбиновой проколоты. Блин… Ну и ладно, сама напросилась.

— Ну… — я сосредоточился, и быстро ткнул пальцами в интересующие объекты: — Вот эти серьги и заколка — тебе, вот эти и кулон — для Жар, и… Вот эти — для Ирис.

Я, как ни старался, так и не смог вспомнить, было ли что-то в ушах нашей принцессы. Впрочем, даже если и нет — предлагать обычную массовку, пусть и из драгоценного металла, для шестой наследницы престола — это даже на мой вкус граничит с оскорблением.

— А у тебя губа не ду-ура… — с каким-то странным выражением протянула одноклассница, но потом, бросив короткий взгляд на Жаргал, сама себе кивнула и даже снизошла до похвалы: — Неплохой у тебя вкус, мне нравится. Эй, сударыня, подойдите сюда — мы выбрали!

И кто мне скажет, что это такое сейчас было?

14

В речах мужчин про «женскую логику», конечно же, есть изрядная доля самого настоящего кокетства. Будь люди разных полов друг другу по-настоящему непонятны, сам облик человеческой цивилизации был бы решительно иным — например, не было бы постоянных семей. Потому что иначе как можно жить рядом и доверять тому, с кем попросту невозможно договориться о совместных действиях? Такие вот «философские» мысли крутились у меня в голове после плотного и длительного общения с Мамедовой в Пассаже. Также я внимательно приглядывался к каждой встречной особе противоположного пола и диву давался, как в течение четырёх (четырёх!) лет умудрялся столь многого не замечать?! Хотя что там четыре года — сильно подозреваю, что я и в «прошлой жизни» изрядно грешил невниманием к важным деталям в общении с женщинами…

Нет, кое-что я всё-таки соображал и помнил ещё по прежнему миру — например, как мои одноклассницы из первой в жизни, российской, школы передавали друг другу колечки «на посмотреть». О, это был целый ритуал! Нельзя просто так отдать из руки в руку, оказывается — сворачивали листок бумаги желобком, клали туда напальцевую бижутерию и ссыпали в ладонь подруги. Отчего такие сложности — я тогда даже не пытался вникнуть, зато теперь у меня хватило мозгов ограничиться серьгами и кулончиками с заколками. Впрочем, хватило и этого — выбранные украшения были немедленно надеты (встречено продавщицей с полным пониманием), причём даже Жаргал покрутилась у зеркала с заметной мне радостью. А вот когда девушки снимать и рассовывать по коробочкам оплаченное отказались — хозяйка салона украшений удивилась… Пока ей не повторили фразу про выбор одежды.

Загадка решилась в первой же лавке готового женского платья — этого добра в Пассаже оказалось не меньше, чем в торговых центрах другого мира. Мог бы и сам догадаться… Или нет. То, что драгоценности и украшения женщины подбирают под одежду — я в курсе, потому извив логики генеральской дочки привёл меня одновременно в замешательство и восторг: оказывается, поход в ювелирный нужен был, чтобы, внимание — не закопаться в шмотках! Впрочем, демонстрации сокращённого числа вариантов во время примерки мне избежать не удалось — причём Светка не только показывалась сама, но и вытаскивала «на посмотреть» остальных. Даже не знаю, что это было — то ли ей действительно интересно моё мнение, то ли я таким образом

получил своеобразный «бонус» после покупки «подарков». После первой же лавки я со вздохом отвел Ирис в укромный уголок у пожарной лестницы и вдел ей купленные серьги. В бытии андроидом тоже есть преимущества: силиконовые уши не чувствуют боли и не содержат кровеносных сосудов…

Да-да, моей подопечной тоже пришлось поучаствовать в смене гардероба. Собственных чувств у робота нет и быть не может, но активный шаблон социальной мимикрии заставил «цветка» действовать «как все». Если честно, особого смысла в покупке одежды именно сейчас я не видел: вот нижнее бельё (разумеется, мы не обошли стороной столь важный магазин) — это да, но шмотки? Вещи из дома резидента Лазурного Дворца вполне подходили по размерам и качеству, чтобы провести в них ещё сутки, да и в принципе нормально смотрелись. Ну и разумеется были чистыми и новыми или почти новыми, и ничего зазорного, чтобы пользоваться ими дальше, вроде как не было… С другой стороны, с каждой посещённой торговой точкой настроение девушек неуклонно росло — да что там говорить, Жар к концу блуждания по Пассажу уже почти перестала напоминать тень себя прежней и даже стала отвечать — односложно и скупо, но хотя бы вслух. Честно сказать, если бы не фраза Светки «наконец-то выгляжу, как человек», я вообще заподозрил бы во всех этих эволюциях с шоппингом хитрый план Мамедовой по психологической реабилитации подруги.

Н-да. Наверное, я всё-таки чего-то не понимаю — лично мне после переселения в Великую Империю стало практически параллельно, что именно носить — главное, чтобы удобно было, не рвалось и выглядело хорошо. А будет ли это монгольский халат, камуфляжный полевой комплект или банальные брюки с футболкой — какая разница? По правде сказать, до меня только в Пассаже дошло, что за время жизни на новой родине мне ни разу не довелось покупать для себя одежду — как, впрочем, и остальным вихревцам. Что ни говори, а Тогжан Абишев действительно постарался, чтобы обеспечить нашу команду всем необходимым — ни о еде, ни о жилье и ни о чём другом думать не приходилось. Потратить часть зарплаты мне удавалось только на мороженое…

* * *

— Ирис, дальше куда по твоему плану? — Светка даже не попыталась повернуться к собеседнице, рассматривая себя в зеркальном стекле.

Надо признать, в ярком солнечном свете девушка выглядела ещё лучше — её светлые волосы буквально наливались сиянием небесного светила… Но это же не повод залипать у каждой отражающей поверхности?

— «Салон связи», здесь, — мне, конечно, почудился в ровном голосе «цветка» лёгкий вздох.

— И ты крутишься перед его витриной, — а вот я не удержался от выражения эмоций.

— Так чего же мы ждем? — блондинка лёгким прыжком оказалась на крыльце и первой ворвалась в дверь торговой точки.

— Привыкнуть? — я покосился на Джимбинову.

— У тебя получится, — серьёзно пообещала мне Жар.

«Или раньше сойдёшь с ума» — мысленно продолжил за неё я.

— Нам восемь аппаратов сотовой связи, — с ходу огорошила работника салона Мамедова, пока я с тоской рассматривал представленный на полках, с позволения сказать, ассортимент. Три модели. ТРИ! Причём две из них отличались только корпусом. Правда, этими самыми корпусами можно было орехи колоть и гвозди забивать, а один и в лужу окунуть целиком было не страшно. Но… Помню, как в двухтысячном пошёл покупать себе первый мобильник — с первой «настоящей» зарплаты после института. Тогда эта вещь только-только перестала быть статусной, и представляла серьёзную нагрузку для кошелька молодого программиста. Так вот, в том магазине выбор был примерно такой же, причём и функционал, и дизайн телефонов не сильно отличался: кнопки, простенький дисплей, минимум функций. И здесь сейчас — в областном центре Великой Империи в 2016 году — я видел фактически то же самое!

Особенно контрастно такие вот аппараты смотрелись на фоне полноценно человекоподобного робота-андроида, присутствующего тут же. Полный сюр! И ладно бы не было планшетов и смартфонов — были. Их даже можно было заказать с помощью книги-каталога, сиротливо лежащей на дальнем краю стойки-прилавка. Судя по всему, в последний раз эту макулатуру двигали для того, чтобы протереть с неё пыль — что отлично свидетельствовало о востребованности передовой мобильной электроники населением…

— Семь.

— Что — семь? — Мамедова недоуменно повернулась к Джимбиновой.

— У Дмитрия есть телефон, — пояснила свою мысль Жар.

— Тогда семь, — поправилась Светка.

— Тогда уж шесть, — теперь уже поправил я, проделав в уме

нехитрые вычисления вслед за жрицей-одноклассницей и сразу объяснил: — Ирис тоже не нужен телефон.

— Думаешь? — скептически покосилась на меня генеральская дочка. — Хочешь сказать, она с трубкой не спр…

— Просто поверь мне, телефон для неё не нужен, — с нажимом повторил я. — Давай сейчас купим аппараты, а я тебе всё потом объясню. На улице.

О. Наконец-то дошло.

Процесс покупки не отличался сложностью: распаковать, переписать номер (для того, чтобы клиент знал, куда ему должны звонить), включить-проверить — и всё. Никаких паспортных данных, переписывания аналога IMEI[22] и прочей привычной для оставленного мною мира деятельности в пользу Большого Брата. Великая Империя — счастливая страна, не знающая «международного терроризма», СМС-рекламы и почти незнакомая с электронным мошенничеством… Была. Какой она станет в самом ближайшем будущем — это был ещё большой вопрос. Хотя сейчас, глядя на спокойные лица случайных прохожих и разговаривая с вежливыми, но полными внутреннего достоинства работниками торговли, я подспудно начинал сомневаться в том, что горстка заговорщиков сможет раскачать по-настоящему великую страну. Начинал, но тут же вспоминал тоже казавшийся несокрушимым СССР, рухнувший на моих глазах. Ирония судьбы — биологически тогда я был не так уж сильно и моложе…

Удивительно, но развал страны и возникновение Российской Федерации на месте самого крупного осколка прошли тогда практически мимо меня. Меня интересовали отметки, возможность поступить в ВУЗ (желательно, сразу — срочная служба в армии откровенно пугала), симпатичные девочки, машины, «ништяки», компьютеры, игры и программы. Только постфактум я осознал масштабы произошедшего — и чего стоило родителям, обычным инженерам, удержаться «на плаву» в бурных волнах «дикого капитализма» начала девяностых. И уж точно я не хотел пережить что-то подобное здесь и сейчас: ибо чем больше и прочнее шкаф, тем громче падает! И с гарантией зашибёт осколками — хорошо, если не насмерть…

— И? — «тактично» напомнила о себе Светка, заставляя вырваться из плена не самых весёлых размышлений. Даже солнечное утро, хорошая компания и продуктивная прогулка не смогли окончательно изгнать из-под ложечки едва ощутимое, фантомное чувство пустоты, а из головы — последствия утреннего разговора и полутора суток «замечательных приключений» до него.

— Телефон давай, — протянул я руку. Грубовато получилось,

но, Мамедова этого, похоже, даже не заметила.

— Номер сказать? — деловито зашуршала она блокнотом. Пока я портил себе настроение, неугомонная блондинка успела распределить номера и аппараты пофамильно — и даже записала.

— Лучше покажи всю страницу Ирис, — я достал планшет, нашел нужную запись в настройках и начал нажимать кнопки на своём аппарате. Так, и «вызов». — Слышишь меня?

— Разумеется…

— Да не ты, — отмахнулся я от генеральской дочки, но тут же протянул ей мобильник, — на.

— Э… алло?

— …

— Ирис?!

— …

— Но… Как это?!

Я честно попытался не ржать, но смех нашёл себе дорогу: слишком уж потрясённая мордашка была у нашей «школьной звезды». Жар рядом со мной открыто улыбалась.

— Ирис — робот, если ты опять забыла, — кое-как успокоившись, всё-таки стал объяснять Мамедовой я. — Голос синтезируется прог… Короче, ей всё равно, как говорить — собой, или через динамик телефона. Да ладно, не смотри на меня так: тебя же не удивляло, что она может просматривать ресурсы Глобальной Сети без планшета — почему удивляет возможность передачи голоса?

Генеральская дочка посмотрела на меня, на мою подопечную, опять на меня — и её лицо приобрело такое выражение… Сложное. Расшифровать я его не смог.

— Что?

— Ничего.

Блондинка отвернулась и, кажется… эээ, обиделась, что-ли? На что?!

— Она завидует, — неожиданно пришла мне на помощь Жаргал.

— Завидует?!

— Ага. Могла бы так же — не попалась бы со шпаргалками директрисе на экзамене, — спокойно с потрохами сдала Светку жрица. Надо же, какие подробности открываются…

* * *

Надо ли говорить, что «режим буки» у Мамедовой не продержался и десяти минут? Как раз хватило дойти до

хозяйственного. В магазине генеральская дочка вволю отыгралась на продавце — за трубками-кандидатами на заправочный шланг для андроида он бегал туда-сюда раз пять! При этом девушка устроила всё это не специально — командовать у неё получалось так же естественно, как дышать. Впрочем, с таким-то папой… Кроме того, в другом отделе того же магазина произошло ещё кое-что интересное.

Движения Ирис я отслеживал чисто автоматически — привычка, появившаяся после прогулок-прогонов по городу. Потому некую странность уловил сразу, правда, не сразу понял, какую именно. Обычно «цветок» старалась не разрывать со мной зрительный контакт, регулярно оглядываясь, хотя по большому счёту концентрироваться на сопровождающем от неё вовсе не требовалось. Собственно, я потому и уловил разницу — андроид по-прежнему сканировала местность (в данном случае — интерьер и покупателей), но разглядывала… прилавок. Галантерейный, как выяснилось, когда я поближе подошёл.

— Что-то… ммм, хочешь купить? — спросил я.

Вопрос был заведомо некорректный — неудивительно, что я тут же получил отрицательный ответ. Просто не смог сходу фразу сформулировать правильно. «Хотеть» машина ничего не могла, но — зачем-то же она остановилась именно тут? Я уже хотел проверить по планшету, когда мой взгляд зацепился наконец за нужный предмет: катушку с тонкой белой лентой из искусственного шёлка.

— Ирис, лента? — почему-то тихо переспросил я её, и в ответ, с большой задержкой, получил неуверенный кивок. Как интересно.

За катушку я расплатился и тут же, не отходя от кассы, протянул «цветку»: можно было попытаться разобраться в протекающих внутри программы когнитивного анализа процессах, но посмотреть было проще и быстрее. Тем более, особо гадать, зачем БИУС понадобилась именно белая лента, было и не нужно. Повязанный шифу Самбиновым на ножны меча «аттестационный» узел-хризантему я снял ещё вчера вечером: само вместилище для оружия, как и клинок, перенесло все тяготы достойно, а вот отметка шифу под конец превратилась в грязный и частично промасленный клубок. Подопечная приняла ленту — и аккуратно отстегнула ножны с мечом от пояса-перевязи.

— Уверена, что это стоит делать здесь и сейчас? — ещё раз уточнил я, заметив, что продавец продолжает с нарастающим интересом наблюдать за нашей парой.

— Да.

То, что произошло дальше… Сказал бы «магия», если бы не

видел настоящую магию. Понятно, что Ирис банально запомнила движения учителя, а что не рассмотрела — смоделировала самостоятельно позже, но… От первого движения до последнего прошло от силы пять секунд, причём конец ленты подопечная перерезала на мгновение выдвинутым на пару сантиметров лезвием. Ну, что сказать… Вау.

— Красиво…

Я даже не сразу узнал голос незаметно подошедшей Светки — настолько интонация отличалась от её обычной. А работник торговли и вовсе застыл соляным столбом, прямо-таки неприлично пялясь на результат работы тонких девичьих пальчиков.

— Спасибо, Егор, — внезапно тихо поблагодарила меня «цветок», и припрятала остаток ленты в карман.

Магазин мы покинули в задумчивой тишине. Так, похоже, меня ждёт ещё пара часов увлекательного копания в логах…

* * *

Как ни странно такое говорить, но дальше не произошло ровным счётом ничего интересного. Пришли, отдали заказанные обновки Анне — с вновь обретённым вниманием я наконец заметил, что у принцессы в ушах тоже вдеты серьги, простого вида и, судя по цвету металла, серебряные. Кстати, я опять только тогда сообразил, что одеждой наследница Императора озаботилась для себя, но не для мужчин из нашей группы…

В благодарность за труды женщина выставила на стол еду, которую мы, немедленно почувствовав себя неимоверно голодными, в три рта смолотили минут за десять. Отдельное «веселье» было с «кормлением» Ирис — при виде того, как мы с Мамедовой берём фартуки с кухни, купленные резиновые перчатки, упомянутую канистру с трубкой и идём следом за «цветком» в ванную, прихватив «старую» одежду с намерением там запереться — даже обычно невозмутимая Джимбинова откровенно охренела! А что подумала Анна, которая не была свидетелем ночной помывки андроида, остаётся только гадать… Тем не менее — справились и с этим.

Нашлось и ещё чем заняться — включая ещё один приём пищи, разделённый уже с Долгиным и Мамедовым-старшим, распределение купленного, и споры по дальнейшим действиям (в том числе и по телефону с Соломиным), и даже время на короткий отдых: небольшой микроавтобус-«буханка» под управлением Дмитрия остановился у ворот участка резидента

только около четырёх часов дня. Наше пребывание в Чите заканчивалось — пора было ехать в аэропорт.

15

Аэровокзал Читы живо напомнил мне павильон московского ВДНХ: лепнина, позолота, даже мозаика — и всё это не то чтобы требующее ремонта, но… пообносившееся какое-то. Вроде и подкрасили, и где надо замазкой добавили — но, то с цветом промахнулись, то с детализацией мелких финтифлюшек и их пропорциями… Да и просто хорошенько отмыть фасад здания не помешало бы. Хорошо хоть внутри тяжеловесная и гротескно-величественная атмосфера ничем не нарушалась. Особенно меня развеселил кафетерий: легкомысленные стоячие столики выполнены из тяжёлого даже на вид кованого металла со столешницами из деревянного массива сантиметров двадцать толщиной. Не иначе, как архитекторы проекта вдохновлялись историческим центром Читы: некоторые детали отделки явно «слизали» с Пассажа, в других тоже угадывалось что-то знакомое… Вот только зачем было всё сваливать в одну кучу? Н-да, у кого-то из градоначальников, когда строился аэропорт, явно взыграло желание «оставить свой след» в истории Читы. Ну, что сказать: определённо, в каком-то смысле это удалось…

Я поморщился и попытался выкинуть из головы поток брюзгливого негатива, мысленно изливаемого на ни в чём не повинный вокзал. Здание как здание, ничего такого: чем-то Киевский вокзал в Москве другого мира напоминает, только без сюжетов на настенных панно на тему победы коммунизма. Виденный мною «сталинский ампир» кое-где ещё абсурднее смотрелся — и ничего, морщиться не заставлял… Я машинально бросил взгляд на планшет, который последние полчаса не выпускал из рук: ничего не изменилось. Агата всё так же стояла на своей платформе, принайтованная тросами и укрытая брезентом и прекрасно себя чувствовала — если так можно сказать о машине. Все системы в норме, топлива в режиме «на поверхности» хватит на много дней, грузу на железной дороге Великой Империи ничего не грозит — пока, по крайней мере… Умом я это прекрасно понимал — но всё равно настроение было ни к шайтану. Единственное, что я мог сделать — сдерживаться, и не портить поездку ещё и спутникам, потому доставалось окружающему и не вслух.

Когда Соломин объявил о грядущем перелёте, было понятно, что дрон-вертолёт мы с собой точно на борт протащить не сможем. Немного не та у изделия «Агат» весовая категория, чтобы в багажный отсек помещаться: вот железнодорожный вагон или трёхосный армейский грузовик — другое дело. Но у меня была

вполне обоснованная надежда, что агент Лазурного Дворца предусмотрел и это. Собственно, он и предусмотрел — платформу с АВМ прицепят к грузовому составу в Братск, куда и дотянут, не торопясь, примерно за двое суток. Одну. Без охраны. Со сложенными лопастями и прикованную к земле. Совершенно беспомощную, то есть.

На самом деле Дмитрий был совершенно прав: негабаритных грузов на открытых платформах по Транссибу тащили массу, в основном технику или детали агрегатов, укрыв всё тем же брезентом разных оттенков серого и зелёного. Причём живая охрана сопровождала только военные грузы и машины — остальные как-то и без этого обходились. Охрану, наверное, можно было бы всё-таки найти или нанять — но это значило с гарантией привлечь ненужное внимание к перевозимому, что в свете грядущих событий было чревато. Даже если хаос в стране разразится прямо завтра (теперь мне в это уже не верилось, но всё же) — «железка» ещё как минимум несколько дней проработает, как надо. Следовательно, вассалы Юрия из Рудногорска так или иначе успеют забрать и увезти вертолёт — такую боевую единицу, уже доказавшую свою эффективность, в руках потенциального противника никто не оставит.

Логично. Разумно. Только вот мне волком хотелось выть от этой «разумности»! Впрочем, думаю, Имперский Аудитор испытывал примерно такие же эмоции — как-никак Агата его действительно спасла в степи. Другое дело, что поводов дёргаться у Соломина хватало и без того… В общем, спорить я не стал, только вытащил мобильный компьютер и то и дело проверял, всё ли в порядке. Совершенно бесполезное действие, разумеется — но ничего другого я сделать всё равно не мог.

* * *

Перелёт из Читы в Иркутск запомнился прежде всего прогулками по взлётному полю. Рукава-коридоры прямо из здания, автобусы? Нет, ножками, господа хорошие, ножками! Зато вся процедура оформления на рейс — показать девушке за стойкой регистрации билет и взвесить багаж: никакой транспортной плёнки, никаких рентгеновских камер, рамок и паспортов. Как на междугородний автобус. Впрочем, попутчики именно так и воспринимали перелёт — как поездку на автобусе или пригородной электричке, причём не особо далеко. Ну а что? Всего час полёта — дольше в аэропорту проторчали.

Окружающие обращали на нас внимания не больше, чем

другие незнакомые люди друг на друга. Немного больше взглядов доставалось Анне и Ирис — андроид и принцесса привлекали внимание мужчин правильными чертами лица и грацией движений, однако на фоне других женщин и девушек из числа пассажиров не сказать, чтобы прямо уж выделялись. Троица парней примерно моего возраста, когда все оказались в короткой быстрой очереди перед трапом, немного попялились на Жар и Светку, однако когда последняя, заметив внимание, непринуждённо помахала им ладошкой — тут же смутились и отвернулись. Не иначе, как инстинкт самосохранения сработал — в школе многие парни тоже старались держаться от Мамедовой и ещё нескольких «звёзд» подальше…

А ещё был Байкал. Бездонная синева под крылом самолета, вдали переходящая в ультрамарин, холмистые зелёные берега и острова, корабли, точками и чёрточками тут и там рассекающие озёрные волны… Озеро с высоты вовсе не казалось безбрежным морем, а знаменитые глубины и вовсе выдавал только цвет — но даже так, издалека, легендарный исток Ангары заворожил, заставил меня отвлечься от всех проблем и переживаний. Всего на пятнадцать минут — но и за это спасибо…

Иркутск посмотреть не удалось — собственно, дальше очередного зала ожидания внутри здания аэровокзала мы никуда не попали. Аэровокзал, кстати, выглядел не сильно авантажно — вполне себе современное сооружение из стекла и бетона, причём стекла, на первый взгляд, было больше. Прямые и чуть изогнутые линии, некая претензия на оригинальный дизайн — но если выкинуть потолочные панели, светильники и втиснутый посреди холла фонтан да уменьшить раза в два, можно представить, что вернулся в Ундерхаан. Хотя, теперь конечно, нельзя — благодаря замечательным людям из Ордена Равновесия ни одного целого аэропорта у незаметно ставшего родным монгольского города не осталось.

* * *

За полтора часа ожидания рейса на Братск я успел не то, чтобы успокоиться — смирился с решением Соломина: всё равно другого варианта не было. С Агатой ровным счётом ничего не происходило — её поезд отходил в полночь, потому даже манёвры ещё не начались — так что я волевым усилием убрал с экрана планшета статус диагностики вертолёта и попытался вслед за спутниками расслабиться.

Надо сказать, именно расслабиться удалось не всем. Анне

удалось: принцесса выглядела вполне себе довольной поездкой бывалой путешественницей, коротающей время за чашкой кофе. Жар уткнулась в очередную книжку — я с удивлением понял, что наша «правильная» тихоня без особого зазрения совести «позаимствовала» их из конспиративной квартиры! Вот уж от кого не ожидал. Светка тоже увлечённо читала — увязалась за следователем, когда тот отходил «за газетой», и вернулась с двумя журналами. Правда, когда я на пути от стойки кафе к своему месту заглянул ей через плечо, обнаружилось, что блондинка уткнулась отнюдь не в журнал мод или там спортивный или светский дайджест, а заинтересованно читает какой-то специализированный ежемесячник про… моделирование. Ну, знаете, когда делают уменьшенные копии машин, самолётов, фигурки солдат с аутентичной раскраской? Причем всё серьезно так — четверть текста составляли специальные термины, большую часть из которых я и не слышал никогда. На обложке второго, пока закрытого журнала значилось «Эндемичная и редкая флора Великой Империи». И раньше подозревал, что содержимое головы Мамедовой опасно для неокрепшего разума — теперь убедился окончательно.

Долгин, кстати говоря, вернулся из похода за прессой не с одной газетой, а как бы не с десятком — местных, региональных и общеимперских кучей. Не знаю, чего он надеялся выловить из этой информационной свалки, но, видимо, что-то всё-таки получилось: петроградец с каждой новой газетой хмурился всё больше и больше. Рядом с Василем окопался Дмитрий Соломин — закрывшись от остальных ноутбуком и время от времени разражаясь дробным перестуком по клавишам. Из троицы мужчин ничего не делал разве что Мамедов — генерал попробовал полистать отложенные полицейским передовицы, но чтение у него как-то не задалось. Отец Светки то и дело поводил плечами и едва заметно морщился — военного, по всей видимости, тяготила гражданская одежда. Профдеформация во всей красе.

У меня тоже не складывалось: в первый раз за всё время я не смог разобраться в хитросплетениях работы когнитивной системы Ирис. Попытка понять, зачем БИУС понадобилась лента на ножны, вместо ответов принесла лишь головную боль. Если бы речь шла о человеке, я бы сказал, что просьба о покупке «подарка» (именно так, почему-то, засчитала ленту программа) стала результатом длительных размышлений. Что применительно к текущей ситуации вылилось в невероятно длинную и разлапистую логическую цепочку, которую удержать в голове сходу не получилось. Всем удобен планшет, кроме размеров дисплея: вот для чего на моём рабочем месте в «Каменном

цветке» было два монитора, а у главного проверочного стенда — вообще «видеостена» три на три. А, может, виноват был кофе: соблазнившись воистину божественным запахом из чашки её высочества, я заказал себе такой же напиток — и зря. Крепость варки была такой, что глаза на лоб лезли!

На самом деле, можно было поступить проще — взять и просто в лоб спросить у самой «виновницы торжества». Вот только представив себе, как такое общение будет выглядеть со стороны, я немедленно отказался от подобных мыслей. Вот окажемся в месте, где можно будет остаться только вдвоём — другое дело…

* * *

В Братск нас вёз совсем маленький самолёт, внутри больше похожий даже не на автобус, а на московскую маршрутку. Кстати, турбовинтовой, а не реактивный, с забавными маленькими крылышками под основным крылом — как у старинного биплана. Соломин, увидев наш транспорт, почему-то передёрнул плечами и поморщился — но ничего не сказал. Летело чудо техники полтора часа — слава богу, без промежуточных посадок, а то я бы не удивился, честно сказать, если бы кто-нибудь из пассажиров встал и попросил «высадить здесь». Кроме нашей компании салон занимала ещё одна, состоящая из рыбаков и охотников, плюс тройка явно случайных пассажиров. Мужики «за писят, но как огурчики» чуть ли не всех этнических типов Империи весело трепались, предвкушая, как они здорово проведут время на воде и у ночных костров на берегу. К слову сказать, кроме спиннинга и пары ружей в чехлах, отдыхающие имели при себе пару луков (разных), по крайней мере одно копьё (или как там правильно — рогатину?), и остроги — игрушки, мягко скажем, требующие недюжинной силы, хорошей реакции и изрядного глазомера. Встретится с такими вот «старичками» лесной хозяин, любитель мёда и малины — ещё неизвестно у кого будет приступ «медвежьей болезни».

Пока я разглядывал и слушал попутчиков — не обошлось без стандартных баек вроде «рыбы вооот с таким глазом!» — под крылом самолёта холмы и степь с перелесками как-то незаметно сменились воспетым «бескрайним морем тайги». Впрочем, наша авиамаршрутка летела куда ниже и, кажется, медленнее, чем прошлый борт — потому через иллюминатор я успел и наглядеться на переливы всех оттенков зелёного, тут и там украшенные прихотливыми изгибами речной глади, и

наслушаться охотничьих историй. К слову, сами мужики, очевидно, выделили из нашей компании Ирис — из-за меча, надо полагать — но попыток завязать знакомство не последовало. Может, ждали что девушка «клюнет» на побасенки? Разумеется, в таком случае старания пропали втуне.

Кстати, об оружии. Пока я ходил в школу в Ундерхаане, мне казалось, что тот или иной «холодняк» таскает на себе если не каждый четвёртый, так каждый пятый встречный взрослый. Мужчины чаще, женщины — реже, но встретить, например, полноватую мамашу в монгольском халате с коляской и раскосым отпрыском постарше и с заткнутой за пояс нагайкой (не плёткой, ни в коем случае — то чисто мужское оружие!) или камчой было обычным делом. Однако, судя по всему, так было не везде.

В Чите встретить вооружённого удалось ровно один раз — важного вида полицейский угощался в Пассаже чаем с плюшками, причём так ушёл в этот процесс, что, как мне кажется, не видел никого и ничего. Вот при нём была… эээ, сабля, дивно гармонирующая старинной рукоятью с современной формой и тактической пистолетной кобурой. Наверное, сабля — шашка же вроде без гарды должна быть? Короче, нечто с изогнутым клинком и блестящим благородной желтизной эфесом. Может, наградная?

В аэропортах, наоборот, все стражи порядка следовали форме одежды исключительно строго, не позволяя себе даже разрешённых дополнений — а вот пассажиры частенько оказывались вооружены. Но открыто клинки, луки или что-то там ещё практически никто не носил: всё в чехлах или притороченное к другим вещам — быстро не воспользоваться. Обладатели оружия иногда кидали на Ирис взгляды — слегка заинтересованные, обычно доброжелательные — но не более того. В конце концов я, припомнив условия получения клинка и оригинального «украшения» к нему, заподозрил, не видят ли окружающие в таком ношении меча банальное… хвастовство? Вроде как бант-хризантема — тоже результат экзамена, значит, красуется девочка: мол, смотрите, я — крута! Всё равно, что молодой курсант или офицер — новенькой формой. А взрослые дяди и тети всё себе и другим уже давно доказали — вот и не выпендриваются…

* * *

Братск меня сходу очаровал. Солнце — правда, уже клонящееся к закату — чистое синее небо… и НЕ ЖАРКО! Просто

тепло, лёгкий ветерок откуда-то доносит запахи воды и соснового бора. А за краем взлётно-посадочной полосы и ровного луга — берёзы! Господи, как я, оказывается, по всему этому соскучился: вроде и в Москве жил до попадания, и всё равно: как будто домой после долгой отлучки вернулся!

Дальше — больше. У Соломина где-то произошла мелкая накладка, и машину, которая должна была нас перевезти из Братска в Рудногорск, не смогли подогнать на стоянку аэропорта. Дружно решили не сидеть в зале ожидания, пока Дмитрий доберётся до города и вернётся, а сели на автобус. Десять минут — и из окна открылся шикарный вид на берег Братского водохранилища и скользящие по его поверхности яхты. Всё! Хочу здесь жить. По крайней мере — летом.

Машину, по закону подлости умудрившуюся сломаться именно тогда, когда ей надо было выдвигаться в воздушный порт, к моменту нашего прибытия всё-таки успели починить. Очередная разновидность «буханки», для разнообразия белая, а не привычно серая или зелёная, приняла отряд шестой наследницы престола Рюриковой Хэ-Мин в своё нутро, поворчала стартёром, пофыркала выхлопной трубой — и повезла, наконец, к финальному пункту путешествия-бегства. По крайней мере, для меня и самой Анны финального, а также для Жар и Светки. Это в хорошо поставленном боевике интересно смотреть, когда во все стороны летят пули, снаряды и заклинания, а герои каждый раз чудом выживают — в реальности, уверяю, впечатления совсем другие. Не знаю, как другим — а мне на всю жизнь хватило! Если необходимо бороться за свою Родину — что ж, я готов это делать. Но всем будет лучше, если мои усилия будут приложены в максимально эффективной области. Надеюсь, я действительно встречу у Радищевых профа Вихро…

Как и планировалось, поездка получилась долгой. Первые минут сорок я не отлипал от оконного стекла: виды города, огромная плотина, поверху которой проходило шоссе, каменные кручи склонов, поросшие соснами, то тут, то там мелькающая в просветах деревьев водная гладь — всё это было в новинку, непривычно, завораживало дикой красотой. Красотой, в которую органично сумели вписаться промышленные объекты, стройные ряды высокомощных ЛЭП, жилые кварталы и дороги. Потом следы рук человеческих ужались до размеров асфальтовой двухрядной ленты и редких строений по бокам от неё, а вот лес и кручи, наоборот, подступили. И так четыре часа подряд с редкими перерывами, из которых мне запомнился только более-менее крупный посёлок Видим.

После поворота с шоссе на север — по-другому в Рудногорск

можно было добраться только по железной дороге или по воздуху — ещё и скорость пришлось сбросить. Трасса то петляла, как пьяная змея, то распрямлялась, взамен превращаясь в сплошные спуски и подъёмы. Закат ещё некоторое время старался, окрашивая верхушки деревьев в оранжевое, из-за чего наш микроавтобус то выезжал практически в день, то нырял в серые сумерки — но в конце концов ночь вступила в свои права. После очередной развилки редкие огни фар встречных машин пропали вовсе, красные габариты идущей впереди легковушки изредка мигали где-то вдали, а отставшая фура сзади вообще не давала о себе знать: полная иллюзия, что мы одни затерялись в этой глухомани. Только весьма приличная дорога под колёсами как бы намекала: впереди не глухой тупик среди десятка домиков у плёса очередного притока Ангары, а крупный населённый пункт и научно-производственный центр.

— Есть одно совпадение, — внезапно подала голос Ирис, вырвав меня из состояния полудремы.

— Что? — и разбудила она, судя по сонному голосу Светки, не только меня.

— Одно упоминание о проблемах в городе Ундерхаан, — более развёрнуто ответила БИУС.

— Это по задаче, которую мы ставили вчера, пока ехали в Читу, — пояснил я встревоженно выглянувшему с переднего сидения рядом с водителем генералу, — «проверяй регулярно, пока чего-нибудь не найдёшь».

— И она что, всё это время искала? — недоверчиво уточнила Мамедова.

— Конечно. Мы же не поставили временных рамок — и процесс поиска циклически повторялся до выполнения заданного условия.

— А если бы запись так и не появилась?

— Продолжала бы искать, пока задание не было бы отменено, — проговорил очевидное я. — Что? Ирис — робот, и «думает» и действует она, как компьютер.

По лицам отца блондинки и Имперского Аудитора аршинными буквами читалось сомнение — Дмитрию своё «компьютерное» поведение Агата продемонстрировала позавчера, а Кариму, как я понимаю, сегодня ночью и в несколько сокращённом объёме. Но у меня не было настроения ещё раз рассказывать об эвристических когнитивных алгоритмах и нелинейной машинной логике, потому я просто открыл на планшете найденную подопечной запись и зачитал:

«В городе словно ад разверзся! Электричества нет, хвала Аллаху — есть генератор. Вода подаётся с перебоями. Телефоны до

сих пор не работают — ни городские, ни сотовые, а я уже тут пять часов! Дима, когда перед отъездом проводить вырвался, дал мне военный коммуникатор, через него пишу сюда. Городские службы не отвечают — дошла до офиса Службы Газа, там сказали, что обычный спутник до сих пор не работает, не говоря уже про городские сети. Над горизонтом столбы чёрного дыма — газовики сказали, опасности нет, но… И магазины все закрыты.

Хотела уже идти в центр, но меня перехватила Таня С. Не знаю уже, верить ей или нет — говорит, на отдельных улицах шли бои. Клянётся, что видела гильзы и следы от пуль — перепутать не могла, мы пусть и в „портомойне“, но на Полигоне регулярно вкалываем… Ещё сказала — след, как будто автокраном волокли сгоревшую машину…

Джамиля, соседка наша старая, осталась в этот раз — сказала, спину прихватило. Я ей ключи оставила — если полегче станет, чтобы грядки и палисадник из шланга пролила. Искала, зашла в её дом — дверь открыта, калитка нараспашку… Хорошо, что Ксюха и Игорь в лагере на море.

Город… пустой! Сколько себя помню — никогда не боялась оставаться дома одна, даже двери не запирала — все свои же вокруг. Но сейчас, наверное, к Т.С. пойду. Если кто-нибудь ещё читает городскую доску — у вас так же? Никогда сюда не писала, но сейчас просто не могу молчать. Дима звонить себе запретил строго-настрого. Скорее бы он возвращался уже. Наталья Т.»

— Скорее всего, это Наталья написала — жена подполковника Тютелева. Зам по хозчасти, — хмуро пояснил всем, кроме кивнувшей дочери, Мамедов. — Доступа к коммуникаторам у него нет, видимо, забрал у военных спасателей, больше не у кого. Только у них порт в гражданскую Сеть открыт. Уж не знаю, как ему это удалось провернуть…

Не уверен, что Карим Ашотович думал именно так, но по его лицу я прочёл невысказанное: «бардак там, а я — здесь». Эта мысль генерал-майору удовлетворения вовсе не принесла — наоборот, заставила мрачнеть на глазах.

— Вашего зама можно понять, — нейтрально отозвалась принцесса. — Наверняка какие-то сведения о ситуации в ближайшем крупном городе просочились даже на закрытую территорию учений.

В ответ мужчина молча махнул рукой.

— Далеко ещё? — когда молчание стало уже совсем тягостным, подала голос Света.

— Километров тридцать осталось, — опередил я сидящего за рулем Долгина: сейчас была очередь казака вести машину.

— Может, полчаса, а может и час ехать. От дороги зависит, —

перевёл расстояние во время Долгин, — но сразу в Рудногорск не попадём. Закрытая частная территория — наверняка там КПП на въезде, а нас — не ждут. Пока докажем свои личности, пока суть да дело…

— На въезде, говоришь? — неожиданно перебил следователя Василь. — А это тогда что?

Трасса как раз вынесла нас на очередной холм — и сразу стали видны красные задние огни остановившихся недалеко впереди двух или трёх машин. И нечто, перекрывшее им проезд. Нечто… Да шайтана с два «нечто»!

— Бэтээр! — выдохнул Мамедов.

— Маги! — звенящим от напряжения голосом сказала Анна.

И тут же темнота, где-то там, впереди, озарилась двумя огненными всполохами, а через секунду мир вокруг дрогнул от накатившего рокота.

16

— Газу! — не своим голосом заорал Соломин, одной рукой вцепляясь в спинку водительского сиденья, а другой молотя Долгина по плечу. Микроавтобус, начавший было притормаживать, послушно рванул вперёд — прямо на автоматчиков, стоявших у колёсной боевой машины. Расстояние до преграды было метров сто, может чуть больше — так что всё произошло буквально за секунды. «Хвост» из ранее остановленных машин стремительно, словно скачком, приблизился спереди и справа — казак-полицейский вырулил на встречную. Одетые в военный камуфляж боевики успели только дёрнуться и что-то заорать — как одного из них отшвырнул наш бампер, а у второго, после сухо щёлкнувшего выстрела пистолета Мамедова (когда он успел его выхватить и откуда?), подломились колени. Визг тормозов — и «буханка» с заносом ткнулась левым углом капота в скошенный борт бронетранспортёра. Всё это я успел разглядеть, но среагировать успел только на последнее — что есть силы упёрся в спинку переднего пассажирского кресла и всё равно ударился лицом о собственные запястья.

Страха не было. Честно сказать — я даже не удивился. То ли не успел, то ли «приключение» в Ундерхаане и окрестностях повлияло на меня сильнее, чем казалось. Видимо, последнее: когда после торможения меня откинуло назад на спинку сидения, то думать о дальнейших действиях я даже не пытался — тело всё сделало само. Другое дело, что по скорости реакции я оказался отнюдь не на первых позициях.

Когда я выскакивал в уже открытую дверь пассажирского салона «буханки», внутри не было ни Ирис, ни Светки, ни принцессы. Мало того, успели выпрыгнуть из кабины и Долгин с Мамедовым — последннего я как раз отметил по ещё одному пистолетному выстрелу, уже от стоящих рядом машин. Принцесса и генеральская дочка обнаружились рядом.

— Экипаж бронемашины обезврежен, — коротко отчиталась «цветок», возникая на крыше бэтээра с мечом на отлёте.

— Маги…

— ДАХ! ДАХ!

— …живы, — закончила фразу Анна, и махнула рукой в сторону, куда дорога была перекрыта, и откуда донёсся грохот. — Там!

— Нужно остановить их! — Имперский Аудитор спрыгнул с подножки автомобиля на асфальт. — Скорее!

— Магов?

— К дьяволу магов, там «Хюлы»[23] лупят! — Карим уже обзавёлся трофейным автоматом, от второго сейчас освобождала застреленного солдата его дочь. — Где Василь?

— Здесь! — в свете фар было не разобрать, в чём таком тёмном испачкал рубашку высунувшийся из люка БТР бывший спецназовец. — Здесь два «двести», холодняк.

— Заводи! — коротко приказал военный, — Света, Анна — за мной.

Я уже видел раньше, как дочь генерала забирается на дерево — легко и без всяких видимых усилий. Но вот когда, мягко говоря, немаленький и немолодой уже мужик — с автоматом, заметьте — с места ласточкой взмывает вверх выше своего роста, чтобы в пару лёгких шагов перебежать через крышу металлического гроба бронемашины — это… впечатляет. Даже Рюрикова и Мамедова, без труда и задержки запрыгнувшие следом, не смогли так чисто и красиво повторить манёвр, не помогая себе руками.

— Чего встали? — под звук заработавшего дизеля, откинув теперь уже водительский люк, крикнул спецполицейский. — Быстро в «коробку»[24], десантный с той стороны открыт. Соломин, сюда — веди! Я за стрелка.

— Эй, что происх!..

Крик от одной из машины потонул в сдвоенном рокоте выстрелов пушек. Несмотря на расстояние — рокот запаздывал от вспышек — уши всё равно закладывало. Я, обегая бронемашину и упёршийся в неё микроавтобус, догнал Жаргал, без разговоров схватил за руку и потащил за собой, а потом и первой впихнул в десантный люк. И правильно сделал — едва я сунулся за ней, БТР дернулся кормой вперёд, и меня чуть не вышвырнуло на дорогу, а потом не прихлопнуло бронестворкой только потому, что Ирис, сгребя за одежду на груди, успела втащить внутрь. Стальной пол скользил под ногами, машина накренилась, выровнялась, с треском проломив придорожный кустарник и мелкие деревца — и, взревев мотором, натурально прыгнула вперёд, тяжеловесно качнувшись на рессорах.

Андроид, «поймав» колебания, прижала меня к сидению бойца. Убедившись, что я вцепился в поручень, она, продолжая балансировать на полусогнутых ногах и упираясь свободной рукой в низкую крышу десантного отделения, ловко отстегнула ремень «собаки» у валяющегося у нас под ногами трупа. Освещения внутри хватало ровно настолько, чтобы более-менее чётко видеть очертания предметов, пахло кровью. Джимбинова, как и я, вцепилась в поручень у жёсткой сидушки и старалась с неё не слететь при рывках — Соломин даже на ровной дороге

никак не мог приноровиться к управлению многотонным восьмиколёсным гробом.

Едва я понял, что жду и не слышу следующего «ДАХ! ДАХ!», как внутренности БТР озарил хорошо знакомый дневной свет, словно из ниоткуда и не дающий теней — и Дмитрий мгновенно дал по тормозам. Сидящий на месте стрелка Василь коротко выматерился — его чуть не сбросило — но тут же над головой раздался звонкий грохот и лязг.

— Куда? — агент Лазурного Дворца прихлопнул крышку своего люка и обернулся. — Снаряды в кузове!

— Вперёд подай, — глухо приказал петроградец, бронетранспортёр опять дёрнулся, после чего башня вместе со стрелком провернулась и пулемёт коротко прогрохотал ещё дважды. Изнутри понять, что происходит за бронёй, было невозможно.

— Десантный слева откройте, подбираем! — проорал, не оборачиваясь, Соломин.

На команду первой почему-то успела прореагировать Жар, а не Ирис. Маленькая жрица, согнувшись, сделала шаг, налегла всем телом на запорную рукоять и с натугой отворила створку. Первой внутрь влезла Светка, за ней следом — Анна и последним, спиной вперёд и что-то выцеливая снаружи, Карим Мамедов. В пехотном отделении сразу стало очень тесно.

— Василь! По казённикам из крупняка, — крикнула принцесса стрелку, пока генерал вновь запирал люк. Место стрелка с зудением привода снова развернулось вместе с башней — и по корпусу БТР словно часто-часто кувалдами застучали!

— Осторожно объедь грузовик и вперёд, за перегибом дороги тормози, — уши от стрельбы крупным калибром (что тут за пушка такая?[25]) у всех заложило, потому Рюриковой пришлось не просто кричать, а натуральным образом орать, надсаживаясь.

Бронемашина рыкнула дизелем (тихо по сравнению с выстрелами бортового орудия), дёрнулась, опять накренилась — съехала в кювет, с щелчками (так это слышалось изнутри) ломая, словно спички, растущие там деревья. Единственный в нашей компании кадровый военный воспользовался малым ходом транспортёра и успел протиснуться мимо Долгина к месту командира. Труп, до того нашедший там последний приют, его отнюдь не смутил.

— А шлемофоны надеть? — покойник лишился упомянутой части экипировки, при этом кровь, пропитавшая ткань, Карима, похоже, вовсе не заботила. — Расп…и безголовые!

Двигатель радостно заревел (Соломин объехал очередную преграду) и ответы, если они и были, я не услышал. Впрочем,

транспорт пехоты секунд через тридцать опять затормозил, как и просила Рюрикова Хэ-Мин.

— Анна, аккуратней там, — крикнул шестой наследнице престола генерал-майор. — Пулю не поймай, никто убежать далеко не мог.

— Не дура, — отозвалась магесса, — я их чувствую через «Сферу». Приготовьтесь лучше!

— Личному составу: уши зажать, рты открыть. Света, ты на страховке…

Уши, рот? Ох, б…! Я что есть силы упёрся ногами, почти зажав голову между коленей — и не зря. Надо полагать, наша Анна выпустила свой коронный «шарик» навроде пресловутого файербола, которым она так лихо плющила лёгкие вездеходы преследователей в Ундерхаане. Что будет, когда такой «привет» попадёт в грузовик со снарядами — можно было не сомневаться. Звук я почувствовал всем телом — да что там я, нашу многотонную «коробку» подбросило! Свет заклинания принцессы в этот момент потух, в тусклом свете штатных ламп перед глазами всё двоилось, при этом не слышно было почти ничего. Твою мать!

Распрямился лишь тогда, когда Мамедова вываливалась, по другому и не скажешь, в открытый десантный люк. Не очень соображая, что делаю, я сунулся за ней. Дорога под ногами покачивалась, я упёрся в борт, почувствовал дрожь брони от работы двигателя — по-прежнему беззвучную. А впереди (для меня сейчас), там, где дорога переваливалась через очередной холм, сиял дрожащий красный свет. В этом странном и неверном освещении — как будто большой костёр горел, даже вроде щелчки стали пробиваться, как от сгорающих веток — я наконец разглядел генеральскую дочку. В этот момент она пыталась помочь подняться лежащей на асфальте принцессе. Я было двинулся вперед, но тут на моё плечо легла чья-то рука… Ага, Ирис.

Подопечная не пустила меня, зато сама, придерживая автомат, быстро добежала до шатающейся парочки и, подхватив под плечо Анну со свободного бока, практически потащила обеих. Один из щелчков я услышал очень отчётливо и откуда-то вроде бы сбоку, из-за борта БТР, и тут до меня дошло, что за «поленья» там сгорали… Снаряды, б…! Взорвались не все сразу, и продолжали рваться там, за перегибом дороги — и разлетаться от разожжённого Рюриковой «костра» из взрывчатки, словно угольки. И от каждого «уголька» земля под ногами вздрагивала! Валить, валить отсюда!

Звуки окружающего мира постепенно возвращались, голова

перестала кружиться — видимо, сотрясение мозга всё-таки не состоялось, просто короткий шок от звукового удара. В четыре руки с «цветком» мы запихнули внутрь транспорта сначала наш «главный калибр», потом Мамедову, за ней, вполне пристойно, влез сам. Последней была Ирис — она же и задраила люк. Я уселся, увидел, что генерал нам что-то кричит, но разобрать, кроме невнятного «бу-бу-бу», ничего не смог, потому даже не попытался ответить, а замахал рукой: поехали, поехали отсюда! Военный, как ни странно, всё понял, и уже без разговора толкнул в плечо Имперского Аудитора. Всё, двинулись. Наконец-то…

Бронетранспортёр вдруг отчаянно заревел мотором, содрогнулся от сильного удара куда-то в район носа, чудом не сметя пассажиров на пол. Судя по ощущением, Дмитрий что-то протаранил — и не дерево — но не остановился, а продолжал давить на газ, заставляя многотонную и сверхустойчивую восьмиколёсную машину на поворотах идти юзом и натурально подлетать на неровностях дороги. Башня со стрелком повернулась стволом назад, но выстрелов не было. «Второй заслон на дороге, со стороны Рудногорска» — догадался я. Видимо, там БТРа поперёк дороги не было…

Сколько продолжалась гонка по трассе — затрудняюсь сказать: планшет достать не догадался. В какой-то момент Соломин умерил скорость и откинул водительский люк — внутрь тут же ворвался пусть и слабый, но такой приятный поток свежего воздуха. Слух уже полностью восстановился, но поговорить с экипажем при всём желании не получилось бы. Мамедову пришлось невероятно извернуться, чтобы проорать что-то Соломину, а потом долго дергать Долгина за штанину, чтобы тот наклонился к генералу. Наконец, БТР опять стал тормозить, и Карим протиснулся мимо места стрелка к нам.

— Идти сможешь? — Анна на короткий вопрос кивнула. — Тогда слушай мою команду. По остановке «коробки» выходим без оружия, по одному, и медленно, без резких движений отходим в сторону. Не вперёд, не назад, а на три шага влево от борта. Все поняли? Далеев, проследи за своей… своей, а ты, дочь, за Рюриковой. Нечего людей нервировать. Я выйду первым… На всякий случай.

После такого напутствия выходить куда-то резко расхотелось. Машина ещё некоторое время буквально ползла, потом остановилась, и генерал, как и сказал, первым покинул борт.

Снаружи, несмотря на ночь, было светло: две высокие мачты несли по целой розетке мощных, светящихся ровным светом оранжевых ламп — так на многоярусных дорожных развязках освещение устраивают. Дорога метрах в тридцати впереди была

перекрыта парой шлагбаумов под бетонной аркой, над которой контрастно выделялись буквы: «Добро пожаловать в Рудногорск». Доехали. От контрольно-пропускного пункта к замершему посреди трассы БТРу с демонстративно отвёрнутой назад башней уже спешили люди.

— Десятник личной дружины князя Радищева Селиванов, — вблизи стало видно, что мужчина сильно растерян и, похоже, не очень знает, что ему делать с ночными гостями на такой машине. — А… вы?

— Вам должны были сообщить о нас, мы предупредили ваше руководство, — сухо отрекомендовался Мамедов.

— Прошу меня простить, но пока распоряжений не поступало…

— Так позвоните и получите! — рявкнул генерал, заставив десятника развернуться на месте и опрометью броситься назад к КПП.

Немного уже зная попутчика, я догадался, что у военного сейчас на язык просятся сплошные маты. Оставшиеся дружинники были при оружии: шашки на перевязях и пистолеты в кобурах — но никто даже не попытался взять на мушку подозрительную компанию, вылезшую из внезапно выехавшей ночью из леса бронемашины. Более того, ВОХРовцы, даром что княжеские, как бы элитные бойцы, остановились от нас буквально в двух шагах плотной группкой: Ирис даже с одним мечом управилась бы за пару секунд.

— Надо было просто проехать дальше, — не выдержал наконец Василь.

Следователю было с чего злиться: во время одного из маневров Долгина, пренебрёгший шлемофоном казак обо что-то приложился головой, да так, что рассёк кожу над правой бровью. Теперь ему приходилось зажимать лоб уже основательно пропитавшимся кровью платком. Кстати, остальные были не особо чище — моя подопечная, конечно, очень быстро зачистила «коробку», но способ… Крови из пробитых (именно пробитых — тычком клинка) шей попавшихся под руку Автономному Наземному Модулю противников натекло, как на бойне. Меня немного волновало то, что я совершенно ничего не чувствовал по этому поводу…

— О, смотрите. Бежит, — вполголоса прокомментировала Светка, и покачала головой: горе-дружинники, как один, повернулись к нам спинами, разглядывая спешащее начальство.

— Транспорт сейчас будет! — первым делом выпалил Селиванов, потом очумело оглядел нас, грязных, уставших — и глубоко поклонился Анне: — Ваше Высочество!

— Ну, хоть признали, — не удержался от комментария казак, тихо, но так, что все окружающие услышали. — Вы это, когда наш БТР будете отгонять… Бумажные пакетики прихватите, что ли.

17

Для описания владений рода Радищевых так и просилось на язык прилагательное «огромные» или, даже, «гигантские». То, что до выделенных апартаментов присланный за нами автобус добирался сорок минут, уже говорило само за себя — и большую часть времени мы ехали по городу. Частный город в собственности княжеского рода. Офигеть!

Как нам объяснил нервно-словоохотливый Селиванов, которого ещё не виденное нами начальство навязало в сопровождающие, на самом деле, собственно Рудногорском следовало считать только центр вольготно раскинувшегося поселения, а то, что мы видели вокруг — оказалось сильно разросшимся посёлком Новая Игирма. Однако Рудногорск был резиденцией князей и получил авансом статус города, а посёлок — он посёлок и есть, хоть и набрал жителей втрое больше. Вот местные и подсуетились, когда края застройки сомкнулись, влиться в более престижный статус…

Местная география была нам, в общем-то, не особо интересна, но невольному гиду мы продолжали внимать — поскольку альтернативой было сидеть в угрюмом молчании. Пока мы ждали транспорт, Анна, перед которой тут многие готовы были натуральным образом в ногах валяться, немного порасспрашивала десятника, и, честно сказать, услышанное не порадовало.

* * *

Предупреждение о том, что противники Императора перешли к активным действиям, дружина князя получила вовремя — через несколько часов после утренней атаки Агаты. Меры в связи с такими новостями были предприняты оперативно — бойцам было роздано оружие, был перекрыт свободный доступ посторонних на родовые земли, введено патрулирование улиц жилых массивов и границ территории… И всё. Никакой разведки предпринято не было, никто не удосужился проверить соседние военные части на предмет нездоровых шевелений. Разумеется, именно из одного из ближайших ППД[26] был наш восьмиколёсный трофей, и самоходные пушки, наверняка, тоже.

Напрасно, как выяснилось, так старательно отворачивал орудийную башню Долгин: атаки на КПП не просто не ждали, к ней были вообще не готовы. Выданное огнестрельное оружие

оказалось представлено… исключительно пистолетами. Какое там «коробочку» остановить — если автоматчики нападут со стороны леса, обороняющимся останется разве что застрелиться. Хотя, они, может быть, как Василь — поголовно шашками танки останавливать умеют?

Тут выяснился ещё один момент. Замявшийся было Селиванов под строгим взглядом Рюриковой в конце концов «родил»: дружинники Радищевых в основной массе не столько бойцы, сколько… полицейские. Частная, густонаселённая территория волей-неволей диктует свои условия. Кроме случаев расследования преступлений, она была вне полицейской юрисдикции, из-за чего охрану правопорядка, решение бытовых конфликтов и прочую важную, но отнюдь не способствующую повышению боевой готовности социально-защитную деятельность традиционно брали на себя люди князя. Был, правда, ещё небольшой отряд с тяжёлым вооружением и техническими средствами — что-то вроде полицейского же спецназа, но где они находились сейчас и чем занимались — десятник, разумеется, был не в курсе.

А, и кстати. На пост «на шлагбаумах» десяток Селиванова попал вообще в качестве наказания от начальства, поскольку завалил один из ежегодных внутренних квалификационных зачётов. Уже после получения предупреждения. Нет слов…

* * *

В отличие от действий дружины, административно-хозяйственные шестерёнки в княжеской вотчине крутились как по маслу: автобус только выпустил нашу опять частично побитую, грязную и уставшую компанию из своего нутра, а нас уже были готовы разместить по апартаментам, предоставить смену одежды и, кому нужно, врачей. И это при том, что артиллеристы (надеюсь, те, кого не добили Мамедов с дочкой и Анной, получили своё при взрыве машины с боеприпасами) как минимум один раз не промахнулись. Мимо нашего транспорта, пока мы ехали, проскочила целая колонна машин скорой помощи и пожарных, а из окон моего номера был виден толстый столб подсвеченного прожекторами дыма. Знакомая картина, от которой кулаки сжимались — я очень хорошо запомнил Ундерхаан…

Нас всех разместили по отдельным жилым блокам — полноценным и немаленьким квартирам-студиям, причём на одном этаже. Готовы были предоставить по отдельным

аппартаментам каждому, но я, разумеется, заселился вместе с Ирис, а генерал — с дочерью. Одновременно доставили еду (очень кстати), а не успел я прикончить свою порцию — пришёл специальный человек, быстро и чётко обмерил меня с подопечной портновским метром и поинтересовался о желаемом фасоне обновок. С-сервис, мать его. С другой стороны…

Наверное, это была такая фишка у имперских дворян — всегда держать при себе нужных бытовых специалистов. Помнится, у бека Тогжана тоже не возникало вопросов, кого во что одеть и куда уложить спать. Вот только батыры Абишева порвали бы местных дружинников, как тузик грелку. Может быть даже и всех — если бы получилось выбить большую часть личного состава по отдельности и не вступая в ближний бой. Конечно, может я пристрастен, всё-таки полудесяток у шлагбаумов как раз за плохую подготовку на свой пост угодил. Но — сам факт, что их туда назначили…

По счастью, у того, кто командовал армейцами, не хватило наглости (или разведданных, уж не знаю) вместо расстрела издалека провести рейд на бэтээрах. Раскатать из пулеметов охрану КПП (или вообще взять в ножи), а потом покататься по улицам и заминировать-подорвать или поджечь всё, что душа пожелает, а потом ещё и вырваться с боем — раз тяжёлого оружия у защитников нет.

Вот какие мысли меня одолевали, пока я мылся сам и в очередной раз отмывал Ирис — слава богу, в этот раз она испачкалась гораздо меньше, справился один. По-хорошему, стоило бы лечь спать: после еды нахлынула усталость, да и не сказать, что я успел выспаться прошлой ночью. Но произошедшее не давало мне покоя, мешало расслабиться. Что, если группа была не одна? В этот раз весь бой прошёл, фактически, мимо меня, без всякого участия — и потому казалось, что ещё ничего не закончилось. Организм категорически не рекомендовал терять остатки контроля над ситуацией, и присутствие недреманного стража в виде боевого андроида с мечом и трофейным автоматом не успокаивало. Может, последовать примеру Жар и почитать? Н-да, а лучше сходить её самому проведать… Я уже даже встал, но тут оказалось, что мысль о ночном общении пришла в голову не только мне:

— Господин Далеев! — после деликатного, но чёткого и какого-то профессионального стука раздался из-за двери голос женщины-администратора апартаментов. — К вам посетитель. Сможете принять?

— Смогу, — отозвался я, наблюдая, как «цветок» беззвучно становится сбоку от двери, по пути прихватив «собаку».

С мокрыми ещё волосами, босая и в гостиничном махровом халате до колен. Заняв позицию, андроид, поймав мой взгляд, едва заметно кивнула, и я, про себя отметив, что данная предосторожность мне совсем не кажется излишней — как и очередная самодеятельность БИУС — отворил замок. Левой рукой, не вставая напротив дверного полотна.

Если честно, за порогом я ожидал увидеть Жаргал или Светку — хотя последняя, скорее, стала бы ломиться самостоятельно, стуча кулаком, а то и ногой. Ещё мог быть кто-то от дружины Радищевых — может, у хозяев дошли руки расспросить всех участников инцидента на дороге. Однако, действительность несколько превзошла мои ожидания.

— Привет, Егор, — поздоровался улыбающийся мужчина, протягивая мне руку для пожатия, одновременно переступая через порог. — О, как ты подрос-то. Сколько мы уже не виделись лично, год где-то? Рискуешь превзойти собственный, хех, прошлый рекорд! О, да я вижу, ты не один. Привет, Ирис. Помнишь меня?

— Петр Осипович, — вздохнул я, пожимая руку. Доктора наук, признанного специалиста в области физики плазмы, профессора Вихро, стоило ему войти в любое помещение, сразу становилось слишком много. Выглядел прошедший Врата Белой Лебеди учёный едва ли на тридцать лет, а кипучей энергии его хватило бы на освещение небольшого города. — Рад вас видеть. Действительно, рад. Надеялся вас тут найти, но не ожидал, что получится… так быстро.

— Никогда не любил тянуть резину, — ещё раз улыбнулся единственный, кроме меня, оставшийся в этой реальности в живых «попаданец», одновременно непринуждённо и церемонно целуя руку приведшей его сюда женщины. — Ах, спасибо за вашу неоценимую помощь!

Администратор, видимо, хотела проконтролировать, всё ли будет в порядке с гостями, но, после такого жеста, неожиданно заалела щеками и мгновенно ретировалась — только её и видели. Я даже как-то заностальгировал — проф такие трюки откалывал ещё в другом мире, а было ему уже за семьдесят. Впрочем, когда он повернулся ко мне опять, от веселья на лице не осталось и следа.

— Егор, ты, я думаю, устал, но не против, если мы поговорим прямо сейчас? У тебя, как мне кажется, есть недостающая мне информация, а я, уверен, смогу помочь тебе. А то мне что-то очень, очень не нравится происходящее. И чем дальше, тем больше.

18

До Долгина профессору Вихро было далеко: спросить десять раз одно и то же разными словами и выудить в итоге всю информацию по интересующей теме, даже ту, что сообщать собеседник не собирался, Пётр Осипович не умел. Да и вообще, часто перебивал, активно участвовал в диалоге, мог начать отвечать на собственный вопрос — в итоге я, кажется, сам узнал куда больше, чем рассчитывал. Зато спать расхотелось окончательно: взбодрился так, будто меня пару раз электрошокером на малой мощности ткнули. С другой стороны, может лучше было бы шокером.

— У Радищевых — не бардак, здесь всё весьма неплохо устроено, уж поверь. Кто живёт и работает в Рудногорске — нарадоваться не могут. Поликлиники и больница местная тут идеальные, жильё за счёт князя, в школах — практически индивидуальное обучение введено, а работа с детьми начинается ещё в детских садах. Открыты специальные филиалы двух столичных естественнонаучных ВУЗов. У некоторых тут уже настоящие династии — внуки работают там же или над тем же, где их деды начинали. Местные на Радищева и родных князя буквально молятся: он для них царь и бог, даже Император как бы на ступеньку ниже. Здесь… как бы объяснить… настоящий наукоград, каким он должен быть. Твори, делай открытия — или помоги сделать другим. На Научный Городок в Новосибирске похоже. Город будущего — то, что у нас там называли «территорией опережающего развития». Называли — но сделать так и не смогли.

Вихро на секунду призадумался, потом немного виновато посмотрел на меня — и признался:

— По-хорошему, мне стоило попробовать тебя сюда перетащить раньше. Ребята… Они давно всё для себя решили, для них армия была всем. Защищать Родину, потом всё остальное. «Первым делом — вертолёты» …М-да. Для Ивана и остальных работа на «оружейного бека» стала чем-то вроде реванша — за всё, что им там пришлось пережить. За все потери, за развал советского ВПК, за годы случайных подработок… А ты, Егор, не такой — для тебя всегда процесс познания нового стоял на первом месте. Вместе с присущим умением смотреть на вещи под нестандартным углом — это задатки настоящего учёного. А ты застрял в казарме.

— Ну, я бы не сказал, что уж прямо в казарме… — не слишком уверенно запротестовал я. Честно сказать, слова Вихро

мне очень польстили — даже близко не ожидал от него услышать нечто вот такое. Мы ведь даже раньше не общались напрямую практически. И тут такое откровение!

— Можешь меня не переубеждать — я-то хорошо знаю, что такое «ящик» и «шарашка»[27], в хорошем смысле этого слова, — покачал головой мужчина, — насмотрелся при Союзе. Там тоже было очень даже неплохо — недаром сам в одной из них некоторое время работал… Но у военных все задачи исключительно прикладные, и очень конкретные. Выбрать себе тему для исследования можно было даже не мечтать. Собственно, это та самая причина, по которой Абишев в очередной раз вынужден был обратиться за посторонней помощью, из-за чего я стал работать здесь.

Пока учёный говорил, я пытался понять, что именно меня смущает в его словах. Сопоставив ещё раз всё, что слышал о разработчиках и поставщиках материалов для создания Агаты и Ирис, я наконец сформулировал выловленное противоречие.

— Петр Осипович, я правильно понял вас, что Радищевы занимаются не только разработкой оружия? — я аккуратно подбирал слова, чтобы не разрушить сложившуюся доверительную атмосферу. — Когда вы ушли от Тогжан-бека, то, как я слышал, заняли место в проекте по созданию истребителя шестого поколения. И вообще, что остальные прямые вассалы Императора занимаются военной тематикой… Прежде всего.

— Я действительно работаю в том числе и в команде, занимающейся «перспективным многоцелевым аэрокосмическим комплексом», — доброжелательно покивал Вихро, — кроме того, участвую ещё в четы… нескольких оружейных проектах. Извини, это вроде как тайна — не буду конкретизировать. Кхм. Верно и то, что каждый из прямых вассальных родов постоянно занимается разработкой чего-то нового для армии. Но это, скажем так… важный результат, но в большинстве случаев побочный. Насколько мне известно, заказ на разработку истребителя Радищевым выдал непосредственно Юрий, а Лазурный Дворец подобрал и привёз недостающих людей — проектировщиков, инженеров, лётчиков-испытателей… Обычно такими делами, как создание принципиально нового летательного аппарата, занимаются профильные конструкторские бюро военно-промышленного комплекса — так же, как у нас там. Так что размещение заказа здесь и создание фактически нового центра разработки — шаг скорее… гм, политический. А так вообще Рудногорск — хоть и фактически частный, но настоящий, имперского уровня, центр создания и исследования новых материалов и веществ. Я здесь, как ты понимаешь, пришёлся

весьма ко двору — плазма тоже вещество и в некотором смысле даже материал, а в Великой Империи раньше мало кто занимался ею всерьёз…

— Ага, — я попытался осмыслить вываленную на меня кучу информации, — тогда, получается, Тогжан-бек тоже…

— Вот Абишев как раз исключение, — перебил меня профессор, — его род изначально специализировался именно на военной тематике. Иначе, как ты думаешь, почему его называют «оружейным беком»? Собственно, он потому и вынужден обращаться каждый раз к другим прямым вассалам Императора — за наработками и людьми. Свои кадры у него отличные, но уж больно… специализированные.

— А ещё у него дружина — настоящая маленькая профессиональная армия, — прошептал я.

Шайтан! Где были мои глаза — я же видел, какие ребята служат в охранении «Каменного цветка». То-то мне после них все — и орденцы, и местные дружинники — кажутся неуклюжими увальнями и раздолбаями! Вот почему заговорщики из «партии мира» не пожалели ракеты или авиабомбы на нашу лабораторию. Всё правильно просчитали, с-суки. Останься «санаторий» цел, успей «обычная охрана» из батыров Абишева выдвинуться в Ундерхаан — и все эти «типа-маги» кровью бы умылись. И никакие бы «сферы» не помогли.

Вот всё и прояснилось. Ничего равновесники не знали про «антимагическое оружие» — просто подстраховались. Поэтому просто уничтожали всех подчинённых Абишева без разбора — включая испытательную группу в степи. И патрули выпустили для того же — ловить случайно уцелевших из «Каменного Цветка», если таковые найдутся, поодиночке, из-под маскировки. Может, именно потому отец Светки и Долгин смогли вырваться с Полигона — тупо не хватило концентрации сил однозначно преданных заговорщикам «гвардейцев»: часть ни в какую не соглашавшаяся умирать Анна со свитой перебила, пока пыталась сбросить погоню, часть — я и Ирис.

— Тут они тоже по казармам били, или по аэродрому? — хмуро поинтересовался у Вихро я.

— Что? — проф помрачнел — сразу понял, о чём я. — Нет. По жилым кварталам садили. Разрушили несколько домов и подожгли газораспределительный узел.

— Промахнулись? — ответ меня удивил.

— Не похоже. Опытовый аэродром в двадцати километрах на запад — такие объекты рядом с жильём не размещают, опасно. И не похоже, что по резиденции князя старались попасть — она гораздо севернее. Вы вовремя на ублюдков наткнулись —

постреляй пушки ещё минут десять — счёт жертв пошёл бы на сотни.

— Зачем?! — вырвалось у меня.

— Меня спрашиваешь? — Вихро ответил взглядом на взгляд, одновременно доставая планшет, очень похожий на мой, потом застучал пальцами по экрану компьютера. — Отправилась группа захвата из местных дружинников, кого-то уже поймали и допрашивают, но пока выводов нет. Офицеров, что наводили орудия — не нашли, но судя по показаниям принцессы Анны и генерал-майора Мамедова — они были убиты во время вашей атаки. Так что теперь только если по косвенным данным установят, или доберутся до устроителей… акции.

— Неплохой у вас доступ к местным информресурсам.

Я только теперь задался вопросом, как Вихро так быстро про меня узнал. Документов местные на въезде у нас не проверяли (собственно, проверять было нечего), по фамилии я представился только здесь, когда заселялся и получал ключ — а бывший глава НПО «Вихрь» появился на моём пороге всего через два часа после этого.

— Неплохой, да. Я, всё-таки, руководитель направления, — кивнул Пётр Осипович, — правда, местные безопасники к своим серверам меня не пускают, но… Сам знаешь, сетевой принцип организации вычислительных ресурсов предоставляет массу возможностей. Особенно при наличии соответствующего программного обеспечения, способного находить, собирать и первично обрабатывать всю поступающую информацию самостоятельно. Узнаёшь?

Проф повернул планшет ко мне экраном, и я сразу же узнал такой до боли знакомый интерфейс.

— Аналитический модуль…

— Да, твой аналитический модуль, — подтвердил Вихро. — Иван всё никак не мог смириться, что его БИУС попал сюда в виде сборки с твоей надстройкой, в свободное время всё пытался провести окончательную декомпиляцию без потери функционала базовой платформы управления дроном. Где-то год назад у него, наконец, получилось — тогда, когда уже было окончательно ясно, что «камень» и «цветок» без «пристёгнутых» когнитивных функций будут хорошо если на четверть столь же функциональны, как с ними. Вот, чтобы работа не пропала, Маркулов решил придать и «надстройке» возможность работать независимо от базового блока. Когда я в последний раз приезжал к вам в лабораторию, он мне результат своих усилий показал.

Я вспомнил своего наставника и учителя — больно уже почти не было, только очень грустно. Наверное, хорошо что он не сказал

мне о своем «хобби» — я обиделся бы вусмерть… тогда. А сейчас я был готов простить старшему товарищу и не такое — лишь бы тот каким-то чудом оказался жив! Увы, чудес — таких чудес — не бывает…

— Для Ивана это была разминка для ума, а я заинтересовался — и, как видишь, не зря, — собеседник заметил смену моего настроения, но виду не подал — за что ему огромное спасибо. Обсуждать свои ощущения от потери семьи и дома я был не готов. — Для учёного получился бесценный инструмент. Правда, без вычислительного узла «Юаньжоу» возможности сильно урезаны, но мне вполне хватает. Пусть поисковик работает не час, а сутки — обычно особой разницы нет.

— «Юаньжоу», — я медленно проговорил это слово. — Пётр Осипович, вы ведь что-то знаете о функционировании этой сети? Это ведь через вас Абишеву попали блоки для Агаты и Ирис? Расскажите мне всё, что вам известно.

— Э… — кажется, мне в первый раз за время разговора удалось сбить профа с толку, — я могу, конечно, что знаю… Но зачем?

— Видите ли, так получилось, что нам позарез нужно перехватить контроль над системой стратегической атомной безопасности. Пора заканчивать этот балаган.

19

— Знаешь, Егор, — после паузы задумчиво сообщил мне Вихро, — если бы ты подобное сказал мне ещё сутки назад, я бы… сильно озаботился твоим душевным здоровьем. М-да. После всего, что ты мне поведал, и после этого обстрела… Давай я действительно просто расскажу тебе, что мне известно. Хотя заранее предупреждаю: по моим представлениям, взломать сеть «Периметра» невозможно. Контроль над «Юаньжоу» не может быть получен программным или инженерным способом… Так, боюсь, мне придется начать рассказ издалека. Сейчас…

Профессор зажмурился, лицо его приобрело умиротворённое выражение — я с удивлением понял, что по Второму Пути мой земляк продвинулся заметно дальше меня. Несколько секунд — и Пётр Осипович открыл глаза. И заговорил: чётко, размеренно и неторопливо. Будто зачитывал заранее подготовленный доклад. Мощно, чего уж там.

— В скором времени после окончания Великой Войны, — менторским тоном начал учёный, — недавно сформированным правительством при прямом участии Императора были окончательно ликвидированы сословные привилегии — за исключением права прямым законным наследникам добавлять к своей фамилии наследный титул и так называемого «права на дружину». Таким образом, разрушенный во время войны институт дворянства был окончательно уничтожен и «де юре». Дворяне с точки зрения закона для государства стали рядовыми гражданами — кроме упомянутой пожизненной «лицензии» на содержание наёмных сотрудников в официальном статусе слуг и личной охраны. Если, конечно, денег хватит… Об этих событиях можно прочесть в любом имперском учебнике истории. А вот чего в учебниках нет, так это того, что представители шести дворянских родов после освобождения от обязательной повинности служения своему государству немедленно и добровольно дали прямую и наследуемую клятву верности императорскому роду. Это рода — Абишевы, Багратионы, Дун, Надыровы, Синкай и Радищевы.

Проф кашлянул в кулак и продолжил:

— Чем руководствовался отец Юрия, Император Роман, когда раздавал своим вассалам определённые рекомендации для выбора направления желаемого служения — бог весть. Видимо, были учтены и личные предпочтения, и некие требования момента… Возможно, монарх просто устроил по своему разумению удачное вложение свободных средств — не знаю. Но, как итог, Абишевы стали разработчиками оружия, Радищевы

занялись перспективным материаловедением и синтезом различных веществ, Надыровы взяли на себя кибернетику и автоматизацию, а Синкай — генетику и сельское хозяйство. Багратионы занимаются электроникой и средствами связи, а вот о Дун мне достоверно ничего неизвестно…

Ка-ак интересно. Генетика и сельское хозяйство. А почему я из разговоров с Маркуловым и самим, кстати, профом около года назад помню совсем другое? Что все прямые вассалы монарха так или иначе занимаются разработками оружия? Да и Соломин явно имел в виду не толпу мирных жителей, когда говорил о выборе места, куда нужно доставить принцессу… Стоп, или нет? Как там… «Место, где сторонники Юрия однозначно в большинстве и сильны». Но если Аудитор Лазурного Дворца знал, что местная дружина отнюдь не армия — почему притащил сюда Анну? Ш-шайтан. Только голова от попыток одновременно думать и не упустить ни одного слова из лекции начала болеть.

— …Думаю, мне не нужно объяснять, что все перечисленные области науки сейчас оказались теснейшим образом связаны на прикладном уровне? Точно так же оказались связаны и перечисленные мною рода. Для развития кибернетики нужна полупроводниковая логика, а чтобы сделать большие интегральные схемы — соответствующие исследования в области выращивания кристаллов кремния. Без кибернетики не сделать высокоточное оружие и средства связи, да и с биологическими исследованиями большие проблемы… Ну и так далее. Кроме того, по мере развития мировой науки вассальным родам волей-неволей пришлось расширять области своих интересов и осваивать дополнительные области знаний. Я бы на месте Императора Романа вообще своей волей собрал всех своих подчинённых в одном месте, но у него, видимо, были резоны всё оставить, как изначально сложилось. И у Юрия тоже. Вот почему материаловеды и химики Радищевы вынуждены были влезть в казалось бы совершенно левый для них проект космического истребителя, а твой опекун — в прикладную робототехнику. Тему исследований и разработок берёт на себя тот, кому выпадает больший объём действий по профилю. Таким образом, сейчас все прямые вассалы — может быть, кроме Дун — тянут оборонную тему, хотя бы одну.

Ага, кое-что проясняется. Уже хорошо. Не объясняет, почему Дмитрий решил, что в Рудногорске будет безопасно — но это уже другой вопрос. Интересно, что для военных делают Синкай? Боевых коров? Танкоопасную пшеницу? Тьфу, нет, не интересно — тут со своей головной болью разобраться бы! Хотя, кажется, я уже догадываюсь, что сейчас скажет Вихро.

— Из-за ранее перечисленных причин проект системы «мёртвой руки» логично оказался в зоне ответственности князей Багратион и Надыровых. У первых нашлось всё для организации мелкосерийного производства спутниковой космической части системы и других элементов вычислительных узлов «Юаньжоу». Вторые же разработали и продолжают по сей день совершенствовать программное обеспечение к этому «железу». Кроме того, в создании цикла производства отметились ещё две фамилии прямых вассалов — как ты, Егор, я думаю, догадываешься, это Радищевы и Абишевы.

Доктор наук вдруг улыбнулся мне и совсем другим, не лекционным тоном сообщил:

— Знаешь, я уже прилично поработал на нашу оборонку — хочу тебе сказать, кое-что от мира совершенно не зависит. Когда генералы в Министерстве Обороны поняли, что им предлагает как бы «частный подрядчик» — сделали всё, чтобы «отжать» полный цикл создания компонентов «Периметра» себе. Отчасти могу их понять — атомная безопасность страны чрезвычайно важная вещь, и одна мысль, что ей занимаются никак не подконтрольные люди… ну ты понял. Началась грандиозная возня, с многочисленными бумажками по инстанциям, взыванием к Долгу Родине и прочему — но не тут-то было. Не то, чтобы Император был так уж против отдать промышленные мощности и даже переуступить контракты части специалистов… Только вот после этого действия на развитии системы можно было поставить жирный крест.

— Потому что всех специалистов засадили бы в закрытый ВНИИ и окружили тремя рядами колючей проволоки под током? — спросил я, когда пауза в рассказе затянулась. Вихро задумался — что-то вспомнил из своей богатой на события жизни, видимо, и возвращаться в реальность не спешил.

— А? Да нет, это как раз нормально — сам в таких условиях ещё в СССР знаешь сколько отработал? Закрытый военный городок — не самое плохое место для жизни, особенно, если всё что нужно своевременно доставляют. Опять же, все коллеги под рукой… Понимаешь, вопрос на самом деле серьёзный. Эта подковёрная ссора между Императором Романом и генералами перешла по наследству его сыну. Ходят слухи, что о немедленной национализации всех этапов работы над компонентами «Периметра» с Юрием заговорили прямо над гробом отца. Если бы удалось достичь какого-то компромисса — возможно, не было бы той ситуации, которая есть сейчас. Хрена-с-два купцы, пусть даже самые богатые, что-то смогли сделать без поддержки военных. Возможно, это была ошибка…

— Наверное, на то были причины? — поинтересовался я.

— Конечно, и не одна, — кивнул мужчина, — но, как я и сказал, главная — прекращение развития одной из важнейших систем защиты страны. Кстати, Егор, как тебе современный уровень техники в Империи?

— Э… — я слегка охренел от такого «лёгкого» перевода темы. Это вообще к чему было? — Ну, он… нормальный? В смысле, он, наверное, такой и должен быть — с учётом менталитета местных и развития науки… Ну, минус красивости, плюс долгий цикл работы вместо эскалации потребления, как там было…

— То есть, например, создание очень человекоподобного андроида за четыре года на базе современных технологий тебе не кажется чем-то странным? — с прищуром посмотрел на меня Вихро, сделав акцент на слове «современных».

Я честно подумал. Потом ещё раз подумал. Потом уверенно покачал головой:

— Нет. Её же из готовых «кусочков» собрали — последними из которых были принесённое нами с собой ПО и сама концепция.

— Занятно, — скорее себе, чем мне кивнул собеседник. — Заметь, ты ведь человек с незашоренным сознанием, человек, пришедший со стороны. И что говорить про других? Может, дело в магии? Если знаешь, что она есть, любое несоответствие не кажется чудом. Если есть люди, которые могут огнём кидаться или локально погодой управлять, и это нормально — почему надо удивляться чему-то другому? Даже, хех, на попаданцев действует.

После слов профа я почувствовал себя идиотом. Самое обидное для моего самомнения заключалось в том, что при очевидности намёка я так и не понял, на что именно указывает мне Вихро. Процессор на углеродных нанотрубках? Да про полупроводники на основе этого материала и в моём старом мире активно писали, причём задолго до того, как мы воспользовались Вратами. Искусственные мышцы? Ещё более известная тема, как и топливные элементы. Правда, всё это там было только на уровне лабораторных образцов — но ведь и здесь, фактически, то же самое, нет? Ну, кроме процессоров — но ведь миры-то не идентично развиваются…

— Егор, тебе обязательно нужно получить классическое техническое высшее образование, раз уж выпала такая возможность, — со вздохом порекомендовал мне Пётр Осипович. — Уметь программировать — это здорово, но совершенно недостаточно, если хочешь достичь чего-то большего, чем должность высококвалифицированного ремесленника.

— Согласен, — покорно согласился я, — и приложу все силы.

Спорить с тем, кто хочет, и, самое главное, может помочь? Глупо. Кроме того, возраст, знания, опыт и достижения сидящего напротив меня человека вполне располагали к нравоучениям, к которым определённо стоит прислушаться. Тем более, проф практически открытым текстом предложил своё покровительство — а такими предложениями не разбрасываются. Вот только…

— Но нужно сначала остановить начинающийся хаос, — я выдержал короткую паузу, и с нажимом добавил: — Нам остановить. Или на каких-либо планах можно будет ставить жирный крест. Вы и я знаем, лично видели, что бывает при распаде государства. Жертвы от недавнего обстрела даже не цветочками покажутся, а статистической погрешностью!

Вихро вздрогнул и дёрнулся. Закрыл глаза, потом открыл — и наткнулся на мой сосредоточенный взгляд.

— Видать, старею, — на мой недоверчивый хмык он устало, одними губами обозначил совсем не весёлую улыбку. — Не в плане биологического возраста. Попенял тебе на зашоренность, а сам ничуть не лучше. Да куда там — хуже, конечно… Ты действительно собираешься вот так взять и влезть в самое… в самую высокую политику? Ты ведь только телом подросток, ты знаешь, чем подобное грозит.

— Если не мы, то кто? — вопросом на вопрос ответил я. — Ровно двое суток назад один экспериментальный вертолёт без пилота сумел остановить стодвадцатитысячный отряд регулярной армии. Это был хороший урок.

— С одним крупнокалиберным пулемётом один человек смог бы остановить армию середины девятнадцатого века на марше, — внезапно для меня успокоился учёный, — технологический разрыв — страшная штука. Так что твоя аналогия некорректна.

— Между Агатой и техникой на Полигоне такого разрыва не было, — возразил я с лёгкой неуверенностью.

— Нет, был. Именно это я и пытаюсь до тебя донести. Между дульнозарядным капсульным ружьём и пулемётом разница тоже кажется незначительной — принцип-то один и тот же, да и многие части выглядят аналогично — спусковой крючок, например, или курок с бойком. А капсюли просто совместили с патроном. Всего-то нового — затвор, даже схема перезарядки отнюдь не выглядит ноу-хау. Но разница громадная. Она в металле — в разы более жаро- и износостойком, в потоковом производстве гильз, в совершенном бездымном порохе — во всём том, что по пулемёту просто так не видно. Понимаешь?

— Хотите сказать, что все материалы и технологии, которые используются в Ирис и Агате, не просто лабораторные экспериментальные, а уже делаются по отработанной научными

центрами вассальных родов технологии?

— Верно. Верно, с одной поправкой: технологию отработала не Императорская Шестёрка.

— А кто тогда?

— Запад, — коротко ответил проф, — наши у них её то ли купили, то ли украли, скорее второе. В любом случае, сейчас мы выступили в роли догоняющих.

— «Её»? — только и смог переспросить я, отнюдь не фигурально придавленный новостью.

— Да. По сути, технология одна — что в производстве аллотропов углерода и других продвинутых соединений и веществ, что в сверхэффективных топливных ячейках. В первом случае идёт использование результатов, а во втором — собственно, процесс. Точнее, технологией это называть не совсем корректно, больше подходит слово «алхимия». Сам посуди: глупо жить в мире с работающей магией и никак это не использовать? Кто-нибудь обязательно должен был додуматься, как соединить возможности влиять на реальность силой мысли и инженерно-технический подход и получить техномагию.

Вдоволь налюбовавшись на мою вытянувшуюся рожу, Вихро решил меня добить:

— Алхимия — кстати, именно это название используется на Западе официально, — лишена основного недостатка магии классической: не загаживает местность вокруг места применения и не теряет стабильность действия со временем. Более того, ей не нужен человек-оператор, кроме как для запуска процесса. Правда, по сравнению с обычной магией, алхимия значительно ограничена. Но — синтез с техникой нивелирует этот недостаток. Так что — добро пожаловать в мир, где больше не нужны громоздкие гремящие двигатели внутреннего сгорания, мир умных полимеров, сверхбыстрых компьютеров и ракет на однокомпонентном топливе, надёжном и нетоксичном.

— Плазма! — осенило меня.

— Плазма, как оружие и плазма, как рабочее тело двигателя, — согласился Вихро. — Миосинтетика для «мускульных» приводов и материалы с запредельной температурной стойкостью для обшивки аэрокосмического самолета. Даже я не могу всего представить, но, да — это революция в прикладной науке.

— И сильно… — мне пришлось прочистить горло, прежде, чем договорить, — сильно мы отстаём?

— Первое алхимпроизводство в США открылось двадцать лет назад, в девяносто шестом году, — уведомил меня рассказчик. — Наверняка для оборонной промышленности Штатов что-то

начали делать ещё раньше. Хотя бы тот же уран для боеголовок обогащать. Алхимия вообще хорошо подходит для работы с веществами — если не замахиваться на вмешательство в ядерные реакции.

— Как вообще так вышло? Ну, — я взмахнул рукой, пытаясь выразить весь шквал обуревающих меня эмоций. Матом выражаться перед земляком всё же не хотелось, а другие слова на язык не шли.

— Если ты помнишь здешнюю историю, ближе к концу Великой Войны уцелевшие европейские маги дружно перешли на сторону Великой Империи. Вовремя смекнули, что запахло жареным — повыбили их знатно, и процесс продолжался. «Свои» к ним тоже имели определённые претензии — уж больно некоторые кудесники да волшебники отличились, особенно друиды. Магия ведь не наука тогда была — «истина для избранных», притом массовые жертвоприношения и «чёрные мессы» с ритуальными пытками были ещё не самой большой пакостью из творимых. Иначе, как ты думаешь, почему беглецы согласились упаковаться в Орден Равновесия и сидеть тише воды, ниже травы? Что касается алхимиков, то они тоже как бы относились к магам, но чародеи их повально презирали: как же, задание для лишённых или почти лишённых дара, да ещё и занимаются какой-то хренью вроде философского камня. Соответственно, именно эта точка зрения было донесена руководству ВИ. Уцелевшие европейские алхимики — их выжило значительно больше — как и многие другие подались за океан за лучшей долей, и там объединились, насмотревшись на «настоящих» магов, кстати. Потребовалось много времени, чтобы соотнести эмпирические знания и бурно развивающуюся тогда физику элементарных частиц, но когда получилось…

— То есть Америка и её союзники сейчас превосходят Империю… во всём? — наконец задал самый неприятный вопрос я. И получил неожиданный ответ. Хотя да — мог бы и догадаться.

— Если ты думаешь, что за океаном у руля не такие долбоящеры, как у нас, хочу тебя разочаровать. Такие же, — с усмешкой ответил проф. — «Алхимиков» зажимают, как могут — налогами, наездами на экологичность, заматывают многочисленными проверками. Те, кто делают классические двигатели и качают нефть, вовсе не хотят остаться за год с пустыми карманами — а именно так и произойдёт, если дать технологиям совершить скачок. Армия, флот и авиация медленно перевооружаются — с распилом астрономических денежных сумм, потому ни о какой эффективности внедрения не может быть речи.

Пётр Осипович дождался, пока на моём лице не появится облегчённое выражение, и добавил:

— Пока. Но ты не волнуйся — если, точнее, когда начнется война — экономика Запада будет работать в другом темпе. И перевооружаться за считанные месяцы, и денег хватит всем — земля у нас, русских, китайцев, монголов, казахов и всех остальных — большая и богатая…

— Или мы должны сами начать и выиграть «маленькую победоносную войну», начать гонку вооружений на своих условиях и удержаться в паритете. То, что планирует сделать Император Юрий. Для последнего и послужат рода-вассалы — центры кристаллизации, отправные точки для грядущего научно-алхимтехнического рывка, — дошло до меня. Все кусочки пазла сложились. Ну, почти все.

— Неужели генералы из минобороны не понимают, что в таких условиях война — дело времени? — попытался разобраться в последних непонятках я. — Не может быть, чтобы им разведданные и образцы технологий не показали. Предатели?

— Не думаю, — не согласился Вихро. — Скорее, рассчитывают нажать Большую Красную Кнопку первыми. Жахнуть — и весь мир в труху.

— И? Конец света лучше, чем победа?! — у меня натурально глаза полезли на лоб.

— Просто не верят в нашу победу в прямом противостоянии с Западом — особенно если влезть в соревнование экономик, — уточнил учёный.

— Потому, «разрушим до основанья, а затем…»? После этого что, можно будет победить?!

— После крушения экономики и цивилизаций победит тот, у кого останется больше относительно примитивной техники, простого надёжного оружия и у чьих солдат боевые возможности и сила духа будет больше. И у них есть основания думать, что они правы, понимаешь? Первый и Второй Пути… дают некоторые возможности.

— «Пусть от атома погибнет миллиард китайцев, у нас есть ещё один»?

— Мао Цзе Дун? Ну что ты хочешь — как ни крути, а Великая Империя русско-китайское государство. Со всеми вытекающими.

— Твою ма-ать… — я всё-таки не сдержался. От почти осязаемых картин только что описанного будущего хотелось схватиться за голову и забиться куда-нибудь под диван. А лучше, забить туда идиотов, толкающих мир к пропасти. Сразу всех, но можно по частям, чтобы больше влезло. — Проф. Как перехватить управление «Периметром»?

— Я же говорю: это — невозможно, — устало откинулся на спинку кресла Вихро, даже не обратив внимание на мою оговорку. Похоже, ему тоже до иблисов давно хотелось выговориться — но здесь, в отрыве от остальных попаданцев, было банально некому. — Тем более, я далеко не полностью представляю, как система работает…

— Если в реальности существует глупость, способная по воле или безволию отдельных уничтожать цивилизации, значит, должно быть что-то в противовес. Способ должен существовать.

— А ты уверен, Егор, что Император им уже не воспользовался? — всё так же глядя в потолок, поинтересовался учёный. — Ситуация, всё-таки, назревала давно. Неужели ты думаешь, что никто не подготовился?

— Если бы Юрий мог — не допустил бы жертв в Рудногорске, — резче, чем нужно, возразил я. — Мы ведь совершенно случайно наткнулись на батарею, счастливое стечение обстоятельств, что орденцы успели сделать всего несколько залпов.

— Войны без жертв не бывает, — наконец-то посмотрел на меня Пётр Осипович, — и ещё. Знаешь, что будет утром? Когда пожары потушат, жертв достанут из-под завалов и сосчитают мёртвых?

— Что? — голова уже отказывалась соображать.

— Пойдут и возьмут в руки оружие. Толпа, в которой две трети — адепты Путей и больше половины отслужила срочную службу — уже не толпа. Не покорно ждущие решения гражданские нейтралы.

«Так вот на что рассчитывал Соломин. А наличие принцессы Анны даст ополчению необходимого лидера.»

— Тем более, нужно решить вопрос с «Юаньжоу» как можно скорее. Расскажите мне всё. Сейчас.

— Хорошо. Слушай…

20

У воздушного десанта есть девиз: «никто, кроме нас!» Его часто повторяют, но мало кто, кроме самих десантников, по-настоящему задумывается, что означают эти простые слова. Тот, кто действительно применяет их к себе — отбрасывает рамки и ограничения, готов действительно на всё. Поэтому с ВДВ-шниками, даже пожилыми и давно в отставке, все стараются общаться уважительно и вежливо — от уборщицы и до премьер-министра. Десант справляется или погибает при попытке выполнить задание — третьего не дано. Тот, кто действительно готов идти до конца, невзирая на последствия — получает власть над происходящими событиями. Власть реально что-то изменить — собственными руками, здесь и сейчас. Сделать то, что другим не по силам.

Не так уж много людей рвутся к власти, как таковой. Деньги, влияние, преданные последователи — всё это, на самом деле, лишь способ защиты от жизненных неожиданностей. Это как быть рядовым или генералом. Солдата может послать в бой любой сержант и вообще кто угодно старше по званию, а генерала — только Верховный Главнокомандующий, причём сам генерал останется в удобном штабе, а умирать пойдут всё те же рядовые.

Некоторым от чувства мнимой защищённости и безнаказанности натурально рвёт крышу — так получаются мелкие тиранчики на местах, начиная от охранника на ресепшене «стой, пока я не разрешу тебе идти» и заканчивая самозабвенно орущими на подчинённых директорами компаний. Некоторые продолжают крепить свою личную крепость — придумывают любые поводы, только бы не вызвать неудовольствие вышестоящих и не лишиться тёплого местечка, или банально берут взятки, «заботясь о будущем». И лишь очень небольшое число людей, получив возможность что-то изменить, действительно способно взять на себя ответственность за свои команды и действительно что-то сделать. Бывает, что крутишь головой по сторонам — а рядом таких и не оказывается. И не рядом — тоже.

…Разговор с профессором Вихро оставил у меня… сложные впечатления. В том числе и о самом учёном. Проф молодец — за три года сумел не только сделать головокружительную карьеру у Радищевых, но и завёл нужные связи, знакомства и каналы получения информации. Я и раньше им восхищался — кипучей энергией, способностью добиваться своих целей — а теперь ещё больше зауважал. Вот только… Пётр Осипович не был готов

рисковать. Нет, не так — готов, и ещё как! Но только если последствия, в том числе и провала, будут укладываться в некий устраивающий его минимум. Тогда, когда он шагнул во Врата Белой Лебеди — учёному, по большому счёту, было нечего терять: возраст, как-никак, скоро и в могилку. А теперь терять было что — положение, репутацию, саму жизнь в конце концов. Ещё как минимум сорок-пятьдесят полнокровных лет — не хрен собачий.

Потому, обладая завидной полнотой информации о происходящем, Вихро не спешил действовать, сохраняя свободу для манёвра. Его колоссальный жизненный опыт при трёх государственных режимах в двух мирах давал хорошую гарантию вывернуться в любой ситуации. Не просто вывернуться, но и прикрыть своих протеже — в число которых не слишком завуалированно предложил войти и мне. В какой-то степени меркантильно — но честно и в общем-то благородно: проф своих никогда не бросал. Вот только — такая позиция не устраивала уже меня.

О, поступи такое предложение неделю назад — согласился бы, не раздумывая! К тридцати пяти годам жизни «там» я не питал о себе особых иллюзий. Я не «пробивной», не способен идти по головам и уж тем более не лидер. Таким, как я, нужен «паровоз» — тот, кто тянет за собой. Вечный второй-третий номер — способный генерировать идеи и придумывать нестандартные решения, но не способный их упорно проталкивать в условиях плотного стороннего противодействия или оперативно переключиться на что-то более выгодное. С другой стороны, такое вообще можно было сказать про всех вихревцев — иначе бы спецы вроде Маркулова не протирали годами штаны в НПО. Однако, как выяснилось, я далеко не всё про самого себя знал.

Занятно, но то, насколько я успел измениться всего за трое суток, я понял только во время ночного разговора с Петром Осиповичем. И «всего-то» потребовалось потерять почти всех близких, лично убить несколько человек, побывать в кровавой бане городского боя, несколько часов скрываться от убийц, спасти несколько человек и лично отдать приказ на атаку сводной армейской группы. А последней каплей, не иначе, послужил обстрел диверсионной группой орденцев Рудногорска. Больше оставаться в стороне и ждать неизвестно чего я был не намерен.

Только утром, прокрутив ещё раз весь разговор в памяти, я понял, что проф оценил мои слова про необходимость решительных действий, как желание войти в его команду не просто на правах перспективного подопечного, а партнёром. Младшим или даже на равных — это как получится. С собственным, так сказать, «капиталом» — получив максимальный

профит за помощь императорскому роду через его дочь. Стремление для Вихро насквозь понятное и одобряемое, только очень рисковое — о чём меня заботливо предупредили. Типа, ты точно хочешь в это влезть? А то власть имущие, они такие — даже в случае победы могут вместо благодарности устроить кучу проблем слишком пронырливому, по их мнению, юнцу. Тем не менее, свою маленькую и почти безопасную ставку учёный сделал — поделился исчерпывающей информацией на нужную тему. И, заодно, подробно рассказал мне саму подоплеку событий, как он её видит — чтобы я понимал, что вообще происходит.

Невероятно полезный разговор вышел — и как нельзя более вовремя. О многом я раньше просто не думал, а теперь придётся учитывать. Вот только все последствия, все тонкости будут иметь значение лишь при одном исходе — в случае предотвращения гражданской войны. Следовало сначала победить здесь и сейчас — ну а потом уже держать удар, маневрировать и не упустить дивиденды, если таковые вообще будут. Никто, кроме нас! Надеюсь, в «нас» всё ещё входит кто-то, кроме меня и Ирис…

* * *

Утренняя прогулка по этажу оказалась гораздо интереснее, чем я предполагал. Апартаменты на поверку напоминали даже не гостиницу, а скорее, отличный санаторий. Оказалось, кроме правого крыла с модулями-номерами было ещё и второе, в другую сторону от лифтов — с помещениями общего пользования. Там нашлось место для настоящего небольшого зимнего сада с пальмами и тропическими цветами и для чего-то вроде банкетного зала. Я уже не говорю про такую банальную штуку как зона отдыха и психологической разгрузки — с телевизорами, журнальными столиками (не пустыми)… и «полноразмерным» баром со стойкой, высокими табуретами и выпивкой с закуской.

Я ещё раз окинул взглядом, с позволения сказать, раскинувшийся пейзаж, отдельно уделив внимание обложкам журналов и аккуратным стопкам бумаги для записок в зажимах тут и там — и кивнул сам себе. Нет, не санаторий. И банкетный зал вовсе даже не банкетный, а «конференц». А всё вместе — жилой фонд для учёных, приехавших посетить научный симпозиум. Умно. Князь Радищев определённо знает, как расположить к себе нужных ему людей — ну или хотя бы создать все условия для плодотворного обмена мыслями и идеями. Даже цветовая гамма, если присмотреться, тщательно подобрана —

где-то я читал, что жёлтый цвет настраивает на споры, а обилие зелёного успокаивает, позволяет расслабиться. И ни пятнышка «конфликтного» красного! Хорошее место. Пожалуй, посижу тут — мне как раз есть о чём подумать. Крепко, крепко подумать…

— Не ожидала тебя встретить здесь, Егор.

Я поднял голову от сплошь заваленной бумагой столешницы и с некоторым усилием выдрался из своих мыслей.

— Доброе… — я нашёл взглядом циферблат часов, спрятавшийся между пущенных по стене декоративных лиан, — доброе утро, Анна.

Надо же, всего десять утра? А мне казалось — полдня прошло.

— Не слишком доброе, — принцесса скользнула взглядом по разложенным на двух сдвинутых столешницах исписанным и разрисованным линиями и стрелками листам, по, как обычно, скромно устроившейся чуть в стороне от меня Ирис, и поинтересовалась: — Не помешаю?

— Нисколько, — всё, что было можно, из своей памяти я уже вытянул. Собственно, корявая блок-схема мне тоже уже была не нужна. Ручка и бумага потребовались, чтобы выстроить и соединить вместе известные мне факты и мои собственные знания, включая институтские лекции по прикладной и теоретической кибернетике. Результат… Н-да, результат заставил меня очень крепко задуматься — в том числе и о совершенно посторонних вещах, вроде смысла жизни, предназначения и неслучайных случайностей. Надо полагать, я бы ещё долго гонял мысли по кругу, проверяя и перепроверяя выкладки, если бы не Рюрикова.

Пока я собирал листы в кучку — пользы от каракулей больше не было никакой — шестая наследница престола спокойно, как будто она это делает каждый день, зашла за стойку. Через минуту оттуда зажужжала кофемолка, распространяя по помещению умопомрачительный аромат прекрасно обжаренных высококачественных зёрен.

— Сделай и на меня тоже, пож… — я подавился собственной просьбой, глядя, как дочь Императора спокойно заливает в турку коньяк вместо воды.

— Сейчас перемелю и для тебя порцию, — меланхолично отмахнулась собеседница.

— С-спасибо, но я лучше чай, — я подумал, и поспешно добавил: — немного попозже.

На первый взгляд Анна выглядела как обычно — разве что слегка утомлённой, судя по выражению лица. Едва заметные темные круги вокруг глаз — вот и все видимые улики того, что

принцесса ночью тоже не подушку давила. Только тем, кто знал Рюрикову Хэ-Мин относительно близко, было отлично заметно — она буквально сама не своя. Эти скупые, экономные движения, короткие рубленые фразы и куда-то пропавшие эмоции… Или я совсем ничего не понимаю в людях, или дочь Юрия смертельно устала.

— Может, я могу чем-то помочь?

Глупо, но… я вдруг понял, что просто не могу молча смотреть, как мучается не посторонний мне человек. Вряд ли меня и принцессу можно было бы назвать друзьями — подставу с взятием ответственности за команду Агате я не забыл и не забуду. Но… Вот парадокс: спроси меня сейчас, кто мне ближе — спутники или доктор Вихро, и я бы без сомнения выбрал не земляка.

— Только если можешь прямо одновременно уничтожить всех заговорщиков вплоть до уровня непосредственного командира низовой ячейки включительно, — слабо пожала плечами лидер нашей группы, не отрываясь от своего занятия.

Процесс приготовления, с позволения сказать, напитка, не кончился на розжиге спиртовой горелки: сейчас девушка одной рукой помешивала деревянной палочкой варево, а другой методично засыпала в раскаленную турку содержимое извлекаемых из шкафчика бутылочек и пузырьков. Видимо, с приправами — по крайней мере, характерный красный порошок жгучего перца я опознал. Это вообще можно будет пить?!

— Рецепт отца, — неожиданно для меня ответила на невысказанный вопрос дочь Юрия. — Видела однажды, как он себе делает после двух суток «предварительных переговоров» и перед началом официальной церемонии.

Она помолчала, мотнула головой и уже другим, своим обычным, только безнадёжно усталым голосом, добавила:

— На организм адепта Первого Пути, особенно такого… такого, как я — обычные стимуляторы действуют слабо. Извини, никак не отойду. От предварительных переговоров.

Я резко напрягся, а все философские вопросы, кружащиеся на окраинах сознания, немедленно сгинули без следа.

— У нас и здесь проблемы?

— Смотря что считать проблемами, — Анна аккуратно перелила напиток из турки в кружку — и сразу же отпила. Как будто там не почти кипящее нечто со вкусом, который я и представить боюсь, а прохладненькая водичка! — Ночью меня, Дмитрия и Василя по-очереди трясли глава службы безопасности Радищевых и два его зама — о, конечно со всей доступной учтивостью и вежеством, просто очень настойчиво — по событиям

в Ундерхаане. А к шести утра — только предыдущие «гости» убрались — уже только лично ко мне заявился и сам князь. Долго растекался мыслью по древу, потом прямо спросил — возглавлю ли я вооружённые выступления его людей лично или предпочту отдать всё на откуп ему. Второго уважаемому прямому вассалу Императора хотелось бы избежать — образование не то, да и за представителем августейшей фамилии прятаться легитимнее.

Я подумал, и честно высказал своё мнение по услышанному:

— П..ц.

— Нет, п…ц уже был, — напомнила мне принцесса, — а теперь, согласно шкале усиления, у нас «полный п…ц».

Я сразу даже не нашёлся, что ответить.

* * *

Несколько минут прошло в молчании. Шестая наследница престола продолжала то и дело прикладываться к своему адскому коктейлю — может, я и зря отказался пробовать, запах, по крайней мере, был интересный и на удивление приятный. Сам же в очередной раз пытался разобраться, стоит ли вылезать со своим… предложением сейчас. Совпадения совпадениями, но возможность воспользоваться вычисленной уязвимостью «Юаньжоу»… По большому счёту, она была вилами на воде писана. К тому же, провернуть такое мероприятие самостоятельно, силами нашего отряда, нечего было и думать — требовались люди и серьёзные ресурсы. Которые у князя Радищева были — и в свете последних новостей они ему и самому теперь были нужны. С другой стороны, если командовать будет Анна — это, наоборот, всё упрощает. Вот только кроме фактора ресурсов нужно было ещё и время. Причём, я даже затруднялся сказать, сколько именно. Был бы здесь Иван Маркулов…

— Не могу понять, чего они попытались здесь добиться, — словно в тон мне «в воздух» высказалась Анна. Она отставила чашку, выдохнула, зажмурилась — и открыла глаза. — А ведь действительно помогло. Теперь хоть работать головой смогу нормально.

— «Они» — это заговорщики? — уточнил я.

— Да. Обстрел Рудногорска, который мы сорвали… — тонкие женские пальчики коротко отбили по крышке журнального столика замысловатую дробь. — Если весь устроенный орденцами ужас в Ундерхаане ещё как-то с трудом можно списать на охоту на меня, то тут… Не просто бессмысленная жестокость, а прямое

вредительство собственным интересам. Силы «партии мира» сейчас разобщены, требуется ещё, как минимум, не менее недели, чтобы собрать их в ударный, представляющий серьёзную опасность, кулак. В это время никаких выступлений быть не должно. Да чёрт возьми, уроды должны всеми силами улыбаться своим, как они считают, будущим гражданам, проявлять неслыханную щедрость, раздавать деньги беднякам и разными другими путями всячески показывать, какие они замечательные. Вместо этого всем демонстрируется поведение злодеев из третьесортного романчика или, если хочешь, из старинной сказки: «мы злые, мы чистое зло, и потому просто не можем делать ничего хорошего»! В жизни так не бывает. Должна быть причина — но я её в упор не вижу.

— Уничтожение материальных активов врага? — разрушенную лабораторию и погибших близких Ордену Равновесия я до конца жизни не забуду.

— Тогда стоило устроить диверсию на аэродроме или хотя бы попытаться обстрелять здания научного центра, а не лупить по городской застройке, — с едва заметным раздражением — не на меня, на стрелков — ответила Анна и пояснила: — Дружинники нашли офицерский планшет недалеко от места боя. Не знаю, каким чудом его не разорвало, а просто отбросило, но… Короче, судя по отметками, обстрел планировался тупо по квадратам. На максимальное число жертв.

— Логично. Люди важнее техники.

— Совсем не логично, — покачала головой принцесса. — Егор, вот ты сам как думаешь, сколько на одного ключевого учёного приходится обслуживающего персонала? От поваров и уборщиц и до ассистентов «подай-принеси»? Я тебе скажу — около пяти сотен человек. Если бы огонь был сосредоточен по конкретным зданиям — ещё можно было бы понять. Но тут… Словно орденцы задались целью как можно быстрее мобилизовать в целом нейтрально настроенное население против себя и своих союзников. Но это ведь бред!

— Или они действительно хотят развязать как можно более масштабную гражданскую войну, — теперь настала моя очередь пожимать плечами.

— Что ещё больший бред, потому что только идиот может желать разрушить то, что будет его опорой в будущем, — припечатала дочь Юрия. — Недаром заговорщики пытались решить дело одним ударом… Тем, который ты сорвал. Гражданская война — самый плохой исход. Всеобъемлющая гражданская война — проигрыш для всех. Неважно, кто победит — под его контролем окажутся руины былого и озлобленный на

всех народ! Так что должно быть другое объяснение.

— Для Ундерхаана оно у меня есть, — сообщил я. И, немного поколебавшись, признался: — У меня тоже был… напряженный ночной разговор.

Пора. Хватит сомневаться.

* * *

— …«Периметр» как инженерно-техническое решение — своего рода совершенство. По крайней мере — на сегодняшнем уровне. Замкнутая вычислительная сеть, где каждый узел может работать автономно, мощнейший штабной компьютер, где каждый «офицер» способен вести войну в одиночку, а в составе группы — действует как идеально подогнанная часть единого организма. «Периметр» способен самостоятельно принимать решения, исходя из суммы данных, приходящих из разных источников — и не менее самостоятельно действовать. «Система мёртвой руки» не может ни предать, ни устать. Её можно на некоторое время обмануть в одном месте, что и было проделано в Монголии — но нельзя ввести в заблуждение надолго или глобально. Даже тот же приём повторно с высокой вероятностью не пройдёт — сеть способна эффективно самообучаться. Ещё Поднебесная Империя всегда хотела в пределах своих границ быть недоступной для врага — и вот учёные с военными создали для её преемницы по-настоящему Великую Стену. Совершенную. Идеальную. От земли и до небес.

— Видимо, не совсем идеальную, — поправила меня внимательно слушающая Анна, — если ты, как говоришь, действительно нашёл уязвимость.

— Уязвимость не в «Юаньжоу», а в способе внедрить в один из узлов нужный программный код, — педантично объяснил я.

— Разве это не уязвимость всей системы? Прочность цепи равняется самому слабому звену, — с логикой у её высочества было всё в порядке.

— Равнялось бы, будь «Периметр» сетью обычных компьютеров. Ещё на стадии разработки программисты задались вопросом, как защитить столь важный объект от возможных действий злоумышленников. Например, если центр подготовки программного обеспечения будет захвачен, или до одного из расположенных стационарно узлов доберётся диверсант противника. При этом алгоритмы всё равно нужно будет как-то обновлять… И — решение было найдено. Первое — изменить программный код действующего узла извне никак нельзя. Он

просто не примет его и уж тем более не исполнит. Второе — при введении нового узла в эксплуатацию, если на нём будет установлено более новое программное обеспечение, другие узлы могут самостоятельно его скачать и себе. Но только при одном условии — если при анализе ПО не будет нести «закладок», классифицируемых как вредоносные, и если код будет… более эффективным, чем существующий. В противном случае новый узел загрузит код от более старых узлов или будет уничтожен системой собственной безопасности «Юаньжоу».

— Звучит как фантастика, — хмыкнула собеседница.

— Реализация сложная, но ничего фантастического. Ту же эффективность легко рассчитать по времени принятия решения и числу задействованных для этого данных. Опять же, процессорные сборки оптимизированы под работу с аналитическими алгоритмами.

— Ну допустим… — Анна устало потёрла лоб ладонью. Загрузил человека совсем непрофильной для него информацией, заставил вникать… Да ещё и тогда, когда от совсем другого голова раскалывается. Но — что я могу сделать? На войне как на войне: после отдохнём… в любом случае. — Я правильно поняла, что для реализации твоего плана кроме всего прочего потребуется этот самый «более совершенный код»? Я, конечно, уже успела убедиться, что ты… не обычный подросток, но не переоцениваешь ли ты свои силы?

— Свои? — я демонстративно повернул голову, и Рюрикова перевела взгляд вслед за мной. Через некоторое время, после того, как принцесса покинула пространство за стойкой со своей чашкой кофе, туда зачем-то заглянула Ирис. Я изредка краем глаза наблюдал за ней: сначала «цветок» просто всё осматривала, не касаясь, потом стала открывать дверцы и заглядывать в шкафчики, а теперь…

— Чай, — прокомментировала андроид, выставляя классический китайский чайный стакан без ручки на стойку. Над посудой поднимался лёгкий парок. — Ты сказал, он нужен тебе немного позже. Вот.

— «Агата умная», — сама себе сказала наследница Императора, и ещё раз с силой потёрла лоб. — Убедил… убедили. В этом безумном мире самое безумное решение это то, что может сработать. Теперь говори, что конкретно надо по твоему мнению сделать, и я пойду утрясать… «технические сложности».

Интерлюдия

Кирилл Радищев.
4 июня 2016 года.

В жизни есть много вещей, вызывающих отвращение — капуста брокколи (какой гад умудрился завезти в Империю этот сорняк из Европы?!), вставать в пять утра, чтобы выйти на обязательную тренировку с наставником вне зависимости от дня недели, необходимость заучивать, а потом неукоснительно соблюдать «правила поведения благородного человека» на деловых встречах, куда с двенадцати лет стал брать единственного наследника мужского пола отец. В конце концов, жить под одной крышей с тремя (только вдумайтесь!) сёстрами — тот ещё непрекращающийся ад! Хорошо хоть Ирка умудрилась втюриться в этого несчастного и, после недавней свадьбы, переселилась к мужу — в доме стало вполовину меньше баночек для кремов, розовых рюшечек и разговоров «ой, девочки, что расскажу…». Но, пожалуй, ничего хуже летней школьной практики человечество так и не смогло придумать.

То, что это последнее в его жизни издевательство подобного рода — в выпускном классе «практики», разумеется, не будет — утешало Кирилла слабо. Сначала эту бы пережить. Пакость! Он ещё в прошлом году проклял всё, отчаянно завидуя решившим разорвать порочный круг и отправившимся поступать в военные училища парням. Их там, по крайней мере, учили делать что-то новое, а не заставляли выполнять «социально важную ответственную работу». Да, половину дня — потом валяйся на пляже (собственноручно убранном, между прочим — дополнительная мотивация). Да, устроенные по пещерам экскурсии были весьма интересными… Все две за две недели. Но столько времени — псу, извините, под хвост?! Да лучше бы он провёл всё это время с учителем в лаборатории или экспериментальном цеху!

Ему, урождённому Радищеву, нужно было готовиться однажды принять на свои плечи управление данным роду самим Императором делом, а не просиживать штаны… даже сказать стыдно — на месте помощника оператора дноуглубительного снаряда. И это ещё его своего рода наградили, как «особо сообразительного и разносторонне подготовленного» — какая ирония! Заставить молодого учёного — ну, может быть, уже почти учёного — делать что-то, с чем справится простейшая система автоматизации. Причём схему этой самой автоматизации молодой княжич был готов лично собрать и установить —

немного не его профиль, но всё же это было бы хоть что-то… Что-то более рациональное и интересное, чем часами пялиться на бесконечный мутный поток смешанного с водой песка и ила с редкими вкраплениями водорослей. Так нет же — «дело с душой делаться должно, никакая глупая железка тепла человеческих рук ни в жисть не заменит». Тьфу!

И не отвертеться никак. Будь ты хоть князь, хоть будда, хоть пророк — закон для всех один. Если тебе семнадцать лет и ты закончил десятый класс — будь любезен отдать месяц жизни на школьную практику. Иногда (на самом деле — каждый вечер) Кирилл прикидывал, что должно произойти, чтобы его и остальных освободили от этой дьявольской кабалы: падения метеорита, сравнимого с Тунгусским, будет достаточно или нет? Если что — он за метеорит! Или, вот, говорят, что из округа Казахстан эвакуировали как-то школьников — из-за степных пожаров. Впрочем, степные пожары на Волге не вариант: вот вода, сама течёт, вот самолёты МЧС и военный аэродром под боком. Потушат. Даже работы прекращать не будут — только дымом зря надышишься…

…Недаром кто-то умный сказал: «бойся своих желаний». Ранним утром четвёртого дня лета их, ничего не понимающих старшеклассников, точно так же ничего не понимающие учителя-сопровождающие чуть ли не пинками вытолкали из палаточного городка на пляж. Даже собраться толком не дали — «берите с собой документы и вещи первой необходимости, на всё десять минут.» Пока одноклассники вяло (полшестого утра!) гадали, куда их собираются так срочно везти, над необъятной речной гладью красиво зашёл на посадку самолет-амфибия. Парни заметно оживились — реактивный двухмоторный гидроплан был изящен, словно лебедь. Все, кроме Кирилла.

Эмблема МЧС на киле машины — вот что заставило парня напрячься. Сорвать с аэродрома в такой момент могли только дежурный борт, а для этого требовалась очень веская причина. И не степной пожар — что он может сделать живущим на острове? Может, эпидемия? Несмотря на тёплую ночь, княжичу стало зябко.

С пилотами пообщаться не удалось — гидроплан доставил подростков и сопровождающих до ближайшего крупного аэропорта под Астраханью, высадил пассажиров и немедленно взлетел. Сами пассажиры, впрочем, даже постоять на медленно нагревающемся под летним южным солнышком бетоне не успели — через десять минут они уже садились в другой самолёт, в этот раз пассажирский среднемагистральник одной из частных авиакомпаний. Удобные кресла, холодные напитки — это вам не

на «чрезвычайном» борту ютиться на откидных сидушках вдоль стенок фюзеляжа. Кроме того, наконец-то объявили конечную точку маршрута: летим домой, в Рудногорск. Большинству одноклассников этого хватило, чтобы откинуться на спинки кресел и продолжить столь грубо прерванный сон. Большинству, но не Кириллу.

* * *

Молодой Радищев парнем был внимательным. Не удивительно — ведь его этому специально учили. Тренировки адепта Второго Пути (глупо выбирать Первый Путь и работать над телом, когда для тебя главным инструментом по жизни всё время будут мозги, правда?) научили в том числе и просматривать собственные воспоминания, свежие и не очень, и подмечать увиденные, но не замеченные детали. А детали были такими: кроме их группы никто по взлётному полю не метался, да и изменения плотности движения авиатранспорта как-то не наблюдалось. Как-то не похоже на че-эс, даже локальную. Кроме того, если бы их эвакуировали от эпидемии, повезли бы не домой через половину страны, а в карантинный лагерь. Вывод? Вывозили только их, и причина была не в месте трудового отдыха. Значит — что-то случилось дома. Но что?

Кирилл примерно представлял себе стоимость срочной аренды пассажирского лайнера — отцу, разумеется, такая трата была не особо обременительна. Другое дело, что без особых причин вот так сорить деньгами Радищев-старший не стал бы: он и сам вполне спокойно летал рейсовыми самолётами (с малой свитой и охраной, разумеется) и ничуть не чувствовал себя ущемлённым этим обстоятельством. Это при том, что у него имелся и личный борт — для мероприятий, на которых без своих «крыльев» было не обойтись. Например, визит на приём к сюзерену или выездная сессия научной конференции… Факт, что отец не послал машину рода, а зафрахтовал свободный коммерческий лайнер, говорил только об одном: о дикой, просто невероятной спешке! Но и это ещё не всё.

Арендовать, пусть и очень срочно, пассажирский борт с пилотами — это крайне дорого, но не более того. Обычная коммерческая операция — мало ли, всякое в жизни бывает: вот понадобился самолёт прямо сейчас. Бывает. Но заставить чрезвычайщиков выделить дежурный самолёт для извоза свежеиспечённых одиннадцатиклассников — это было действо совсем, совсем другого уровня.

Согласно Конституции Великой Империи после упразднения сословных различий все подданные равны между собой. Можешь ты поставить перед фамилией титул или нет, выложить миллион-другой за красивую безделушку или зарабатываешь свой хлеб в поте лица — перед законом и государством все равны. Разумеется, в реальной жизни личные связи и состояние могут, скажем так, заметно облегчить достижение желаемых целей — чем с удовольствием пользуются некоторые не слишком щепетильные купцы. Но если торгашам желание добиться максимальной прибыли любой ценой ещё может быть отчасти простительно, то имперским князьям невместно забывать слова «честь» и «честность». Не просто так эти слова имеют один корень, не просто так на Руси закон издревле звался просто «Правда».

Именно потому, например, княжич безропотно, на общих основаниях проходил ненавистную практику — и это никого не удивляло. И если отец поступился своими принципами ради скорейшего возвращения сына и его одноклассников — должно было произойти что-то просто из ряда вон! Мысль о родных Кирилл почти сразу отбросил — случись что с его семьёй, вытащили бы только его одного. С другой стороны, в качестве причины столь поспешной эвакуации (будем называть вещи своими именами) в голову приходила только откровенно страшноватая идея о некоем происшествии в жилом квартале рядом с княжеской резиденцией — вроде взрыва бытового газа или аномально сильного пожара. Верить в такое не хотелось, потому младший Радищев весь полёт старательно изображал заинтересованное непонимание — точь-в-точь, как сверстники. И, как выяснилось, не зря.

Длинная и широкая взлётно-посадочная полоса Рудногорска с мощным диспетчерским пунктом запросто подошла бы городу раз эдак в десять больше. О том, что она предназначена для штатного приёма аэрокосмического истребителя даже в случае отказа части систем экспериментального летательного аппарата, знал ограниченный круг лиц, остальные просто радовались щедрости вложений в инфраструктуру родного края рода-владельца этих земель. И сейчас эта щедрость себя окупала. Тяжёлые и средние пассажирские борта заходили на посадку один за другим, выгружая на бетон детей и подростков разных возрастов — школьников, проходящих практику. Мысленно перемножившему сумму арендных трат на число самолётов княжичу слегка поплохело. «Может, война?» — подумалось Кириллу, но он тут же отмёл и это предположение: оповещение о внешней угрозе Родине было бы доведено Правительством и Императором сразу

до всех подданных. Но тогда что, чёрт возьми, происходит-то?!

Первое, что бросилось в глаза молодому Радищеву дома — это охрана резиденции. Причём парные посты в ключевых точках несли не обычные дружинники, а парни из спецотряда в полной штурмовой экипировке: в бронниках, шлемах-«сферах» и с автоматами в руках. Всё точно по чрезвычайному плану, разработанному службой безопасности княжеского рода — ни разу ранее не применявшемуся. Но, как оказалось, даже увиденное — просто цветочки на фоне происходящего в княжеских апартаментах.

Непосредственно Радищевы жили в одном из трёхэтажных каменных теремов — не таком уж и большом для шестерых жильцов и дежурной смены слуг, откровенно говоря. Почти бегом добравшись до родного дома — охрана просветила, что князь там, — Кирилл застыл, как вкопанный. Несмотря на все странности этого дня, княжич не ожидал встретить уже полгода как упорхнувшую из родительского гнезда старшую сестру. И как встретить! Бледная как смерть Ирина стояла на ногах только потому, что её поддерживали под руки двое бойцов, впрочем, она их и не замечала, огромными, заплаканными глазами глядя на отца. Девушку била крупная дрожь.

— …в гостевых апартаментах. Установить наблюдение, все средства связи отключить, — услышал распоряжения князя Радищева его сын. Глава рода помедлил, потом тяжело уронил: — Распоряжений и приказов не выполнять: она теперь «не Радищева, а Рукавишникова». И ещё. Когда отойдёт от шока, может попробовать сбежать: учили её не хуже остальных моих детей… К сожалению. В таком случае… Огонь на поражение. Сначала стрелять, потом докладывать. Выполнять.

Сказать, что Кирилл сам был в шоке от происходящего — значило ничего не сказать. Отец безумно любил старшенькую — её баловали больше остальных и вообще… позволяли многое. Одно разрешение на состоявшийся полгода назад брак с купцом (с купцом!) второй гильдии чего стоило. Конечно, совершеннолетний и самостоятельный человек сам решает, с кем ему создавать семью — Конституция гарантирует базовые права человека — но и внутренние родовые традиции забывать никто не спешил. Ирке же спускали всё — в определённых рамках, конечно, но эти рамки были много шире, чем у брата и сестёр. И тут… такое.

— Папа? — выдавил из себя наследник рода Радищевых.

— Хорошо, что ты уже здесь, Кир, — кивнул отец, глядя вслед дочери и её конвоирам.

— Что… Что случилось? — голос подвёл молодого княжича.

— Ничего такого, чего не следовало предвидеть, — с тщательно скрываемой болью в голосе отозвался князь. — Дура по первой же просьбе рассказала муженьку всё, что знала и вспомнила о наших гражданских и военных проектах. Причём Рукавишников не очень-то и настаивал — наоборот, открытым текстом намекнул идиотке, что с пониманием отнесётся к сохранению семейной тайны. Но нет — выложила всё. Ладно, знала мало и почти ничего не понимала, но и по описанию многое можно понять.

— Фёдор — шпион?! — удивление Кирилла было так велико, что вытеснило все остальные эмоции.

— Да какой там, обыкновенный бытовой предатель, — отмахнулся глава рода. — У дельцов, сам знаешь, все, кто крупнее коробейника — друг с другом повязаны. «Старший партнёр» спустил «просьбушку» — или выполняй, или теряй своё дело. Рукавишников, надо отдать ему должное, попытался и рыбку съесть и… гм, не нарушать чужих тайн. Но наша безмозглая «кровиночка» поломала ему всю игру. Она, видишь ли, «больше не Радищева». Знал бы заранее… Да что уж теперь.

— Папа, что происходит? — видя, что родитель не собирается продолжать, тихо спросил его наследник.

— Вчера, около одиннадцати вечера, южные жилые кварталы Рудногорска подверглись обстрелу крупнокалиберной артиллерией, — словно сводку зачитал Михаил Радищев. — Батарея из двух самоходныхстапятидесятидвухмиллиметровых орудий успела произвести в сумме восемь выстрелов, добившись пяти прямых попаданий по единицам городской застройки. На текущий момент подтверждено шестнадцать погибших и более пятидесяти раненых, из которых тридцать восемь — тяжёлые. Разбор завалов продолжается.

— Но… как? — неожиданная новость, вроде бы никак не связанная с предыдущим разговором, укладываться в голове у одиннадцатиклассника напрочь отказалась. — Наводчикам на учебных стрельбах выдали неверные координаты?

— Нет, это было вполне спланированное нападение. Возможно, под прикрытием обстрела должна была действовать группа диверсантов, но, по счастливой случайности, батарею почти сразу уничтожили, не дав нанести по-настоящему серьёзный урон нашей территории.

— Но… как такое вообще возможно? — Кирилл беспомощно похлопал глазами: сказанное отцом его просто раздавило. — Такого… Такого просто не может быть!

— Идёт спланированное выступление против Императора и его вассалов, — пояснил старший Радищев. — Ряд богатейших

купцов и часть военных предали страну и монарха и пытаются захватить власть. Фактически, сейчас идёт процесс военного переворота, и мы попали под удар, как только первый план атаки на нашего сюзерена был сорван.

Княжич что есть силы зажмурился и сжал кулаки — так ему было легче отсечь все посторонние раздражители. Услышанное его настолько ошеломило, что даже казалось бы намертво вбитые наставником рефлексы дали сбой. Правда, стоило только чуть-чуть прийти в себя — и наследник рода Радищевых немедленно вспомнил, что полагается делать. Сосредоточиться. Выкинуть из головы всё лишнее, всё, что мешает, сконцентрироваться на главном. Заблокировать эмоции — адепту Духа не пристало терять разум даже в самой скверной ситуации. А потом…

— Мы ведь должны что-то сделать… В ответ? — не размыкая век, уже совсем другим голосом спросил сын своего отца.

— Разумеется, — ответил князь. — Сделаем. И мы, и конкретно ты.

Рудногорск и окрестности. Карим Мамедов.

4 июня 2016 года.

— Господин Мамедов? — мужчина, чем-то неуловимо напоминающий официанта, постарался подойти к столику совершенно незаметно и беззвучно. У него даже почти получилось — негромкая спокойная музыка, играющая в ресторации, отлично маскировала посторонние шумы и при этом не давила на уши.

— Это я, — поднял взгляд военный. Впрочем, сомневаться в том, что его узнали заранее и вопросительная интонация — лишь своеобразная дань вежливости, не приходилось.

— Её Высочество Принцесса Анна приглашает Вас присоединиться к важному совещанию через час. Оно пройдёт в резиденции Князя, транспорт будет ожидать перед главным подъездом за двадцать минут, — слуга Радищевых почтительно склонился, передавая конверт из плотной дорогой бумаги с золочёным витиеватым тиснением «Приглашение».

— Я буду, — буркнул бывший командир Полигона, и посыльный ещё раз молча ему поклонился, делая одновременно шаг назад.

Карим в очередной раз почувствовал глухое раздражение — весь этот подчёркнуто-ненавязчивый сервис слишком разительно отличался от того, к чему он привык за многие годы службы в армии. Будь генерал штабным или, тем паче, министерским работником — может, и поднабрался бы «лоску», отираясь в столицах. Если верить некоторым слухам, работники упомянутых ведомств только так и жили, видя казарменный быт и офицерские

гостиницы только в ходе коротких смотров или участвуя в учениях.

Некоторые провинциальные идиоты в погонах отчаянно завидовали высоко взлетевшим коллегам и пытались у себя в расположении устроить нечто хотя бы отдалённо похожее, вплоть до найма гражданской прислуги — повидал Мамедов и таких. Получалось обычно жалко и смешно и вызывало желание плюнуть через губу. Здесь же всё вроде бы то же самое отнюдь не выглядело идиотской бутафорией — и уже сам генерал чувствовал себя лишним на этом празднике жизни. Дискомфорта добавлял и костюм. Сколько себя не убеждай, что одежда — это только одежда, и отсутствие погон является лишь необходимой, мать её, маскировкой — благодушия это отнюдь не прибавляло.

— Ха! — Светка, сидящая напротив отца, завладела конвертом сразу же, как только тот оказался в руках папаши. Дочь, в отличии от Карима, никто ночью беседами, больше похожими на допросы, не донимал — и теперь девушку переполняла бьющая через край энергия. — Смотри-ка, па, действительно приглашение. Они что, его от руки писали, что ли?! О, гляди, и пропуск приложили.

«Особый гость Князя» — прочёл на куске пластика со своей физиономией Карим. Фотография, кстати, была свежая — когда и как успели только? И даже отретушировали куда лучше, чем в каком-нибудь фотоателье.

— Меня с тобой не зовут, — ещё раз изучив приглашение, констатировала мелкая, возвращаясь к еде.

— Это же совещание, а не банкет или приём, — рассеянно ответил Мамедов, мысленно прокручивая в голове, зачем он мог понадобиться Рюриковой или князю Радищеву. Вариантов, мягко говоря, было немного — и ни один мужчине не нравился. С другой стороны, хорошо, что вообще зовут, а не поставили перед фактом: «ты свою работу сделал, мужик, а теперь вали-ка отсюда по-хорошему». Впрочем, по нынешнему времени разбрасываться генералами — откровенная глупость. А на Мамедова у местных ещё и прекрасный рычаг давления есть — вот, сидит напротив и жрёт как не в себя.

— Чем совещание хуже банкета? — героически проглотив всё, что успела запихнуть в рот, возразила «рычаг». — Я тоже могу что-нибудь умное сказать!

— Думаю, они этого и опасаются, — против воли улыбнулся Карим.

Посоветовать что-нибудь князю и принцессе? Легко! Что-то подобное любимая дочурка уже откалывала не раз, лет эдак с шести — совершенно не стесняясь влезать в случайно

подслушанные разговоры взрослых и громко высказывать своё «авторитетное» мнение. Правда, в шестнадцать эта привычка уже смотрелась немного не так мило, как десять лет назад и должна была бы носить название «дурное воспитание»… Хотя кого он пытается обмануть? Всё равно мило! А если кто скажет что-то поперёк, тому у Карима Мамедова тоже найдется что сказать. И не только сказать.

* * *

Отчасти застольным разговором объяснялось то, что в транспорт, оказавшийся опять автобусом, генерал садился в более-менее благодушном настроении, которое не смог испортить и классический костюм-тройка, притащенный в жилой блок обслугой апартаментов в его отсутствие и с намёком повешенный на самое видное место. Генерал ненавидел, когда что-то решали за него, но всё-таки его пригласила на разговор не кто-нибудь, а имперская наследная принцесса. Лучше было бы форму, конечно, надеть, но если подумать, то на плечах бежавшего с вверенного ему военного объекта генерала погоны тоже смотрелись бы… неоднозначно. Да, с захваченного врагом объекта, да, в условиях, когда предатели занимают посты его непосредственного руководства и понять, кто враг, а кто — нет, практически невозможно. Но всё равно.

— Предложат присоединиться — соглашайся, — едва поднявшись в салон, вместо «здравствуй» сказал Кариму Василь. Автобус, как только второй пассажир оказался внутри, сразу тронулся, почти беззвучно урча мотором.

— Как будто у меня есть выбор, — дёрнув уголком рта, отозвался Мамедов. — Это на тебя им нечем надавить. Но Присягу я не нарушу в любом случае.

— Я тоже давал присягу, — напомнил Долгин, — «служить и защищать». Вот только почему-то заговорщики тоже считают, что служат на благо Родине. Или что они и есть Родина. И на это многие поведутся… когда начнётся. А начнётся скоро.

— Что-то ещё узнал? — остатки благодушия стремительно покидали военнослужащего, уступая место привычной уже по последним дням мрачной решимости.

— Да. Оперативную сводку просмотрел, — кивнул спецследователь. — Два происшествия. Первое: вчера митрополит Новосибирский и Бердский Тихон обратился в полицию родного города с заявлением об угрозах и попытке давления. Неизвестные связались с ним по телефону потребовав покинуть резиденцию и

далее выполнять поступающие инструкции. В качестве аргумента оставили на стене личной кельи архиерея надпись красной краской, пока тот был на богослужении. Как неизвестные проникли в обитель, никто не видел…

— Равновесники?

— Похоже на то. В городском монастырском подворье, где располагается резиденция митрополита, как минимум десяток продвинутых адептов Второго Пути. Но они все в духовных чинах и были на литургии вместе с владыкой. Тем более, если проникнувший не замышлял никакой угрозы, его появление могли и не почувствовать… Но это не всё. Полиция по горячим следам вышла на организаторов — они особо и не прятались, даже не озаботились избавиться от телефонов, с которых звонили с угрозами. Оперативники окружили частный дом, где скрывались злоумышленники… и никого не смогли взять.

— С их фокусами это не сложно…

— Нет, ты не понял, — перебил генерала казак, — противники отбились. У них было тяжёлое оружие вплоть до пулемётов, броня, шлемы и гранаты. Трёх полицейских убили на месте, ещё двое скончались по пути в больницу. Два десятка раненых — все, кто участвовал в захвате. Бандиты не просто спокойно покинули здание — хорошо, не стали добивать раненых — они доехали до подворья, постучали в ворота и попросили передать Тихону, чтобы он «соглашался, пока можно по-хорошему». После чего спокойно скрылись. Полицейский спецназ, поднятый по тревоге, организовал преследование — но безуспешно.

— Там сейчас «весело», я полагаю, особенно жителям, — скривился Карим и честно признался: — Новосибирск… Нет, не получается. Вообще не могу представить такое ни в одном нашем городе. Да что там: даже у «соседей», в Пакистане и Индии, такой беспредел — изрядная редкость.

— От жителей подробности происшествия пока скрыли: частный дом, где была попытка задержания, располагается в отдалении от других, почти хутор, а мрази в городе оружием не светили и не стреляли… Пока.

— Чего они пытались добиться, так и не поняли?

— Нет. Местные власти, как ты понимаешь, сейчас на ушах стоят. И запросили помощь военных… Дальше объяснять?

Мамедов словно вживую увидел патрули колдунов в камуфляже без знаков различия на новеньких военных багги, неторопливо и нагло занимающие каждый крупный перекресток.

— У кого из вассальных родов там владения? — вопросом на вопрос ответил генерал, хотя на язык ему просились совсем иные

слова.

— Да у всех, в каком-то смысле, наверное, — пожал плечами полицейский, и в ответ на недоверчивый взгляд пояснил: — После Пекина и Петрограда это крупнейший научный центр Империи. Выводы делай сам.

— Второе происшествие, — проигнорировав короткую матерную тираду собеседника, продолжил Василь. — Опергруппа из соседнего отдела накрыла в Питере новый наркопритон «Ищущих путь»… Название, я так понимаю, тебе ничего не говорит? Это одни из тех уродов, что производят и поставляют как бы нелегальные стимуляторы для адептов Первого и Второго Пути. И ведь регулярно находятся идиоты, верящие, что с помощью таблеток и уколов можно добится за месяцы того же, на что остальные тратят половину жизни!

Долгин разжал кулаки, вдохнул-выдохнул, и продолжил:

— Извини, для меня это… до сих пор слишком личное. Так вот, притон. Обычно каждая облава не обходится без поножовищины и стрельбы: обдолбыши под дурью воображают себя не то Мастерами, не то вообще чёрт знает кем. Однако, в этот раз всё прошло мирно — может, оттого, что было много явных новичков. И вот, когда потенциально буйных уложили рожей в грязь, а остальных согнали в кучу перед погрузкой в автозаки, у одного из «свежих» клиентов словно планку сорвало. Начал орать, причём так, как будто запись включили: ни раскачки, ни попытки перепалки, никакой другой активности — только слова. «Безвольные куклы из Правительства предали вас, марионетка на троне тщится вернуть отданное вам его предками» — и так далее, неожиданно связно, хотя по смыслу бредово.

Генерал вздрогнул и зябко повёл плечами. Вот такое он представить себе мог — лично слышал. При помощи вот таких вот нехитрых речёвок муллы ближневосточных «станов» легко управляли толпами боевиков — и орали при этом так, что снайперской паре в километре от цели было прекрасно слышно каждое слово. Сам Мамедов по воззрениям скорее причислял себя к атеистам — ничего необычного для потомственного адепта-Воина. Но даже его каждый раз коробило от такого надругательства над верой предков — и над Верой вообще.

Деятелей религии своей родной страны военный искренне уважал. Конечно, в истории Великой Империи, как и любой другой страны, случалось всякое — и расколы были, и сектанты объявлялись. Первые два века у созданного Иваном V Синода была масса работы, включая такую, когда требовалось привлекать регулярную армию. Зато вот уже четыре века никто не пытался посягнуть на главный постулат, отделяющий истинную Церковь

любой конфессии от мерзкой ереси: религия и её служители должны нести свет и очищать души людей, а не топить всё глубже в чёрной злобе и мракобесии! Для подданного Великой Империи это была аксиома, нечто само собой разумеющееся и понятное каждому, не требующее доказательств и разъяснений. Потому рука тогда ещё капитана Мамедова, выжимающая длинный тугой спуск высокоточной винтовки, ни разу не дрогнула. И вот теперь какие-то гниды пытаются притащить на родную землю ту гниль, с которой он столько времени боролся? Стоп. А попытка запугать митрополита — только ли предлог для введения военных патрулей? Православный архиерей в городе, больше чем наполовину заселённом христианами — это очень удобный рупор. Гарантированный способ донести свои слова до всего населения разом — не только в Новосибирске, но и в области. А если средства массовой информации привлечь — то и по всей стране!

В этот раз своё компетентное мнение генерал высказывал значительно дольше, громче и затейливее. Щедро мешая русский и арабский мат, через слово поминая шайтана и заставив водителя пару раз обернуться с восхищённым выражением лица. А вот Долгин, в отличие от человека Радищева, информацию, поданную в такой своеобразной форме, уловил в полном объёме. И помрачнел ещё сильнее.

— Если твоя догадка верна, то времени у нас ещё меньше. Я, со своей стороны, попытаюсь донести твою точку зрения до нужных ушей, но ты тоже постарайся… отработать с полной самоотдачей.

— За несколько дней из ополчения нормальную армию не сколотить, — невольно поморщился Мамедов. — Даже если большая часть отслуживших не растеряла вбитые на срочке навыки после гражданки, без кадровых офицеров эффективность и управляемость будут так себе. Я хороший солдат, но превратить рудногорских «пиджаков» в комсостав военного времени за неделю и десятку мастеров Духа не по силам. Это если Радищев совершит чудо и оперативно достанет нужное количество армейского оружия и обмундирования.

— Про мастеров — спорное утверждение, — качнул головой казак. — Видел я кое-что… Как-нибудь расскажу, когда всё закончится. Но, Карим, ты правда считаешь, что тебя, кадрового генерала, поставят гонять сводный полк рудногорцев? Уверяю, Радищевы найдут для этого дела какого-нибудь майора. Ты гораздо более ценная… боевая единица.

— Василь, ты что-то знаешь? — напрягся (хотя, казалось бы — куда больше-то?) бывший командир Полигона.

— Скорее, смог переключить мозги на мышление, как ты выразился, «военного времени». Думаю, у Анны это тоже получилось — в конце концов, её специально учили. И тебе советую сделать то же самое как можно скорее. В конце концов, ты здесь и сейчас один из немногих, у кого нужный опыт действительно есть.

* * *

Кто хоть раз видел пункт постоянной дислокации военной части (обычно в разговоре говорят просто «часть» или «часть такая-то») — узнает другие. ППД всегда и везде одинаковы. Особенно в этом плане выделяются ворота: иногда возникает впечатление, что их делают на одном на всю страну стратегическом заводе, а потом заботливо завозят во все уголки необъятной Родины. От пунктов раннего обнаружения, вмёрзших в вечные льды островов архипелага Земли Франца-Иосифа, и до затерянных в песках пустыни Каракум погранзастав, от передовых аэродромов русской Восточной Европы и до баз «Чёрных Беретов» на Окинаве вы увидите их — выкрашенные порой совершенно неуместной на фоне ландшафта зелёной краской створки с фигурными гербовыми щитами. На щитах — двуглавый золотой орёл, извивающийся кольцами красный ханьский дракон и три венца над их головами. Освящённый веками символ величия и могущества династии Рюриковых-Хэ Мин, а вместе с ней — и всей Великой Империи. В свете последних событий — знак особенно символичный…

Военный внедорожник со снятым, по летнему времени, брезентовым верхом затормозил перед преградой, и периодически взрыкивающий двигателем БТР встал за ним. Разумеется, ворота даже не шелохнулись — обычно от передовой машины к КПП должен был метнуться вестовой с документами… Ага, сейчас. Требовательно загудел клаксон, а Карим картинно нахмурился и немного привстал — он как раз сидел на переднем сидении рядом с водителем. Через минуту гудков бывший командир одной из самых больших военных баз в Монголии начал сердиться совсем уже непритворно: привычное окружение мигом пробудило наработанные за долгие годы рефлексы. Мамедов даже успел мысленно прикинуть, что сделает с разленившимися идиотами на постах — и нет, выговором и нарядами они не отделаются! — когда у дежурного офицера наконец хватило ума повернуть камеру наблюдения, установленную на столбе рядом с въездом. И разглядеть

мерцающие золотом погоны на госте.

Реакция последовала незамедлительно — плотно закрытые створки стали распахиваться, судорожно подёргиваясь. Пусть ситуация и не располагала, генерал злорадно улыбнулся: здесь вам не тут, засранцы! Небось забыли, когда в последний раз видели кого-то старше полкана в расположении? Так он напомнит, напомнит. В том числе и устав, запрещающий открывать проезд перед первым встречным, как бы тот не выглядел. Хоть сам Император верхом на министре Обороны прибудет — вышли патруль проверить документы, удостоверься, что собирающиеся попасть внутрь периметра те, за кого себя выдают. И имеют соответствующие полномочия пребывать на вверенной территории. И только если всё в порядке — пропускай.

Последняя мысль заставила военного невольно скривиться. Бежать с Полигона ему пришлось «в чём был» — обстановка совсем не располагала к сбору багажа. Даже полевую форму, в которую во время захвата был одет генерал-майор, пришлось бросить ещё во время движения по железной дороге, заменив ради конспирации и банальной гигиены чистой и целой. И без знаков различия. Дальше и вовсе пришлось переодеться в гражданское. Из документов генерал и вовсе мог предъявить разве что виртуозное знание матерного разговорного: для тех, кто ходил «за ленточку», наличие на теле татуировок исключалось. Одна, хоть самая маленькая «особая примета» запросто могла свести раненого и взятого в плен бойца в могилу — после долгих и изобретательных пыток, разумеется.

Тем не менее, сейчас на мужчине красовалась идеально подогнанная по фигуре «повседневка» — причём с наградной планкой. Ну ладно, допустим, Анна хорошо успела изучить своего попутчика и знала, что тот не откажется от содействия. А вот «выданный» ему Михаилом Радищевым военный билет оказался, мягко говоря, сюрпризом. Со всеми положенными записями (разными почерками и чернилами, разумеется), печатями, слегка потёртый, и номер совпадал с тем, оставшимся в комнате в Монголии. Сколько Карим ни пытался отличить документ от настоящего — ничего не выходило. Даже если положить рядом новый и старый билеты, постороннему человеку было бы невозможно сказать, какой честно пролежал по карманам и тумбочкам генерала последние пятнадцать лет, а какой менее чем за сутки изготовили в мастерских князя Радищева.

Однако, как выяснилось, билетом и формой дело не ограничилось. Когда Карим спрятал документ во внутренний карман, на стол легла наградная сабля. Сабля, очень похожая на ту, что принял из рук личного посланника Императора майор

Мамедов, пожалованную Верховным Главнокомандующим лично, в дополнение к ордену Мужества II степени и внеочередному званию. Редкая, высокая честь, достающаяся отнюдь не каждому орденоносцу. Разумеется, все знали, что Юрий лишь подписывает наградные листы — а отслеживает представленных к награде и выбирает среди них наиболее достойных специальная комиссия при канцелярии Его Величества. Все знали… Но, увидев реплику награды, генерал против воли начал наливаться дурной кровью. Всему есть предел!

Осадил адепта Первого Пути, уже открывшего рот и набравшего побольше воздуха, дабы объяснить, что он думает про некоторых здесь присутствующих, холодный голос принцессы. Та буквально в двух предложениях напомнила, что тоже является членом августейшей фамилии и имеет право награды. Ну а второй орден к новой сабле генерал Мамедов безусловно заработал, доблестно прорвавшись лишь с одним товарищем через ряды врага, нанеся попутно неприятелю урон, доставив ценные разведданные ей, Анне, и поучаствовав в спасении Её Высочества от инсургентов. Ещё добрых полчаса после окончания разговора Карим чувствовал себя так, словно его по щекам отхлестали, причём за дело. Что ж, если в глубине души у гордого потомка горцев ещё оставались сомнения, за тем ли лидером ему по воле судьбы пришлось идти, то теперь они окончательно пропали…

— Где полковник Кабанов? — одним властным жестом заткнув подбежавшего лейтенанта сходу начал давить на местных Мамедов.

— В здании шта…

— Садись и показывай, — даже не пытаясь выслушать младшего офицера, указал на свободное заднее сидение рядом со своим адъютантом генерал.

— Туда, — указал рукой невольно совершивший ещё одно нарушение Устава уже и так «залетевший» дежурный. Машина высокого чина тронулась, а за ней двинулся и не подумавший оставаться на месте бронетранспортер.

— Жди здесь, — бросил напоследок золотопогонник, величаво выбираясь из машины (рессоры ощутимо качнулись) и вбивая последний гвоздь в крышку гроба «попавшего» лейта. Пост теперь не сдать, а значит, даже если залётный генерал через пару часов просто уберётся туда, откуда взялся — отметки в журнале всё равно уже будет не изменить. Впрочем, эта мысль волновала дежурного ровно до того момента, пока из десантного люка «коробки» на асфальт плаца не стали спрыгивать вооружённые бойцы в полной боевой, включая усиленные бронежилеты и

тяжёлые шлемы-сферы. Спрыгивать и чётко рассредотачиваться перед фасадом штабного корпуса. Окончательно побелеть неудачливого лейтенанта заставила башенка бронемашины, изящно развернувшая хоботок пулемёта в сторону штабных окон.

Дежурный по штабу, хоть он и не видел со своего места слаженных действий бойцов спецотряда дружины Радищева, выступающих «инкогнито» в роли свиты Мамедова, даже не стал пытаться задержать генерала с единственным адъютантом. Лишь вскочил, вытянувшись как по струнке и приложив руку к фуражке.

— Вольно, — вернув приветствие, скомандовал Карим. — Скажи-ка мне, братец, где мне найти полкана?

— Второй этаж, левое крыло, комната двести два. У него совещание…

— Пожалуй, предупреждать не надо, — покосившись на красный пластмассовый телефон со шнуром и диском, попросил Мамедов. И, поколебавшись мгновение, спросил: — Как сейчас… там?

Узнать отслужившего близ «горячей точки» опалённому тем же пламенем никогда не составляло труда. Даже не адепты-воины после нескольких месяцев «за тонкой красной линией» начинали двигаться и смотреть на людей по-другому. Да и пусть гораздо более скупая, чем у Карима, орденская планка могла многое рассказать.

— Стреляют, — улыбнулся и скривился одновременно капитан, получивший на как бы несуществующей войне следующее звание и тяжёлое ранение обеих ног. Офицера вытащили и вылечили, реабилитировали, заново научив ходить, даже вернули в строй — но уже подальше от мест, где на любое неосторожное движение сначала бьют на поражение, и только потом разбираются, кого принесла нелёгкая.

— Много здесь наших? — секунду подумав, поинтересовался генерал.

— Я тут один, у соседей в танковой — ещё двое и один у вертолётчиков, — опять с полуслова понял старшего товарища офицер.

«Чудесно», — подумал Карим, покосившись на своего сопровождающего. Тоже человека Радищева — другого адъютанта взять было неоткуда. Раньше. — Вот что, дождись-ка меня, братец. А то у меня тут разговор с вашим набольшим… сложный. Для него.

* * *

В комнате тактического планирования господа старшие офицеры отдельно взятой воинской части действительно совещались — по крайней мере, тарелок с закуской и характерных бутылок под спиртное видно не было, да и чуткий нос генерала ничего такого в помещении не засёк. Уже хорошо, а то некоторые дослужились до того, что стали путать офицерский клуб и штаб…

— Кабанова ко мне, — ровным голосом приказал Мамедов, заставив собравшихся вместе и вроде бы опытных командиров вздрогнуть. — Остальным ждать тут.

И, не оглядываясь, кинул адъютанту:

— Проследи, чтобы не разбежались и никуда не звонили, пока мы не закончим.

Карим не повышал голос и уж тем паче не хватался за оружие — но старшие офицеры части как один побелели лицами, а упомянутый полковник Кабанов чуть ли не строевым шагом подошёл к генералу. «Знают, выходит, за собой залёт, сволочи. Интересно, сами догадались, или подсказал кто?»

— За мной, — вывел в коридор не чувствующего собственных ног полковника. — Веди в твой кабинет.

Когда тяжёлая дверь за их спинами закрылась, Мамедов без колебания проследовал к рабочему столу наччасти и уселся на его стул. Вот тут, кстати, пахло вполне определённо — от сейфа тянуло и копчёностями, и коньяком двадцатилетней выдержки. «Дер-рЁвня.»

— Ну, докладывай, полковник, — тяжело облокотившись на столешницу, разрешил генерал-майор.

— О ч-чём?

— О том, почему я не должен вывести тебя, идиота, взять за шкирняк и оттащить в трибунал, идиот! — немедленно взорвался собеседник.

— Н-но у меня был приказ… — практически проблеял офицер. Как и предполагал Мамедов, несмотря на то, что бойцы спецназа радищевской дружины ещё до утра переловили всех выживших участников инцидента на дороге к Рудногорску, какая-то информация до «владельца» самоходных «Гиацинтов» всё-таки дошла.

— Вот и давай, обо всём последовательно и подробно. Я что, самостоятельно тебя должен от «вышки» спасать?!

* * *

В «тактическую» генерал в сопровождении полковника зашёл

одновременно со смешанным конвоем из двух княжеских и двух местных бойцов. Не говоря ни слова, радищевцы заломали руки одному из присутствующих майоров и под молчаливыми взглядами остальных уволокли за собой.

— Господа офицеры, — напрочь проигнорировав происходящее, обратился к оставшимся Мамедов, — мы с полковником Кабановым достигли взаимопонимания. Сейчас вы сформируете мобильную группу из пяти бронемашин пехоты, машины связи и топливозаправщика с полным обеспечением и боекомплектом. Группе придадите соответствующее число бойцов. Также мне нужны люди согласно переданному вашему командиру списку. Обеспечьте всё должное — и сможете ознакомится с документами, переданными мною полковнику, думаю, он с удовольствием поделится содержанием нашей беседы. Любые приказы, исходящие от кого-то, кроме меня, игнорировать. После ознакомления с документами поймёте, почему. И да, считайте часть переведённой на военное положение. Вопросы?

— Господин генерал, — самый молодой из штабных офицеров оказался и самым храбрым… Или знал меньше других. — Что… Что происходит?

— Попытка государственного переворота, вот что, — переводя взгляд с одного военного на другого, внимательно вглядываясь в глаза, ответил Мамедов. — И наша задача — исполнить данную в присяге клятву и защитить Родину. Ещё вопросы? Тогда — шевелитесь. Мне за сегодня нужно успеть попасть на пункт спецсвязи, в расположение танковой части и к вертолётчикам, и задержки — неприемлемы. Давайте, давайте, чего застыли? Начинайте работать — каждый час на счету!

Выходя из здания, задумавшийся генерал-майор машинально отпальцевал знак из «немого» языка разведчиков так и оставшемуся на месте дежурного капитану — «следуй за мной». За его спиной хлопали двери, тут и там звучали перемежавшиеся с матом приказы, кто-то насиловал телефон, пытаясь докричаться до техчасти. Но Карима исполнение только что отданных приказаний заботило сейчас в последнюю очередь — сделают всё, никуда не денутся. Ежа против шерсти родят, но выполнят в срок. Собственно, разборки на других объектах его тоже мало волновали — может, будет чуть сложнее, но наверняка даже до стрельбы не дойдёт. Сегодня — точно, и завтра — скорее всего. Просто потому, что взяться за оружие никто не готов. Как он сам был не готов стрелять на поражение ради достижения стратегической цели — даже пленение не помогло. Одно дело убивать явных врагов, тебя связавших, или, скажем, чужаков, в

очередной раз решивших поджечь государственную границу. И совсем другое дело — выступить против своих, пусть и подчиняющихся приказам высокопоставленных уродов. И отправлять под пули своих других своих, подчиняющихся тебе.

Но… есть проблемы, решать которые можно только малой кровью, а есть — которые надо решать любой ценой. Утренний разговор с Василем помог сделать выбор, а недолгое собеседование с принцессой — окончательно настроить мышление на категории военного времени. Противники перешли черту между стремящимися к не принадлежащей им власти беспринципными политическими заговорщиками и заразой. Смертельной болезнью, излечить которую можно было только одним способом: выжечь дотла. Сражаться до победного конца, невзирая на потери — чтобы не потерять всё. А сражаться генерал умел хорошо. Командовать похуже — иначе бы не проворонил проблемы среди подчинённых на Полигоне — но тоже умел.

Оттого Карим и не сомневался, что получившие свою порцию накачки тыловики из кожи вон вылезут, но справятся — ведь за распоряжениями стояла не безликая бумажка из штаба, а вполне реальный командир, взявший на себя полноту ответственности и полноту власти. Ну а весомости каждому приказу Мамедова придавали не только погоны и наследница престола, стоящая за ним, но и собранные Соломиным и Долгиным доказательства предательства верхушки генералитета. Доказательства, количество которых с каждым часом только росло — потому что предатели тоже продолжали действовать. Несколько суток — и за спиной генерала и принцессы Анны будет стоять сила. Вполне реальная небольшая армия, ничуть не уступающая той, что обманом и предательством успеет собрать себе «партия мира». Ну а дальше… Армии ведь набирают не для того, чтобы на них любоваться, верно? Из сказанного до того, как он покинул совещание, генерал-майор понял, что шанс решить дело противостоянием на ином уровне, чем прямое военное столкновение, ещё оставался. Вот только князь Радищев, да и сама Анна в такой исход, похоже, не очень верили…

Рудногорск. Долгин Василь.

4 июня 2016 года.

Любой любитель шанхайских боевиков, увидев стол, заваленный распечатками неких планов и схем, и склонившихся над ними мужчин и женщин, немедленно сделает стойку — куда там охотничьей собаке. Конечно, ведь именно так, по мнению режиссёров и сценаристов, выглядят хитроумные плохиши-грабители банков или, наоборот, продвинутые профессионалы из «хороших» — специальные агенты и разведчики! Сколько вполне

себе мирных водопроводчиков, электриков и ассенизаторов пострадало, когда их импровизированная планёрка попадалась на глаза преданным фанатам киноискусства — точно неизвестно. Любой полицейский с ходу сможет рассказать про добрую дюжину подобных вызовов — и среди популярных баек, повторяемых каждым на свой лад, будет пара-тройка вполне реальных историй. Даже сам Долгин в начале карьеры следователя однажды отметился трёхдневной слежкой за подозрительными типами с оптическими приборами, настойчиво крутящимися возле зданий военно-морского ведомства и флотского Арсенала. В итоге «типы» оказались студентами с Геологического, завалившими топографию и пытающимися пересдать зачёт…

А ещё никому из фанатов жанра почему-то не приходит в голову, что рассматривать «простыню» чертежа формата «А-ноль», полную мелких деталей, значительно проще, если она висит на стене в хорошо освещённом помещении. Так, по крайней мере, не придётся ложиться животом на стол, чтобы разглядеть подробности в центре листа. А ещё удобнее перенести чертёж на прозрачную плёнку и вывести на большой настенный экран через проектор-фотоувеличитель — тогда не придётся выискивать подробности с лупой. Ну а потыкать в интересующее место при обсуждении в последнем случае можно и при помощи световой указки[28].

Василь отложил указку и покачал головой. Потёр пальцами виски. Вздохнул. Вроде никакого сходства у него с популярным киногероем нет. Да и сам Василь, откровенно говоря, совершенно точно не любитель постановочного мордобоя и дурных приключений. Почему же тогда он себя чувствует, словно один из персонажей дурацкого боевика? Хмм. Может, потому, что предложенный принцессой Анной и князем Радищевым план попахивает… Пахнет… Нет, воняет дешёвой, идиотской авантюрой?!

— Так, я на всякий случай повторю, что понял, а вы меня поправите, ладно? — наконец составил приличные слова в осмысленное предложение спецполицейский. Дождался разрешающего кивка от шестой наследницы престола, и столь же вежливо продолжил:

— Мы, то есть я, Соломин и вы, Ваше Высочество, примерно через три-четыре часа должны сесть на один из отбывающих из Рудногорска самолётов и вылететь на нём в Петроград. Втроём.

— Вчетвером, — невозмутимо поправила Рюрикова. — Будет ещё… приданный специалист от князя. И не прямо в Петроград, сделаем пересадку или две.

— Вчетвером, — повторил Долгин. — Прибыв на место, мы должны будем… эээ, организовать диверсию, которая приведёт к отключению части систем безопасности на военном объекте, внутри периметра которого находится вычислительный центр рода Надыровых.

— Пока всё правильно, — ободряюще кивнул казаку Радищев.

— За время устранения дыры в системе безопасности, человек Надыровых осуществит передачу данных, хранящихся в вычислительном центре и критически необходимых для нашей скорейшей победы. Мы же вчетвером, выполнив задуманное, сразу же вернёмся в аэропорт и покинем Северную Столицу. Успех. Задание выполнено.

— Чрезвычайно точный пересказ плана, — похвалил рассказчика князь.

Долгину нестерпимо захотелось приложится лбом о толстую столешницу из цельного массива морёного дуба, но он сдержался. Пока сдержался.

— У меня есть несколько небольших вопросов, если можно? — всё тем же спокойным и уважительным тоном произнёс следователь, вот только голос в конце предательски дрогнул.

— Конечно, задавайте, — хозяин помещения сделал вид, что ничего не заметил. Анна молчала.

— Спасибо. Итак, вопрос первый: важно ли участие нашего непосредственного лидера, того, вокруг которого объединятся защитники Великой Империи, в… акции? Наверняка сопряжённой с определённым риском для жизни и другими не самыми приятными вещами. Например, при диверсиях часто гибнут посторонние, совершенно невинные люди. Подготовленный специалист…

— Не сможет использовать «Сферу», — не дослушав Василя, устало перебила дочь Императора, разом перестав удерживать на лице благожелательную маску. — Так уж получилось, что у нас нет лояльного мага нужного уровня… Вообще нет другого мага, кроме меня. «Сфера» позволяет обманывать любые, подчёркиваю, любые существующие сейчас оптические системы. От камер и инфракрасных сенсоров и до глаз любых живых существ. У заклинания есть некоторые… ограничения, нарушение которых может привести к демаскировке и обнаружению скрытых за искажением Реальности людей и объектов. Но, если учесть слабые места при использовании, то «сфера» становится непобиваемым козырем. Одним из немногих нам сейчас доступных. И не использовать это преимущество для нашей победы просто преступно!

Анна замолчала, нашла глазами глаза Василя и, не разрывая

зрительный контакт, призналась:

— Я тоже с удовольствием осталась бы среди действительно преданных мне людей в безопасном Рудногорске. Уверяю, полусуток «приключений», когда меня гоняли по всему Ундерхаану, словно затравленную дичь, перебили большую часть по-настоящему близких мне людей из малой свиты и лишь из-за нелепой случайности не убили меня саму — на всю жизнь хватило. Но вот некому заменить мага, «могущего в невидимость», хоть тресни. Или сапёр пойдёт со мной вдвоём под прикрытием заклинания и спокойно заложит заряды, или нужна будет войсковая операция с захватом охраняемой территории практически в центре Петрограда. Мне нужно говорить, сколько в таком случае погибнет людей с каждой стороны — это не считая посторонних? Ну и ещё «маленький» нюанс: как думаешь, кого скорее послушает князь Надыров — человека от принцессы, или саму принцессу, которую знает в лицо?

— Доводы неоспоримые, — под требовательным взглядом Рюриковой, вынужден был признать полицейский, — но есть ещё один момент. Я понимаю, почему для акции выбрали меня — я знаю Питер и имею нужные связи. Соломин тоже нужен — у него есть выходы на местных агентов Лазурного Дворца. Подрывник — тоже понятно, как и участие Вашего Высочества. Но… Почему не взять на такую важную операцию хотя бы небольшую группу поддержки? Несколько человек с нужными навыками и оружием никогда не бывают лишними…

— Секретность, — просто ответила Анна. — Лишние люди — больше внимания. Северная Столица — большой город, но и глаз у наших врагов там намного больше. Кроме того, не в обиду хозяину этих земель будет сказано, но чем больше народа будет посвящено в проводимую операцию — тем больше риск утечки информации. О, не перед проведением — хотя такого тоже нельзя исключать — после. Желательно, чтобы противник вообще не догадался, кто будет стоять за взрывами и отказом системы локальной электронной блокады, но хватит и недели-полутора. Потом… Потом знание авторства диверсии в любом случае не сможет ни на что влиять. Всем сторонам будет не до того.

Долгин не зря получал свою зарплату в Центральном Полицейском Управлении — сложить два и два он смог без проблем. Вычислительный центр под контролем военных, причём принадлежащий ещё одному вассальному роду, и названный срок. Дураком надо быть, чтобы не догадаться — или страдать провалами в памяти.

— «Юаньжоу», — уверенно произнёс Василь. — Значит, всё-таки есть возможность перехватить контроль.

— В теории, — переглянувшись с дочерью сюзерена, дипломатично пояснил Радищев. — Никаких гарантий.

— Но и не попробовать реализовать пусть даже призрачный шанс нельзя.

Бывшему бойцу спецназа действительно стало всё понятно. И уровень секретности, и предельно узкий круг вовлечённых лиц. Система безопасности вокруг одного из главных гарантов внешнеполитической стабильности Великой Империи была создана на славу — так, чтобы полного контроля не могла добится в одиночку ни одна из политических сил. Иначе бы Император давно получил бы в руки новый пульт от системы «мёртвой руки» — ну или заговорщики. Но, видимо, это было в принципе невозможным. Точнее, считалось таковым. Пока не нашёлся один молодой талантливый программист, которому закон оказался не писан.

«И ведь что-то удалось раскопать сопляку,» — с некоторым даже восхищением подумал казак. — «Что-то достаточно весомое, что не смогли проигнорировать ни Рюрикова, ни Радищев. Что-то, что проглядели десятки экспертов и сотни проверяющих и от Юрия, и от военных. А по виду и не скажешь, что за внешностью обычного, далеко не самого выдающегося школьника скрывается чуть ли не гений. И где, спрашивается, и, самое главное, как беку Абишеву удалось раскопать такой самородок? Раскопать, оценить уровень, обучить и приставить к делу — ведь не просто же так он засунул тогда ещё совсем мальчишку в свой мутный секретный проект с людьми-роботами и чересчур самостоятельными говорящими беспилотными вертолётами. Впрочем, кому-кому, а вот ему, Долгину, вообще грех жаловаться на „мутность“ технических решений „Каменного Цветка“ — как ни крути, а именно самостоятельность Агаты спасла жизнь ему и Мамедову. Хм… Неужели такой прогресс в работе обычных, пусть и мощных компьютеров — тоже заслуга всё того же Далеева?»

— Если о потенциальной уязвимости «Юаньжоу» станет известно — «партия мира»… задёргается… — задумчиво, ни к кому конкретно не обращаясь, подытожил Долгин. — И попытается всеми силами воспрепятствовать воспользоваться этой уязвимостью кому-нибудь другому. Слишком пугающая эта дубинка — ядерное оружие.

— Все «спящие» агенты противника будут подняты и направлены на истребление всех членов Императорской Семьи и вообще всех верных Юрию людей, не считаясь с потерями. Все доступные для управления войска будут брошены в бой немедленно и без особого плана, — в тон собеседнику откликнулась Рюрикова. — Если сейчас «партию мира» держит в

определённых рамках здравый смысл, то в случае такой угрозы с них слетят последние тормоза. Ради убийства одного человека требуется взорвать химзавод, чтобы отравить водохранилище, питающее город, где тот живет? Да без вопросов — они это сделают.

— А сама диверсия, даже если мы не оставим следов исполнителя, разве не укажет на наши намерения? Принцип «ищи кому выгодно» никто не отменял, — осторожно уточнил Василь. — Всё равно, что расписку оставить.

— О, тут всё учтено, — неожиданно неприятно улыбнулся Радищев. — Видимая цель диверсии будет другой. Более того, этой акцией мы ещё и ежа в штаны предателям подкинем. Пусть отвлекутся на разборки внутри своих «стройных рядов».

* * *

Аэровокзал Рудногорска производил странное впечатление. Комплекс из нескольких относительно небольших павильонов, состоящих в основном из стеклянных панелей, смотрелся современно и стильно… Вот только огромной взлётно-посадочной полосе он был банально мал. Сквозь прозрачную стену Долгин насчитал аж одиннадцать бортов разного тоннажа на стояночных местах, причём девять из них одновременно обслуживали многочисленные техники и инженеры в жёлтых жилетках. Рядом с таким аэродромом не стыдно было бы красоваться и петроградскому терминалу — четырёхэтажному монстру с шестисотметровым фасадом. Вот только не было во всех владениях Радищевых столько людей, чтобы обеспечить трафик, оправдывающий постройку большого здания вокзала. Да что там говорить, в существующих павильонах даже касс не было — они были просто не нужны за отсутствием иного регулярного сообщения, кроме как на самолетах князя. А княжеские рейсы для постоянных жителей Рудногорска и приглашенных гостей были полностью бесплатными.

Собственно, про социальные блага работающих на него людей сам Михаил Радищев всё и объяснил — он не поленился выкроить время и «проводить» принцессу. Ну и сопровождающих Анны заодно — почему бы и нет? Минут пятнадцать прошли в светских разговорах, пару раз хозяин аэропорта и окрестных земель как бы рассеянно бросил взгляд на часы — а потом к павильону подошёл очередной автобус. И сразу стало понятно, ради чего вассал Императора отложил свои дела:

— Ваше Высочество, позвольте представить Вам моего сына и

наследника, Кирилла, — церемонно поклонился вдруг ставший протокольно-серьёзным Радищев.

— Очень приятно, Кирилл. Вижу в вас достойного продолжателя дела вашего уважаемого родителя, — Василь поймал себя на том, что глупо хлопает ресницами, пытаясь совместить в голове достаточно хорошо знакомую после нескольких дней совместного путешествия девушку и… Вот её. Совместить не особо получалось: с известной ему Анной эту холодную, недосягаемо далёкую от простых смертных дочь Императора роднила разве что одежда. Стать, жесты, повелительное наклонение головы — нечто подобное Анна недавно продемонстрировала, ставя на место не ко времени разошедшегося Карима, но и тогда всё было далеко не столь… величественно. Но вот прошёл миг, другой — и прирождённая правительница, высокородная из высокородных, пропала так же быстро, как и появилась. О чудесном перевоплощении напоминало только ошеломлённое лицо княжича.

Среди прибывших для спецполицейского, кроме княжича, было всего одно незнакомое лицо. Вместе с Кириллом в аэропорт прибыли все оставшиеся участники отряда принцессы — Дмитрий Соломин, юное дарование Егор Далеев в привычном сопровождении Ирис, дочь генерала Мамедова и молчаливая Жаргал Джимбинова, шестнадцатилетняя сирота. Единственным незнакомцем для Долгина был молодой улыбчивый мужчина в белых парусиновых штанах, такой же белой рубашке и соломенной шляпе с широкими полями.

— Технический специалист, который сможет помочь с реализацией запланированного мероприятия — Пётр Вихро, — уже не только Рюриковой, но и Долгину представил незнакомца старший Радищев. В этот раз представление прошло по-простому, без «спецэффектов».

— Польщён и безмерно рад, Анна Юрьевна, — прижав руку к сердцу, склонил голову мужчина — тем самым жестом, которым вообще-то принято выражать женщине или девушке восхищение её красотой.

Делать подобные комплименты принцессе, особенно после продемонстрированной «ауры власти» — это… было как минимум смело. И сильно. Василю же «технический специалист» пожал руку — твёрдо и чётко, как профессионал профессионалу, окончательно убедив, что человек Радищева — кто угодно, но не простой приданный на одну акцию исполнитель. Нужно иметь специфический опыт — и немалый — чтобы вот так запросто «переключаться», либо специально учиться. Как учили в ЦПУ самого Долгина.

— Егор, рассчитываю на тебя… Мы все рассчитываем на тебя, — обратилась к программисту Анна, на что Далеев лишь сосредоточенно кивнул.

— Кирилл, выводи своих друзей на ВПП, первым взлетает ваш самолёт, — тут же распорядился князь. — Ты тоже знаешь, что делать. И не слушай ничьих наветов.

— Я справлюсь, отец.

Стайка подростков покинула павильон и устремилась к выкатившемуся в начало полосы небольшому стремительному реактивному самолету. На удивление, слугам Радищева удалось сотворить очередное маленькое и незаметное чудо — благодаря одежде и макияжу Ирис больше не выглядела на приданные её создателями двадцать лет — скорее на шестнадцать-семнадцать.

— Наветов? — тихо переспросил подошедшего Дмитрия Василь.

— У сторонних наблюдателей наверняка сложится впечатление, что князь Михаил, воспользовавшись своим положением, титулом и связями, отправил своего наследника подальше от возможных боевых действий — вместе с юной частью свиты принцессы. Не просто так, конечно, а под благовидным предлогом до-прохождения прерванной летней практики, разумеется — но злые языки всегда найдутся. Тем более, остальные, обычные, дети останутся в Рудногорске.

— А на самом деле?

— Ну, ты же слышал напутствие Анны? Вот и делай выводы… Которые, кстати, совершенно не отменяют того факта, что после приземления наследник Радищевых, дочь генерала, в данный момент собирающего для нас армию, и ключевой технический специалист окажутся в безопасности.

Рудногорск. Кирилл Радищев.

4 июня 2016 года.

Кириллу нравилось летать вместе с отцом. Князь на памяти сына никогда не отлучался на личном самолёте из вотчины один и просто так. Даже самая протокольная поездка зачастую была только поводом для посещения очередного необычного и очень интересного места. Научной конференции, например, или масштабных испытаний новой техники, для которой домашние полигоны Рудногорска были малы. Последнее всегда проходило особенно интересно: одно дело слушать о возможном будущем технологий и рассматривать картинки из презентаций, и совсем другое — лично приобщиться к материальному воплощению этого самого будущего.

Так и получилось, что к своему семнадцатому дню рождения княжич-наследник, сопровождая папу, успел побывать и на

спешно строящемся в тридцатиградусный мороз из саморазогревающегося бетона космодроме Восточный, и поучаствовать в возведении похожих на небоскрёбы опор вантового супермоста между японским Хоккайдо и имперским Сахалином, и на пусковых испытаниях тайбейского гидропонического комплекса, и на ледовых испытаниях самоходной газодобывающей платформы в Северном Ледовитом океане… И каждый раз это было… бесподобно! Захватывающе! Невероятно! Кирилл возвращался домой с горящими глазами и не раз заставлял мать вздрагивать, сумбурно пересказывая произошедшие с ним приключения.

Повзрослев, Кирилл догадался, что его в поездки брали не просто так. И не просто так отец старательно «переводил» речи выступающих профессоров и академиков на доступный ребёнку язык, тратил, как потом выяснилось, дополнительные средства для создания иллюстративных материалов к работам учёных и вмешивался в ход строительных работ и испытаний. Зато лучшей мотивации учиться и идти по стопам родителя для молодого наследника Радищевых придумать было просто нельзя! И пусть детские впечатления во многом сгладились, а кое-что и забылось, пусть невероятные и волнующие приключения получили своё рациональное объяснение — ожидание близкого чуда всё равно посещало подросшего княжича каждый раз, когда он поднимался на борт отцовского самолёта. И сегодня тоже. Правда, княжич много бы дал, чтобы к знакомому букету чувств не примешивалась противная нота грызущей изнутри тревоги.

В то, что рассказал наследнику отец, было очень сложно поверить. Разум понимал, но отчаянно не хотело принимать сердце. От нарисованной скупыми объяснениями князя Михаила апокалиптической картины веяло даже не страхом, а тягостным недоумением. Как? Вот как такое могло произойти? Произойти здесь, в Великой Империи — самой большой, самой могучей стране мира? Может… Да нет, должно, просто обязано обойтись — и всё вернётся на круги своя. Не могут быть люди настолько тупы и слепы, чтобы своими руками взять и разрушить созданное потом и кровью поколений предков! Наверное, княжич бы сам себя убедил, если бы не видел лицо отца, час от часу мрачнеющего. И если бы не Учитель.

* * *

Впервые с Петром Осиповичем Вихро младший Радищев столкнулся вскоре после четырнадцатого дня рождения,

сопровождая отца на инспекции-экскурсии по лабораториям вотчины. Инспекция была частью подарка — Кирилл давно хотел заняться реальной научной работой, и вот наконец отец разрешил. К тому моменту княжич-наследник уже неплохо ориентировался в не очень понятном для постороннего научном мире Империи — да что там, многих выдающихся учёных современности он знал лично и за руку при встречах здоровался. Так что от неизвестного физика, сумевшего прорваться в завлабы буквально две недели назад созданной лаборатории физики плазмы, да ещё и в столь молодом возрасте, он ждал вполне определённого: взлохмаченных волос, лёгкой небритости, лихорадочного блеска в глазах и полного непонимания, как свои выдающиеся идеи применить на практике. Но личная встреча показала, что княжич ошибся буквально во всём.

Начать с того, что Вихро смотрелся скорее преуспевающим купцом, чем научным работником, несмотря на лабораторный халат. И никакого блеска — скорее уж во взгляде физика мелькало иногда нечто, до удивление напоминающее князя Михаила. Речь связная, выверенная, без перескакивания с темы на тему — такой не каждый академик мог похвастаться. А ещё — предельно рациональное, предметное отношение не только к предмету исследований, но и вообще ко всему окружающему. И это при внешности, едва тянущей лет на двадцать! Окончательно же подкупило Кирилла отношение к нему, как к взрослому коллеге — никаких скидок на возраст. При этом Пётр Осипович не сыпал терминологией, как зерном из пропоротого мешка — чем грешили другие потенциальные научные руководители. В общем, надо ли говорить, что выбор научрука для сына князя с этого момента стал предсказуем?

О своём выборе Кирилл не пожалел ни разу. Достаточно сказать, что княжич очень скоро именовал своего руководителя не иначе, как «учитель», а иногда и «Учитель» — с большой буквы. Вихро действительно принял навязанного ему стажёра без профильного образования не как дополнительную обузу (конечно, оплачиваемую!), а как своего личного ученика. И не стеснялся объяснять любые вещи — и сложные, по непосредственной работе, и самые простые — которые остальные обучающие княжича опускали, как само собой разумеющиеся. При этом и основная работа не страдала — завлаб находил время на всё.

Частенько окружающим (не только Кириллу) казалось, что у молодого учёного какие-то свои взаимоотношения с временем — по крайней мере, часов в его личных сутках явно больше двадцати четырёх. За прошедшие три года Пётр успел не только

далеко продвинуть вверенную ему Михаилом Радищевым тему и добиться практического результата, но и защитить сначала кандидатскую, а потом и докторскую диссертации. Более того, изыскались резервы и для преподавания в рудногорском филиале одного из столичных ВУЗов. И так со всем: что ни попадало в руки физику — любая работа горела не хуже любимой плазмы Вихро. Подчинённым оставалось только стонать — и что есть сил тянуть за боссом. У некоторых даже получалось не отставать.

* * *

После возвращения в Рудногорск, в тереме Кирилл не высидел и получаса. Отец, очень коротко объяснив происходящее, спешно уехал, а мать и сёстры никак не могли отойти от сцены с участием Ирины. Судя по их состоянию, княжич, к счастью, всё «самое интересное» пропустил. Что поделать, они-то не видели отца, перехватывающего командование на очередном «объекте» во время возникновения нештатной ситуации — а вот Кирилл видел. Тогда он тоже впечатлился: обычно мягкий и вежливый, мужчина в один миг превратился в жёсткого бескомпромиссного лидера, с которым никто не решался поспорить. А уж какой лексикон при этом князь использовал… Но все, что характерно, всё понимали с первого раза — от простого рабочего до маститых академиков. Папа может, что уж говорить

Самому Кириллу, что уж там, до умений родителя было далеко, потому он решил переждать постепенно переходящий в полноценную истерику ступор родных где-нибудь подальше. Произвёл тактически грамотное отступление, иначе говоря — ретировался в ставшую уже практически родной лабораторию к учителю. Там, по крайней мере, сразу найдут, чем занять лишние руки и голову. И, может быть — чем чёрт не шутит — удастся узнать о происходящем что-нибудь более конкретное…

Действительность превзошла все ожидания княжича. Лаборатория напоминала растревоженный пчелиный улей, в который в поисках мёда вломилась бабочка-бражник. Все куда-то бежали, спешили, перекрикивались — причём не только, собственно, в «плазме» — внутренние ворота между обычно разделёнными отсеками-отделами огромного здания-ангара были подняты все одновременно. Учёные, инженеры, техники, смешавшись между собой, прямо по полу тянули кабели и шланги, таскали стопки распечаток, до хрипоты спорили, размахивая планшетными компьютерами. Посреди бедлама и рукотворного хаоса в центральном отсеке ангара в свете прожекторов гордо возвышался выведенный на стенд прототип аэрокосмического истребителя — именно он служил центром людского водоворота.

Самолёт, способный подняться на низкую орбиту Земли, выглядел… скажем так, не совсем целым. Где-то обшивка уже была установлена на своё место и там блестели золотистые шестигранники сегментарной термозащиты, где-то корпус бугрился чёрными жгутами силовых эффекторов, а где-то

оставались участки, открывающие доступ к внутренностям аппарата. Привычное зрелище — за три года участия в проекте в качестве младшего лаборанта, княжич успел привыкнуть к зрелищу медленно обрастающего оборудованием композитного «скелета» машины — причём процесс частенько поворачивал вспять. Что поделать — больше половины прототипа состояло из ранее не используемых в авиации материалов и компонентов, а ошибку в проектировании могли выявить через много месяцев на испытании очередной рабочей модели. Иногда Кириллу мучительно хотелось увидеть итог всего этого процесса прямо сейчас — взлетающий с шестикилометровой полосы Рудногорска стремительный, словно распластавшийся в воздухе, силуэт. Но, разумеется, наследник рода Радищевых брал себя в руки и подавлял недостойные желания: небо, и уж тем более космос, не прощают небрежности и торопливости…

— А, Кирилл! — Пётр Осипович в своей излюбленной манере стремительно ворвался в жизнь ученика, — Как хорошо, что ты тут. Я уже звонить тебе собирался… Идём, времени мало, а тебе еще собраться нужно будет.

— Куда собраться? — только и спросил парень, стараясь не отстать от «плазменного» учёного.

— Михаил сообщил, что ввёл тебя в курс дела. Так? — Вихро распахнул дверь личного кабинета, — Тогда что за вопросы? Империю спасать, разумеется. Вместе вот с этим молодым человеком. Кирилл, познакомься — Егор Далеев. Мой ученик — твой коллега. Он введёт тебя в курс дела.

* * *

Личный самолёт Михаила Радищева мягко оторвался от полосы, для сидящих в салоне — и вовсе беззвучно. Этот борт несколько раз модернизировали с участием подконтрольных роду опытовых производств, потому реальные лётные характеристики машины заметно отличались от паспортных. Пожалуй, при желании, пилоты могли посостязаться в скорости с некоторыми истребителями — изменяемая геометрия крыла и новые двигатели это позволяли. Ещё один из множества сигналов князя своим подчинённым — что он доверяет им не только свои деньги, но и жизнь…

Кирилл отвернулся от иллюминатора. Кроме него в салоне самолёта присутствовали ещё четверо: внезапно взявшийся из ниоткуда второй ученик Вихро, дочь генерала Мамедова и ещё две девушки. С одной из них он познакомился ещё в кабинете

учителя — причём Далеев отрекомендовал её как «мой личный ангел-хранитель», другая же присоединилась к небольшому отряду вместе со Светланой и её роль во всём происходящем для княжича до сих пор была загадкой. События сплелись в столь плотный клубок, что даже банально поговорить времени не нашлось. Хорошо ещё Учитель всё-таки нашел пять минут поговорить с княжичем наедине.

* * *

— Очень тебя прошу — помоги Егору, — отведя Кирилла в личную комнату для совещаний, без предисловий начал профессор. — Боюсь, кроме него с возложенным поручением с нашей стороны некому справиться, потому попробуй обеспечить ему… режим максимального благоприятствования, так сказать. Я знаю, у тебя должно получиться.

— Х-хорошо, — наследник Радищевых, после первых слов Вихро ожидавший просьбы совсем о другой помощи, слегка растерялся. — Я сделаю…

— Гадаешь, почему я сформулировал просьбу именно так, а не иначе? — влёт «прочёл» ученика молодой ученый. — Видишь ли, Далеев — он… гм, особенный. Своего рода очень, необычайно талантливый в некоторых областях науки… гм, молодой человек.

— Талантливый? — не удержался от реплики княжич. Очень редко Пётр Осипович говорил про кого-то нечто подобное, хотя, прямо сказать, на комплименты сотрудникам (особенно сотрудницам) не стеснялся. Но при этом обычно говорилось о «светлой голове», «прямых руках», умении думать, глубоких знаниях, настойчивости, опыте — в общем, физик отмечал те достижения, которых человек добился сам, лично. Но талант?

— Как бы объяснить, — Вихро на секунду задумался. — Вот представь себе: человек выучился в школе, закончил ВУЗ, пошел работать и проработал в одной отрасли десять лет. Что он приобрел кроме знаний?

— Опыт, — не колебаясь ответил на вопрос ученик.

Этот урок Кирилл хорошо запомнил: одна из первых бесед с новым научруком навсегда врезалась в его память. Можно запомнить огромный объём информации, можно в теории знать, как и что делать, и только опыт нельзя получить, воспользовавшись плодами чужих усилий. Только практика, только лично потраченное на достижение результата время.

— Можешь считать, что Егор умеет программировать, словно сорокалетний, а он на год младше тебя. Как ещё назвать такое,

кроме как талантом?

Надо полагать, самого княжича перед вторым учеником профессор тоже отрекомендовал далеко не последними словами. Особенно поразило Кирилла то, что программист обращается к нему, как к взрослому, без всякой оглядки на их возраст. Немного не то, чего ожидаешь от шестнадцатилетнего в компании погодки. Впрочем, вскоре наследник рода имперских вассалов убедился, что странностей хватало не только у «коллеги» по научруку:

— Настоящий княжич, надо же! — Мамедова, даже не пытаясь соблюсти какие-то минимальные приличия, обошла младшего Радищева кругом, бесцеремонно разглядывая. — А что, неплохо. Разве что, пожалуй, белого коня и букета алых роз для первого впечатления не хватает…

Дело происходило примерно через час после знакомства в лаборатории, в холле гостевых апартаментов для научных коллективов в центре Рудногорска. Именно сюда княжича и его спутника привёз закреплённый за Далеевым автобус. Выслушав реплику спутницы, Егор молча приложил ладонь к лицу и покачал головой, Ирис, всё время державшаяся чуть в стороне от остальных (так успешно, что Кирилл то и дело забывал о её присутствии рядом) никак не прореагировала. Что касается третьей девушки, то та, выдержав паузу, ограничилась скупым кивком — то ли подтверждая сказанное Светланой, то ли вообще своим мыслям.

— Ладно, мальчики, мы — собираться и пудрить носик, а вы — не скучайте тут. Пошли, Жар, — дочь генерала без затей утянула спутницу, вместе с которой была представлена, и парни чуть ли не впервые за время знакомства оказались предоставлены сами себе. По крайней мере, можно было никуда не спешить сломя голову, параллельно выслушивая очередное безрадостное откровение о происходящем. Или о миссии, возложенной на плечи пусть «талантливого», но подростка.

— К Светке просто нужно привыкнуть, — убедившись, что девушки ушли, посоветовал Егор. — Не знаю, утешит тебя это или нет, но она и с принцессой Анной вела себя не особо вежливее.

Кирилл уже успел коротко пообщаться с отцом — в этот раз только по телефону, к сожалению. Родитель подтвердил, что полностью в курсе «плана Далеева» и действительно желает, чтобы его сын участвовал… во всём этом. А ещё просветил о роли генерала Мамедова — теперь, фактически, главнокомандующего существующих пока что больше умозрительно войск проимператорских сил. В общем-то, княжич и не собирался как-то

особенно переживать выходку наглой девчонки и вообще примерно представлял, зачем её навязали на его шею. Защита союзника… или контроль заложника — тут как посмотреть. В любом случае, брата трёх сестёр словами было всё равно не пронять.

На примере женщин своей семьи Кирилл прекрасно знал, что иной раз у прекрасного пола натурально сносит крышу… Хотя и парни-одноклассники, надо признать, тоже «жару давали» регулярно. Подростковый возраст, что поделаешь — не у каждого хватает терпения и желания достаточно продвинуться по Путям для обретения самоконтроля. К сожалению. Впрочем, забывать проявленное неуважение будущий князь тоже не собирался. Как говорил папа, отсутствие злопамятности — ещё не повод иметь плохую память. Надо было только кое-что прояснить у самого Далеева…

По некоторому размышлению, княжич решил, что ученичество у одного учителя — достаточный повод выбрать доверительный стиль общения с программистом:

— Егор, а Джимбинова, она — кто?

— В смысле? — растерялся от такого «плавного» перевода темы Далеев. — Ну, моя одноклассница, как и Мамедова… Бывшая одноклассница — сомневаюсь, что мы вернёмся в ту же школу. А ещё — посвящённая буддийская жрица.

— Я не про это, — сделав жест рукой, как будто отодвигает что-то в сторону и изобразив максимально благожелательный тон, пояснил наследник Радищевых. — Вот Ирис — твоя охрана, Светлана — дочь нашего генерала, а Жаргал? Зачем она летит с нами?

— Ах, вот ты про что, — по голосу программиста было сложно догадаться, как именно он воспринял вопрос с подтекстом, но точно не так, как рассчитывал княжич. «Взрослый» намёк однозначно понял, но отреагировал… как-то не так. — Ты ведь тоже смотришь шанхайские боевики?

— Э-э… ну, да, — теперь пришла очередь Кирилла переваривать неожиданный перевод темы, — а что?

— А вот что. Вспомни, была ли хоть в одном фильме хотя бы одна успешная пати… в смысле, команда приключенцев, в которую не входил бы боевой священник?

Петроград. Василь Долгин.

4–5 июня 2016 года.

В один из типичных для Петрограда дворов-колодцев неторопливо заехал весьма почтенного возраста легковой автомобиль. По характерным плавным и одновременно тяжеловесным изгибам корпуса, любой увлечённый автолюбитель

без проблем опознал бы и марку, и более чем солидный возраст аппарата. Этот же автолюбитель наверняка немедленно поведал бы окружающим о том, что эта машина все прошедшие с её выпуска годы плотно эксплуатировалась, не раз и не два проходила капитальный ремонт и модернизацию, и теперь от первоначальной компоновки в ней остался разве что узнаваемый корпус.

Наверняка гипотетический любитель ещё много чего мог бы порассказать — о бережливом и аккуратном характере вполне себе обеспеченного автовладельца, способного без сомнения позволить себе что-нибудь поновее, о превосходных механиках, заставивших новый двигатель раритета работать почти беззвучно, возможно, даже угадал бы гараж, где обслуживалось чудо техники бледно-оранжевого цвета… Одна беда — интересующегося машинами субъекта во дворе не было, а присутствующему вместо него Долгину все эти факты были до одного места. Вместо восхищения еле ползущий драндулет вызывал у капитана полиции всё нарастающее желание выбить кулаком из стены обломок кирпича побольше — и по красивой дуге запустить в ветровое стекло!

Василь ждал сослуживца больше двух часов, основательно продрог, несмотря на загодя надетую куртку, на «тёплых» летних питерских подворотенных сквозняках, и успел про себя раз двести обозвать друга-трудоголика всякими нехорошими словами из богатого лексикона господ задержанных и подследственных. Привычку Авраама Шаховича торчать на работе во внеслужебное время проклинали все — и его непосредственный начальник, и подчинённые, и служащие соседних отделов. Да что там — жена, «любимая Сарочка», и все четыре разновозрастные дочери проклинали, голос не сдерживая и за словами в карман не залезая… Строго за глаза, как и все остальные.

Почему не говорили в лицо? Потому, что гордый владелец доставшейся когда-то от отца «Победы» не был самовластным тираном или чёрствым равнодушным сухарём. К чаяниям окружающих чутко прислушивался. И когда его упрекали в чрезмерной любви к своей работе, он кивал, вставал и начинал неторопливо собираться, в зависимости от времени суток приговаривая: «поеду домой, там повожусь» или «пойду в гараж к ребятам, давно у них не был — заодно и доделаю». И все окружающие тут же бросались уговаривать Авраама Шаховича остаться на рабочем месте, злобно обещая взглядами распустившему язык идиоту всевозможные кары. Ибо работал полковник Шахович на должности ведущего эксперта минно-взрывного дела, совмещая сие занятие с исполнением

обязанностей командира особой оперативной сапёрной группы в Центральном Полицейском Управлении города Петрограда. А самое безобидное, с чем любил «возиться» этот тихий, спокойный и никогда никуда не спешащий человек — был пластид…

Машина наконец остановилась у своего обычного места парковки, водитель отворил дверь — но Долгин даже не подумал выйти из темноты прохода, проложенного сквозь здания между соседними дворами. Спецполицейскому пришлось приложить некоторые усилия, дабы попасть сюда, к дому друга, никем из многочисленных шапочных знакомых не замеченным — и он не собирался глупо рушить всю выстроенную конспирацию. Особенно столь банально — засветившись под знакомыми окнами. Впрочем, ему самому ничего теперь делать и не требовалось.

Авраам Маркович степенно выбрался из-за руля, обошёл автомобиль, успел открыть багажник… и неторопливо захлопнув, прогулочным шагом направился к темной арке.

— Вася, таки я понимаю — ты не в гости к старому больному другу решил заглянуть и не подышать свежим воздухом? — в совсем не старческом негромком мужском голосе вопроса было гораздо меньше, чем утверждения. — Иначе бы ты не стал тут торчать больше часа, да и не замёрз бы, как цуцик. Кстати, не знал, что ты уже вернулся.

— Верно, Авраам Маркович, — казак отошёл от стены тоннеля. — Расследование… продолжается. Я здесь временно и, так сказать, по техническим причинам. И мне… Нам нужна помощь.

* * *

Великая Империя в буквальном смысле велика. Убедиться в этом можно множеством способов: например, сесть на самолёт в аэропорту Петрограда и в течение четырнадцати часов без посадки лететь до Тайбея. Однако лучше всего масштабы Родины изучать, запасшись бензином, колёсами легкового автомобиля — причём не двигаясь «из точки „А“ в точку „Б“» по скоростному шоссе, а методично катаясь по окрестностям. Тогда-то и окажется, что пресловутые полтора миллиарда жителей, если их расположить на территории трети всей планетарной суши — это совсем негусто получается. Смешно: какой-нибудь питерский житель даже не подозревает, что всего в пятидесяти километрах от его дома можно без особых усилий найти место, куда ведёт неплохая в общем-то грунтовая дорога и где люди при этом не

только не живут — годами не появляются.

Формально этот кусок земли с печальными остовами двух когда-то красивых домов всё ещё находился в частной собственности, но по факту в обозримом будущем владельцу некогда роскошной недвижимости предстояло ещё четверть века довольствоваться нарами общего барака исправительного заведения за колючей проволокой, а потом — ещё на столько же переехать уже в личную избу неподалёку (если будет себя примерно вести) — «на поселение». Ну, что сказать — не стоило организовывать у себя дома перевалочный пункт, по которому запрещённые стимуляторы и наркотики из неблагополучной Средней Азии переправлялись в чуть более благополучную Ближнюю Европу и расходились по всей Великороссии[29]. И увлекаться контрабандным экспортом — тоже не стоило. А особенно не стоило оказывать ожесточённое сопротивление спецотряду полиции, прибывшему на задержание. Сдались бы — глядишь, и уцелело бы всё нажитое трудом неправедным…

Теперь же земле предстояло долго пустеть без хозяйской руки, а потом, скорее всего, быть проданной. Суровые условия севера Сибири и тотальное ограничение поступления информации из внешнего мира вкупе с полной доступностью литературы по самосовершенствованию и возможностью в любой момент обратиться к монахам с «жилого», добровольно отказавшимся от мира для раскрытия внутреннего и сокровенного, обычно давали вполне предсказуемый эффект. Многие монахи и были бывшими заключенными — только ушедшими по Пути Духа куда дальше занятых ещё и суетливыми мирскими делами неспокойной службы былых сторожей… В общем, заброшенный хутор был идеальным местом для проведения мероприятий, не предусматривающих широкой огласки. Особенно… немного шумных.

Заслуженный транспорт Шаховича Василь всё-таки сначала услышал и только потом увидел. Не подвела казацкая сноровка — не зря с детства старшие дядьки да мамки вбивали непутёвому отпрыску Долгиных азы суровой военной школы потомственных полевых разведчиков-пластунов. Впрочем, капитан полиции неплохо представлял дальнейшие действия коллеги после того, как попросил его о помощи, и потому ждал прибытия где-то в это время. Ну и разумеется, неугомонного Вихро отчего-то понесло «исследовать» дальний дом усадьбы именно сейчас. Ближний дом он уже облазил вместе с самим Долгиным, сунув нос едва ли не в каждую щель — но, видимо, ему этого показалось мало. Благо, белые питерские ночи уже начались[30] и отсутствие фонарика (предусмотрительного отобранного спецполицейским) учёного

ничуть не смутило.

Печально-оранжевая «Шенгли» с грацией небольшого гиппопотама преодолела последние сто метров неухоженной дороги и кочковатого «двора» и остановилась ровно перед встающим из прилично вымахавшей с начала тёплых деньков травы Василем. Надо сказать, двигался агрегат по кочкам и ухабам абсолютно с той же скоростью, что и в городе. Эксперт-подрывник педантично заглушил мотор, неторопливо и степенно выбрался наружу… и картинно-заинтересованно повёл из стороны в сторону своим выдающихся пропорций носом.

— Бензин, машинное масло, металл — и ещё один мужчина неподалёку. Таки признаться, когда я соглашался помочь — надеялся встретить ту роковую красотку, которая умудрилась втянуть одного моего знакомого угрюмого одиночку, раньше упорно бегающего от прекрасного пола, как от огня, во что-то странное!

Долгин, только открывший рот, запнулся и в сердцах сплюнул. Спецотдел Центрального Полицейского Управления города Петрограда был не так уж велик — несколько следственных групп, отряд спецназа, спецгруппа сапёров, несколько групп аналитиков и экспертов (этих было больше всех), гаражи, мастерские, собственная оружейка — и несколько тренировочных полигонов с персоналом. Ну и отдельный начальник всего этого «спец» — генерал полиции Макаров. Всех вместе, считая уборщиц — около трёх сотен человек. «Таки одна большая лавочка у подъезда» — по меткому выражению всё того же Авраама. И если обитатели «лавочки» что-то вбивали себе в голову — как, например, в его случае — можно было только или уволиться, или смириться.

— То есть тебя, Авраам Маркович, даже сейчас больше волнуют мои «сердечные дела», чем то, зачем я тебя попросил выехать одного ночью за город — и со служебным электронным детектором взрывных устройств? — поинтересовался спецследователь.

— Тю, детектор. Удивил, тоже мне, — фыркнул сапёр-эксперт. — Вот молодая женщина, пользующаяся духами, что имперской принцессе не зазорно подарить — то куда интереснее!

Василь страдальчески поморщился: он терпеть не мог таких вот дурацких проколов. Духи, надо же. Разумеется, Анна даже не подумала сменить парфюм (запах которого полицейский, хоть убей, не мог вспомнить) — хотя как раз сама она могла бы и догадаться. С её-то подготовкой… Впрочем, для такой спешки, в которой готовилась операция — ничего удивительного.

— Ты-то откуда стал в духах так хорошо разбираться, а? Тоже

мне… пожилой мужчина.

— Вот роди четырёх дочерей, вырасти и таки попробуй удовлетворить их запросы — тогда узнаешь, — хмыкнул сапёр и пожаловался: — Знал бы ты, сколько стоит пять миллилитров этой эссенции с «естественным запахом», ты бы тоже навсегда его запомнил. Мне он потом в кошмарах снился — этот флакон. Я за него там деньги отдавал!

В достаточно обыкновенно для своего пола, возраста и национальности выглядящем мужчине постороннему человеку чрезвычайно сложно было бы заподозрить не только сапёра, но и полицейского. Уважаемый купец или, бери выше — ювелир с золотыми руками, но никак не специалист по всему, что взрывается или взорваться может. И уж совсем сильно удивлялись те, кто узнавал, что внешность «таки ещё в самом расцвете лет!» принадлежит продвинутому адепту Пути Воина. Спрашивать о высотах самосовершенствования было не принято — даже у близких друзей, однако Долгин лично однажды убедился — при необходимости пожилой еврей мог бежать быстрее половины молодых спецназовцев. Зато про чудесный нюх начальника отряда сапёров, отлично позволяющий на тренировках и заданиях обходиться без служебной собаки, знали все. Кстати, про нюх.

— Ты сказал, «бензин, масло, посторонний» — но не взрывчатка? — припомнил Василь.

— Таки мне тоже удивительно, зачем ты меня позвал, — глядя в сторону угла остова ближайшего дома, сообщил Шахович. — Но, я полагаю, сейчас вот этот замечательный молодой человек нам всё расскажет?

— Я сначала покажу, — широко улыбаясь, профессор Вихро достал из кармана пульт дистанционного контроля… По крайней мере, небольшая штуковина в его руках не могла быть ничем иным, как пультом. И, прежде, чем кто-либо успел хоть слово сказать, нажал на кнопку.

Дальнее строение заброшенной усадьбы за спиной учёного… Наверное, самым правильным словом будет «засияло». Солнечно-жёлтая вспышка мгновенно превратила белую ночь в чёрную — яркость светло-серого питерского неба не шла ни в какое сравнение с яркостью рукотворного… пламени? И тут долбануло по-настоящему! Добротно выстроенные метровой с лишним толщины стены вздрогнули, ещё крепкую и целую кровлю подбросило вверх метра на три — и из всех окон выметнулись языки уже нормального дымного рыжего огня. Горящие обломки стропил и черепицы рухнули вниз, и словно из-за этого начали складываться сами в себя и стены.

Спецполицейский сглотнул — несмотря на расстояние и

типично-«летнюю» петроградскую погоду ему вдруг стало жарко. Видел он уже нечто подобное — только вставшее за кормой внедорожника пламя полыхало синим, а не жёлтым. Вот только то был залп главного калибра штурмового беспилотного вертолёта, а не обычная «жестянка» с бензином! Сколько канистр с топливом успел засунуть в дальний дом Пётр? Одну или обе оставшиеся? Потому что остальные они успешно заложили в ближнем — и ещё три штуки просто прикопали или положили на землю в разных местах на заросшем дворе. Некоторые — не сказать, чтобы далеко.

— Молодой человек, вот в этом милом безвкусном здании у вас за спиной заложено то же самое, что было в дальнем, да? — деловито поинтересовался Авраам Маркович. — Таки тогда предлагаю отойти… воон к тем деревьям, пожалуй. И, умоляю, не нажмите что-нибудь ещё — вы и так меня впечатлили по самые седые кудри. Таки мы сейчас отойдём, потом я отгоню свою ласточку… И вы мне всё-всё расскажете. Так ведь, Вася?

Долгин, глядя на продолжающего безмятежно улыбаться учёного, мрачно кивнул. У него тоже появились… дополнительные вопросы.

Петроград. Дмитрий Соломин.

4–5 июня 2016 года.

— Я как-то не так себе представляла… конфиденциальные переговоры. — пробормотала Анна.

«Я тоже», — подумал Имперский Аудитор, однако тактично промолчал.

Петроградская белая ночь обычно похожа на ранние сумерки, но ровный низкий серый «потолок» сплошной облачности над головой и высокие глухие стены домов по обе стороны переулка вносили свои коррективы. Уличные же фонари со своей обязанностью явно не справлялись — освещали только сами себя и пятачок асфальта под собой. Над некоторыми задними дверями горели собственные лампы, но у крыльца, где вынуждены были коротать время Соломин и принцесса, светильник был предусмотрительно потушен. В переулке кроме них не было ни одного человека — чужим тут просто нечего было делать, а свои, что называется, все были дома. Чему весьма радовались другие, четвероногие жители переулка: вокруг мусорных баков, парами и тройками «украшавших» соседством каждую дверь чёрного хода, шла всё больше набирающая темп деловитая возня. И если кошачьи силуэты у Дмитрия отрицательных эмоций не вызывали, то вот другие, попискивающие и пробегающие порой у самых ног — совсем наоборот.

Подготовка любого сотрудника Лазурного Дворца

подразумевает определённый минимум владения разнообразными навыками — в том числе, собственно, приёмами «полевой» работы. Но аудитору не нужно пытаться остаться в тени и сохранить свою деятельность в тайне — скорее уж наоборот. Всё, что Дмитрию обычно было нужно — тем или иным образом выйти на связь с внедрёнными ранее агентами, работающими в интересующем регионе, предприятии или организации. А дальше — довериться профессионалам… Ну, или по крайней мере тем, у кого есть инструкции, написанные профессионалами. Эффективность такого подхода в очередной раз оправдала себя во время бегства из Монголии. Каждый должен хорошо делать свою работу — вот в чём залог успеха. Кто-то шарится по подворотням, кто-то заглядывает в чужие бумаги — а кто-то получает информацию в виде отчёта и ломает голову над её применением. Но, увы — бывают ситуации, когда всё от и до нужно сделать самому.

* * *

О совместно выработанном дочерью Императора и князем Радищевым плане операции в Петрограде Соломин узнал одним из первых. Имперскому Аудитору в нём отводилась не самая большая, но важная роль — обеспечить встречу князя Надырова и Рюриковой, причем так, чтобы об этом, по возможности, никто из посторонних не узнал. Кроме того, на Дмитрия и Василя ложилась дополнительная обязанность прямой физической защиты и страховки всех действий имперской принцессы и приданного специалиста — профессора-физика Вихро. Ураган эпитетов, пронёсшийся в голове сотрудника Лазурного Дворца после ознакомления с «планом», описать было просто невозможно — из приличных там было только слово «авантюра». Нет, «безумная авантюра»! Лишь богатая практика различных не самых дружественных переговоров позволила Соломину удержать своё мнение при себе. К сожалению, это было не последнее испытание крепости нервов Имперского Аудитора.

Вихро — вот кто оказался настоящим испытанием для Дмитрия, а потом и для Василя. Узнав сначала, кто будет оказывать в операции «техническую поддержку», Соломин решил было, что им придётся таскать за собой этакого кабинетного властителя дум, пожилого маститого учёного, вырванного из привычной среды лабораторий и лекционных залов. Видит Бог — лучше бы так и было!

Был ли действительно молодой специалист таким

незаменимым кадром, что Михаилу Радищеву послать больше было просто некого — это, конечно, интересный вопрос. Однако скорее напрашивался вывод, что Пётр — некое весьма приближённое к особе князя доверенное лицо с нужными навыками. Мало того, что молодой учёный в текущей ситуации разбирался не хуже непосредственно поучаствовавшего в боевых действиях против заговорщиков Долгина. Мало того, что при представлении принцессе он повёл себя как равный — Долгин вполне мог допустить, что красота Анны на какое-то время затмила молодому человеку рассудок. Бывает иногда. Но, как оказалось, Вихро самостоятельно переиначил и дополнил указания Радищева и Рюриковой на свой лад. И выяснилось это только на борту самолёта.

* * *

— Пётр… Ничего, что я так по-простому, на «ты»? — Долгин, всю дорогу от здания вокзала до авиалайнера промолчавший, затеял разговор, едва все расселись посреди пустого салона. Кроме четверых путешественников и экипажа на борту больше никого не было, так что говорить можно было свободно.

— Конечно… Василь? — кивнул вольготно расположившийся в своём кресле профессор. Сколько ни смотрел за попутчиком Соломин, так и не смог уловить в нём ни тени напряжения — создавалось впечатление, что Вихро действительно едет отдыхать, а не на опасную и насквозь незаконную операцию в центре одного из самых крупных мегаполисов Империи.

— Скажи, Петро, — тем временем немедленно переврал имя спутника казак, мастерски подпустивший в свой голос едва заметный южнорусский акцент, — а это у тебя в сумке не взрывчатка, случайно?

Оную полупустую спортивную сумку учёный только что небрежно закинул в соседнее кресло у иллюминатора, ничуть не обеспокоившись целостью содержимого, так что вопрос был вполне закономерен.

— Не-а, — растягивая слова совсем уж на молодёжный манер, отозвался рекомендованный Радищевым большой специалист в области плазмы. — Только… Что-то типа детонаторов и обвязка. Ничего особо хрупкого и точно ничего взрывающегося.

— Вот как? — спецследователь с ногами влез в свою излюбленную роль этакого не очень умного субъекта. — А где ты тогда, друг, собрался брать взрывчатку? У нас в ЦПУ? Или у вояк? Ты просто заранее скажи — волнуюсь я немного.

Если Василь надеялся, что собеседник начнёт запираться или признается, что не подумал о такой «малости» — то крупно просчитался.

— Не нужна взрывчатка, только бензин. И даже его нам покупать не придётся — в машинах его будет достаточно…

— В машинах? В каких машинах? — принцесса Анна, ещё на взлётной полосе над чем-то крепко задумавшаяся, внезапно вмешалась в разговор.

— В тех, которые припаркованы у ограды Арсенала Комиссии по военной приёмке, — несколько удивлённо ответил Вихро. — Это всё было на карте, переданной мне Дмитрием: вычислительный центр через улицу соседствует с забором арсенала. Вдоль него стоят автомобили сотрудников Комиссии — рядом проходная для сотрудников, которые тут же и паркуются. Фактически, уже подготовленные заряды, только инициаторы алхимреакции в баки опустить…

— Только вот что-то я не припоминаю на упомянутой карте никаких автомобилей, — пояснила причину своего вмешательства в разговор Рюрикова. — По разработанному плану мы должны были закладывать взрывчатку под забор, а не взрывать чужие средства передвижения.

— А, это. Я доработал план, — как от чего-то несущественного отмахнулся Пётр.

Видимо, мимика окружающих была достаточно красноречива, чтобы учёный «догадался», что потребуются дополнительные объяснения:

— В переданных мне бумагах чёрным по белому значилось — процесс подготовки зарядов остаётся полностью на моё усмотрение, — неожиданно сухо и твёрдо проговорил Вихро. — Такие изменения — в рамках вами же выставленных условий.

— Подготовка зарядов и цели для подготовленных зарядов — это разные понятия, — успел вклиниться перед собирающимся сказать что-то не особо лицеприятное Долгиным Соломин. — То, что автомобили должны стоять у забора арсенала, вовсе не означает, что они там стоять в нужное время будут. Или что будут стоять в нужных местах…

«…Вот почему этот вопрос, очевидно, вне вашей компетенции», — хотел закончить Дмитрий, но не успел.

— Машины будут стоять именно на тех местах, где нужно, и когда нужно, — безапелляционным тоном перебил Имперского Аудитора учёный. — Мне это достоверно известно.

— Сверхточное пророчество? — «благоговейным» тоном осведомился Долгин.

— Статистика на основе обработки фотографий нужного

участка местности за последние шесть лет, — отрезал Пётр.

Неожиданный аргумент заставил петроградского следователя проглотить следующую фразу, да и принцесса выглядела озадаченной.

— Снимки? Откуда?

— Из Глобальной Сети, разумеется, — пожал плечами физик. — За шесть последних лет разными людьми было сделано около трёх сотен снимков интересующей улицы — в разное время дня, в разные дни недели. Если есть доступ к одной из самых мощных поисковых систем в стране, снабжённой, к тому же, продвинутым искусственным интеллектом. Особенно если эта же система имеет встроенные боевые алгоритмы для проведения, в том числе, и диверсионных операций и может дать рекомендацию. Требовалось только задать корректные стартовые параметры решения задачи — для этого даже не нужно быть программистом. А дальше — решение будет чисто техническим. Глупо было не воспользоваться, правда?

Ответом профессору была гулкая — если не считать пробивающийся в салон умеренно-тихий гул двигателей самолёта — тишина. Долгин с заинтересованным видом переводил взгляд с Анны на него, Соломина — и назад. Надо полагать, выражения лиц были похожи: как и шестая наследница престола, Дмитрий лично видел, как Егор перед решающей атакой Агаты проделал ту же манипуляцию: сформулировал запрос и просто выбрал наиболее подходящее решение из предложенных.

— Гхм, — откашлялась Рюрикова Хэ-Мин, разорвав затянувшееся молчание. — Кажется, нам всем пора бы привыкнуть к мысли, что мир уже изменился.

— …И пользоваться плодами этих изменений, пока они есть только у нас, — подсказал Вихро.

* * *

Приближение человека изнутри дома Соломин почувствовал за несколько секунд до того, как дверь, тихо скрипнув, распахнулась.

— Заходите, — мужчина какой-то очень средней внешности в ливрее слуги сделал приглашающий жест. — Князь изволил отужинать и сейчас поднимается в свой кабинет. Обычно он читает там перед сном от получаса до сорока минут, и в это время его никто не беспокоит.

— Отлично, — ответил Соломин «спящему» агенту, когда-то внедрённому Лазурным Дворцом в обслугу городского дома

князей Надыровых, одновременно кивая отошедшей в тень Анне в сторону прохода. — Ведите.

То, что в обслугу родов прямых вассалов Императора внедрены люди, подготовленные родной организацией, Имперскому Аудитору в любое другое время узнать было бы не суждено. Не того полёта он птица. Однако сейчас, когда центральные службы Дворца по приказу Юрия официально самоустранились от контроля региональной сети, вопросы предоставления доступа к информации… Скажем так, стали решаться менее формально. Дмитрий, стоило ему выйти на одну из электронных досок объявлений и написать код запроса, практически немедленно получил исчерпывающие данные по нужному контакту. Намёк на то, что его, Соломина, в свою очередь тоже «ведёт» один из внедрённых к Радищевым агентов, получился толще некуда. И заставил аудитора задуматься — а насколько на самом деле Лазурный Дворец выведен из игры? А если не выведен — то действует, оперативно подчиняясь самодержцу, или выполняет одну из заранее написанных «номерных» инструкций «на случай, если»…

Поразмышлять Дмитрию времени хватило с избытком — провожатый вёл пару незваных гостей до кабинета главы рода добрых десять минут. Маршрут получился замысловатым, со множеством подъёмов, спусков и проходов через подсобные помещения вроде водораспределительного узла и адски захламлённой пыльной кладовой (у агента от всех дверей были ключи), зато удалось избежать случайных встреч с кем-либо из домочадцев и прислуги. Изнутри здания было хорошо заметно, что городское родовое гнездо Надыровых строилось в несколько этапов — причём последняя перепланировка отгремела лет этак сто назад. И окончательно превратила огромный дом в настоящий лабиринт, в котором и хозяева, и слуги наверняка до конца не ориентировались. Соломин не удивился бы и случайно встреченному скелету в обрывках старинного платья — так и подмывало спросить у молчаливого коллеги, нет ли среди прислуги легенд о пропавших людях. А уж как дивно гармонировала такая прогулка с мыслями о работе родной конторы…

— Здесь, — затормозил провожатый у тяжёлых даже на вид двустворчатых дверей. — Кабинет. Я подожду тут. Выведу, когда вы освободитесь.

Аудитор протянул руку к массивным дверным ручкам, но остановил руку на полпути, оглянувшись на принцессу.

— Признаться, мне ещё не доводилось заглядывать в гости с настойчивой просьбой по выполнению вассальной клятвы… вот

так, — объяснила свой вздох Анна. Она стянула с головы кожаную кепку с острым козырьком, провела рукой по волосам, машинально оглядываясь, не нашла зеркала, ещё раз вздохнула и вернула головной убор на место.

* * *

Долгин, сквозь зубы матерясь на Вихро, вынужден был согласиться на разделение команды принцессы Анны на пары. Сам он взялся обеспечить проверку работы взрывных устройств одного слишком много на себя берущего физика, а Рюриковой и Соломину выдал целый список кратких, но очень полезных советов. Петроград с самого основания никогда не был похож на остальные имперские города — работа «окном в Европу» оставила на Северной Жемчужине Великой Империи глубокий и не самый эстетичный, увы, след.

Ни один другой западный порт страны не имел прямого выхода к многомиллионному городу. Ни от одного восточного или северного порта нельзя было добраться до соседнего государства за несколько часов крейсерского хода — и уж тем более до доброй полудюжины таковых! Просто идеальные условия для передачи и продажи дорогой и напрочь запрещённой контрабанды — из той, что умещается в карман, дипломат или портфель. Как итог, ни одному более полицейскому управлению во всей огромной стране не нужно было содержать в постоянной боевой готовности несколько отрядов спецназа при среднем и тяжёлом вооружении. А уж штурм бандитского логова с активной перестрелкой и вовсе был для рядовых работников правопорядка в других регионах чем-то запредельным. Но Питер — о да, Питер жил своей жизнью, особенно по ночам. И чтобы не выделяться, нужно было хотя бы немного знать местные реалии. Василь их, разумеется, знал.

Имперский Аудитор ещё раз оглядел дочь своего сюзерена и вынужден был признать — в чём-то Анна была права. Испортить природную красоту шестой наследницы престола никакой одежде было не под силу — после встречи с перепачканной и основательно потрёпанной принцессой в Монгольской степи Соломин был готов подтвердить этот объективный факт под присягой. Зато одежда могла придать внешности… определённый акцент. И вот с этим комплект из приталенной кожаной куртки, плотных узких брюк из тёмной парусины и полусапожек на невысоком каблуке прекрасно справлялся. Кепка, отнюдь не лишняя по местным погодам, отлично дополняла получившийся

образ. Опасная, хищная красота! Сам Дмитрий, стараниями Василя, тоже был одет подобным образом — но его, вот парадокс, можно было скорее принять за какого-нибудь докера, возвращающегося с работы домой. Кстати, случайно встреченная парочка мутных типов, попавшихся на пути к особняку Надыровых, наряд Анны тоже оценила — увидев девушку, вышедшую из-за спины сопровождающего, суетливо перешли на другую сторону улицы.

* * *

Великий князь Надыров прожил долгую и богатую на события жизнь — хоть и выглядел в свои шестьдесят пять лет на пятьдесят. Мог бы и моложе, если бы не ухоженная окладистая борода, блестевшая, в отличие от волос, нитями седины. Вечером в собственном кабинете перед сном Рустам Ахметович, очевидно, позволял себе расслабиться после полного забот дня. Облачившись в расшитый растительными узорами домашний бархатный халат (ценой, как магазин повседневной одежды) он вольготно устраивался в старинном кресле с книгой в руках, время от времени прикладываясь к бокалу с заранее подогретым слугами — нет, никакого вина! — молоком. Вот в таком виде его и застали неожиданные посетители.

— Аннушка?!

— Добрый вечер… дядя Рустам, — зеркало в кабинете имелось, потому принцесса всё-таки увидела своё отражение — и ещё больше расстроилась. — Сразу скажу — лучше будет, если никто не узнает, что я сегодня у вас тут была… И вообще была в Петрограде.

— «У вас», — повторил мужчина за Рюриковой, начисто проигнорировав обстоятельства появления в кабинете собеседницы и её спутника… По крайней мере — внешне. — Я ж тебя с пяти лет знаю, на руках носил. Зачэм обижаешь?

— Как-то сложно «тыкать» в лицо человеку, которого собираешься заставить выбирать между верностью моей семье и государству… Дядя, — со вздохом призналась шестая наследница престола и серьёзно посмотрела в глаза мужчине. — Вы ведь уже не можете не быть в курсе последних событий. Не можете не быть. Так?

— Не думал, что Юрий пошлёт тебя, — не ответив на вопрос, с едва заметным разочарованием отложил в сторону книгу великий князь. — мог бы…

— Никто не посылал, — резко оборвала Надырова

принцесса. — Я здесь по собственной инициативе.

Пожилой мужчина и молодая женщина столкнулись взглядами — оставшийся у дверей в кабинет Соломин почти наяву услышал лязг металла по металлу. Потом князь медленно поднялся из кресла и столь же медленно поклонился.

— Ты знаешь, что я выберу, принцесса, — выделил голосом обращение хозяин кабинета. — Иначе бы не пришла. Только расскажи, что случилось. И кого нужно зарэзать за то, что моя любимица за месяц стала… такой.

Соломину пришлось приложить некоторые усилия, чтобы не измениться в лице. Внешне пожилой мужчина никак не изменился, но тренированный адепт Второго Пути ощутил, как по комнате от его фигуры распространяется ощущение угрозы. Про «зарезать» великий князь выразился отнюдь не фигурально.

— За месяц? — голос Анны едва заметно дрогнул. — Хватило четырёх дней, считая этот.

— Плохой план, — резюмировал Надыров, выслушав дочь Императора. — Дерзкий, резкий, может и успешный — но плохой. Но ведь ты же не откажешься?

— Никто не пострадает, — устало отозвалась Рюрикова.

— Никто, кроме горожан, — поправил девушку великий князь. — Смутные времена настают, в Петрограде и так никогда не бывает совсем спокойно — а тут ещё и ты… Подашь пример «решения проблем».

— Потому никто и не должен знать о моём участии. О нашем участии — и об истинной цели акции.

Аристократ, посмотрев на собеседницу, только покачал головой.

— Ты потом поймёшь… Но я не про завтра начал говорить. То, что ты задумала — перехват управления над «Юаньжоу»… Это получение средства, а нужно устранить причину. — Рустам Ахметович, не увидев понимания на лице Анны, конкретизировал: — Физически устранить. Перекрыть подачу воздуха — и пожар потухнет сам собой. А остальных — потом судить, благо доказательств злого и противогосударственного умысла, как ты говоришь, набралось уже предостаточно.

— Отличный совет, дядя. Только вот, боюсь я не смогу перебить всех заговорщиков самостоятельно, — с мрачной иронией отозвалась шестая наследница Императора Юрия. — Вовремя перебить, я имею в виду.

— И это говорит мне та, кто лично остановила сводную группу войск, предназначенных для захвата Запретного Города, — хмыкнул князь. — Подожди, не возражай. Ты, конечно, не сможешь — но почему ты думаешь, что другие не справятся? Или

ты считаешь, твой отец просто так четвёртый день изображает затворника в центре столицы, усиленно выказывая растерянность и желание хоть как угодно — но договориться?

— Что?.. — Анну словно пыльным мешком по голове огрели.

— Ты сказала, что использовала в Монголии прототип оружия, разработанного Абишевыми. Девочка моя, как ты считаешь, если у них такое в лаборатории (я даже не буду спрашивать, что это было) — чем Тогжан вооружил своих дружинников? Кроме того, уверен, на вассалах тоже не всё замыкается — ведь кроме Лазурного в Запретном Городе есть и иные Дворцы.

— То есть… всё зря? — Надырову удалось-таки основательно выбить собеседницу из колеи.

— Нет, не зря, — внезапно поморщившись, как от зубной боли, признал прямой вассал императора. — Уверен, Юрий очень доволен тем, что ты делаешь. Хоть один из его детей оказался достоин сменить его на троне в будущем. А ещё… Может, это я идиот, а ты права. Может быть, ты единственная, кто вовремя решилась что-то сделать — а остальные старые пердуны, вроде меня, сидят и ждут проявления мудрости Императора… И когда за них выгребут всё дерьмо! Потому — сделаем так, как вы с Радищевым придумали. Хотя мне это очень не нравится.

Заброшенная усадьба в окрестностях Петрограда. Василь Долгин.

5 июня 2016 года, ночь.

Шахович посмотрел на шкалу удерживаемого в руках прибора, на свою «Победу», стоящую с раскрытым капотом (откуда на землю спускались провода), ещё раз на прибор. Тяжело вздохнул.

— Хорошо, молодой человек, вы меня убедили. Отключайте свою шарманку и, ради всего святого, извлеките наконец эту гадость из бензобака моей машины!

— Ну как? — Василю, всё время находившемуся подле парочки специалистов, было в общем-то всё понятно. Удивительно, но план Анны и Михаила Радищева после бесцеремонного вмешательства Вихро не только не превратился в туалетную бумагу — наоборот, действительно стал более надёжным. Что, по мнению спецполицейского, ещё раз доказывало одну прописную истину — чудеса всё-таки случаются. И не за каждым стоит Мастер Пути Духа. Теперь… гхм, «чудо» нужно было довести до практического результата.

— Это ты меня спрашиваешь, «как»? — остро глянул на коллегу сапёр. — Это таки я тебя должен спросить, как скоро эта гадость появится на наших улицах?

— Что, всё так плохо? — немного удивился реакции эксперта Долгин, ожидавший совсем другого вопроса.

— …Я не чую эти «инициаторы реакции», — помявшись, с неохотой признался Авраам Маркович. — Пахнет только электроникой и металлом. Не тот запах, на который залает собака… или я.

— А детектор? — поинтересовался Василь.

— Детектор работает… Если нет широкополосного источника помех, — махнул рукой в сторону капота своей машины Шахович.

Пётр как раз закончил возиться с крышкой топливного бака и сейчас отсоединял провода, идущие от аккумулятора к небольшой плате, блестевшей радиаторами и крупными круглыми шляпками радиодеталей. Тот самый источник помех, собранный Вихро по прилёту в Питер буквально «на коленке».

— То есть поиск всё-таки возможен, только затруднён, — резюмировал следователь. — Ничего, будем справляться с тем, что есть…

— В том-то и дело, что не будем! — эмоционально махнул рукой владелец «Победы». — Детектором можно найти, только если знаешь, что за «вэ-у»[31] ты ищешь. Сигнал радиовзрывателя, работу датчиков минной закладки…

— Так вот почему ты свою «ласточку» для проверки не пожалел, отказался от нашей машины, — дошло до Василя. — В насквозь знакомом устройстве уловить посторонние запахи проще.

— Нет посторонних запахов. Потому я тебя и спрашиваю — как скоро это… Эта. Алхимия. Попадет не в те руки.

— Уже попала, — обрадовал полицейского эксперта подошедший Вихро. — Так что появление — только вопрос времени и, хм, спроса.

— А сама наша затея, Авраам, я вижу, тебя нисколько не волнует? — всё-таки не удержался и спросил Долгин.

— Если всё, что ты мне описал, правда, — хмуро поднял на него взгляд Шахович, — а я что-то не замечал в тебе раньше умения красиво врать друзьям… Если всё правда… Если вы с принцессой Анной не справитесь — через пару-тройку месяцев такие устройства будут хлопать на улицах чаще, чем петарды на ханьский Новый Год. А я таки хотел бы спокойно выйти на пенсию с великолепным послужным списком и мирно пожить для себя и девочек…

— А ты, случаем, не сгущаешь краски, друг? — вкрадчиво поинтересовался полицейский.

— Вася, хороший ты человек, — покачал головой пожилой еврей. — Вот только ты приезжий насквозь и историю плохо учил.

Это Питер, мальчик! Таки поверь старому горожанину: когда кто-то затевает менять правительство — тут начинают рваться бомбы. Славная, но немножко не комфортная традиция. Так что очень прошу — уж справьтесь в том, что вы затеяли.

Петроград. Недорогие съемные апартаменты на окраине города. Дмитрий Соломин.

5 июня 2016 года, утро.

Соломин открыл дверь раньше, чем Долгин успел нажать на кнопку звонка. Адептам Второго Пути, достигшим определённого уровня развития, уже не требовалось смотреть в глазок, чтобы определить, кто пришёл в гости.

— Испытания прошли… успешно, — не дожидаясь вопросов, отчитался следователь. От Дмитрия не укрылась заминка перед последним словом и короткий взгляд, брошенный Василем на физика.

— Хорошие новости.

— Проблемы? — от петроградца не укрылся хмурый вид партнёра по команде и красноватые от недосыпа глаза.

— В намеченном плане проблем не предвидится, Надыров согласился помочь и, уверен, всё сделает… — медленно проговорил агент Лазурного Дворца.

— Тогда в чём дело?

Вместо ответа Соломин кивнул в сторону кухонной двери.

Анна сидела за кухонным столом перед мобильным компьютером — тем самым, что Дмитрий получил от резидента в Чите. Своим принцесса так и не озаботилась — то ли не подумала, то ли просто не посчитала нужным, хотя у Радищевых наверняка были устройства помощнее и посовременнее. Рюрикова попросила ноутбук у Соломина сразу же, как они вернулись от князя, и с тех пор не отлипала от экрана — вот уже часов пять кряду. Только одну за другой опустошала чашки с чаем, которые агент подставлял ей на стол.

— По плану, на месте мы должны быть между десятью и одиннадцатью утра, — пока Василь и Дмитрий молча ждали хоть какой-то реакции от девушки, Пётр бесцеремонно плюхнулся на свободную табуретку и, заложив руки за голову, демонстративно потянулся. — Время ещё есть… Если что.

— Нет, никаких изменений. Продолжаем действовать, как решили. — не отрываясь от монитора, кратко высказалась Анна.

— Тогда нам всем неплохо бы передохнуть оставшиеся несколько часов до начала акции… — разглядывая потолок кухни, предложил учёный.

— Отдыхайте.

— Всем, — с нажимом повторил Вихро. — Особенно тем, на

кого ляжет основная нагрузка.

— Я справлюсь. Достаточно тренировалась, — всё так же равнодушно отмахнулась от мужчины дочь Императора.

— Все справятся, если всё пойдёт, как задумывалось, — протянул физик. — А если — нет?

Долгин и Соломин переглянулись… И промолчали. Пётр уже не раз за последние сутки продемонстрировал потрясающую самоуверенность в общении с окружающими — иногда на самой грани хамства. Вот и сейчас, вместо того, чтобы после полученного два раза подряд намёка встать и уйти, профессор методично продолжал доставать собеседницу. И плевать ему было на этикет и высокое происхождение шестой наследницы престола Империи. В любое другое время Дмитрий, да и хамоватый иногда по долгу службы Василь, подобного отношения к дочери монарха — и женщине, самое главное — не стерпели бы, но… Анне и в самом деле нужно было отдохнуть.

— А ещё можно поделиться с соратниками… тем, что захватило ваше внимание. Одна голова — хорошо, но четыре — лучше, — добившись, чтобы Рюрикова наконец отвлеклась от экрана, невозмутимо закончил Вихро.

Урождённой Хэ-Мин явно очень хотелось бросить в лицо наглецу нечто нелицеприятное, но она сумела удержаться… А потом неожиданно спросила:

— Пётр, вы ведь уже давно знакомы с Далеевым, я правильно поняла? Какие у него реальные шансы выполнить… свою часть задачи?

— Примерно такие же, как и у любого другого неплохого программиста, если бы он оказался в тех же условиях, — пожал плечами физик. — «Юаньжоу» разрабатывали многие люди, но ведь эти же люди и помогают вам сейчас. Остальное, что называется, дело техники. «Железо» к этой технике в распоряжении Егора уже есть, а программное обеспечение мы часа через три пойдём добывать.

— То есть, вы уверены в успехе? — недоверчиво переспросила шестая наследница престола.

— Я уверен, что если справиться с тем, что есть, в принципе реально — Егор справится, — поправил Анну ученый. — А если есть сомнения, то после акции вы можете ещё раз прогуляться к Надырову и выпросить у него хоть весь состав вычислительного центра в полном объёме… Если вы этого уже не сделали без моих дилетантских советов. Никто не удивится, если после случившегося князь на время прекратит работу и отправит своих людей по отпускам. Помогут, если сразу не заработает, подогнать одну платформу к другой.

— Дилетантских… — словно покатала на языке слово Анна и аккуратно закрыла крышку компьютера. Тихий щелчок крохотного магнитного замочка словно эхо прокатился по нервам Соломина — так резко и внезапно повеяло от принцессы смертельной опасностью. — Для лабораторного учёного, занимающегося физикой плазмы, вы, я бы сказала, даже слишком… профессиональны. Ты кто такой, Пётр?

— Я — человек, который хорошо знает историю и немного умеет работать головой, — не менее жёстко ответил Вихро, глядя глаза в глаза Рюриковой. — И я отлично знаю, что бывает, когда власть имущие забывают о своих обязанностях… Вот прямо как сейчас. Не хочу, чтобы мою страну снова подминала под себя алчная шваль — под рукоплескание кучки предателей и баранье молчание толпы!

— Снова?

— А что, все уже забыли, что произошло сто лет назад? Тогда тем более человек, имеющий хоть каплю мозгов, не станет пускать всё на самотёк!

Молодой мужчина и молодая женщина вновь стали давить друг друга взглядом — в этот раз без помощи слов. Странное дело: от Анны волнами расходилось ощущение силы и угрозы — если в этой квартире жили раньше пауки или тараканы, то сейчас они бежали без оглядки — лишь бы оказаться подальше. Даже Долгина пробрало — хотя он и старался не показывать это. А вот Вихро словно прикрывал незримый щит — столь сильную уверенность в своей правоте он испытывал. Впрочем, прекратить спонтанное противостояние он всё-таки решил первым:

— Я учёный… Можете даже обзывать меня «лабораторным» дальше, не обижусь, — не разрывая зрительный контакт, но уже другим, более спокойным тоном сообщил Пётр. — Моя лаборатория — это полигон в десяток километров в поперечнике. Пришлось изучать воздействие плазмы на различные мишени — вот откуда навыки в изготовлении мин из топлива и инициатора. Знали бы вы, сколько я таких канистр подорвал… Что касается, откуда я знаю, что будет делать Далеев — прежде, чем поговорить с вами, он поговорил со мной. Догадаться по вопросам, что именно он задумал, для того, кто в теме работы лаборатории Абишева… Скажем так, было не особо сложно. Тем более, что он у меня попросил… одну специфическую вещь. А что касается… знаний истории, то тут я могу только повторить — не хочу, чтобы моя страна шагнула в пропасть. Неделю назад я знал, что мы отстаём от Запада в прогрессе вооружений и техническом оснащении — но пока скорее потенциально, чем по-настоящему серьёзно. И был уверен, что мы исправим положение — если я

хорошо сделаю свою работу, Михаил Радищев — свою, а правительство Великой Империи — свою. Пять дней — и мы стоим на краю пропасти, нет, уже шагнули за край. И сопротивляется накатывающему хаосу всего лишь маленькая горстка людей, в которую мне повезло попасть. Разумеется, я делаю, что могу. И если уверен, что знаю, как лучше — будьте спокойны, молчать не буду.

Петроград, сквер на углу 1-го Пекинского проезда. Василь Долгин.

5 июня 2016 года, 10:30 утра.

Долгин аккуратно припарковал машину, заглушил мотор. Оглядел салон через водительское зеркальце и, не дождавшись реакции, уточнил:

— Приехали.

Только после этого промолчавшие всю дорогу пассажиры зашевелились и захлопали дверьми.

Василю очень хотелось выругаться — длинно, матерно. Но почему-то на язык лезло только одно слово — то самое, вихровское. «Дилетанты». Дилетанты, мать их так. И ладно бы только троица спутников — не открытие ни разу. Но казак впервые чувствовал непрофессионалом себя — пожалуй, впервые за много лет. И это чувство неимоверно раздражало!

— Дмитрий?

— Направленного внимания не чувствую… На нас никто не смотрит.

— Тогда — ждите сигнала. До встречи.

Анна и стоящий рядом с ней Вихро с сумкой исчезли. Выматериться захотелось гораздо сильнее, а ещё, непонятно с чего вдруг — закурить.

Странный скандал с выяснением отношений на кухне съёмной квартиры закончился едва начавшись — внезапно и ничем. Физик «объяснился» — хотя по мнению полицейского вопросов только прибавилось, как и желания устроить хор-роший вдумчивый допрос одному слишком странному типу. Однако Рюрикову Хэ-Мин сказанное внезапно устроило — и она, кивнув соратникам, действительно отправилась отдыхать. Так и не объяснив причину внезапной тяги к исследованию содержимого сетевых ресурсов. Остальные последовали её примеру — после бессонной, напряжённой для всех, ночи это было лучшим и самым умным решением. Разумеется, потом никакого разговора не состоялось — не хватало только переругаться непосредственно перед делом. Вот только повисшая в воздухе недосказанность ощутимо давила, как не сомневался Долгин — на всех. И идти в таком состоянии на смертельно опасное дело было полным…

дилетанством. Но ничего уже не исправить.

— Пойдём, наша очередь, — сверился с часами Соломин.

Петроград, сквер на углу 1-го Пекинского проезда. Дмитрий Соломин.

5 июня 2016 года, 10:45 утра.

Долгин мастерски припарковал машину — чувствовалось, что город он знает очень неплохо… и, как бы это сказать — с разных сторон. Сам Имперский Аудитор даже не догадался бы, что около обшарпанных зелёных ворот прячущейся под сенью жидковатой листвы городского сквера электроподстанции можно съехать вбок. Колеи в засыпанной жухлым прошлогодним листом земле подтверждали, что подобный манёвр выполняется на этом месте не впервые. Может быть, теми же самыми электриками — короткий асфальтированный заезд в зелёную зону был сделан без малейшего намёка на площадку для разворота.

На городской карте зелёный квадратик терялся среди серых прямо- и многоугольников. Величественный и созданный по единому плану исторический центр города в какой-то момент стал мал Петрограду — и город скачком разросся, охватывая Невскую губу Финского залива, разом поглотив и портовые сооружения, и склады, и мелкие деревушки и посёлки. Получилось, что основные жилые кварталы, построенные после войны, и прекрасные набережные и мосты, перемежались складскими и заводскими зонами. Километры заборов, за которыми торчали пыльные серые и красные коробки производственных корпусов, разноцветные башни и мосты кранов, железнодорожные переезды — а потом, внезапно, парки и жилые дома, или купола красивейшего монастыря. Вот таким был Питер: город контрастов, о которых большинство приезжих на день-два даже не догадывалось.

Весь сквер можно было пройти насквозь минут за пять в любом направлении. Блуждать было просто негде — до оговорённой точки наблюдения перед началом проезда удалось выйти без проблем. Прямой, как стрела, первый Пекинский просматривался прямо из-под деревьев на всю длину — серое ущелье между двумя более светлыми берегами-заборами. Левая сторона казалась совсем скучной — Арсенал Комиссии по Военной Приёмке полностью скрывался за своей оградой, не считая крыши проходной. Только разноцветные пятна автомобилей, припаркованных, как и обещал Вихро, вдоль забора служащими Арсенала, немного расцвечивали унылый пейзаж.

Справа было всё интереснее. Здание вычислительного центра тоже пряталось за забором, однако оно было достаточно высоким — этакая поставленная на попа коробка высотой пятнадцать

этажей. Окон в строении не было, но внешний вид «оживляли» проложенные прямо по внешним стенам коробы кабельных каналов и воздуховодов. Ещё из-за бетонного ограждения выглядывали верхушки исполинских белых сфер — укрытия антенно-фидерного хозяйства, а одна такая же сфера красовалась на крыше ВЦ. Немного в стороне от здания возвышались красно-белые трубы местной ТЭЦ.

— Работает, — сообщил Дмитрию Василь и, в ответ на недоуменный взгляд, продемонстрировал экран телефона. — То есть, не работает. Нет сети, видишь?

Когда систему «Юаньжоу» только разрабатывали, в полный рост встал вопрос — как защитить один из самых важных стратегических секретов страны? Ведь в проекте задействованы даже не сотни — тысячи людей. Пусть непосредственно допущенных к тайнам специалистов гораздо меньше — утечка может произойти на любом уровне. И если с аппаратной частью достаточно просто было оградить персонал, заводы и изделия на складе километрами непроходимой тайги, то с программной частью всё было несколько сложнее и проще одновременно.

— Поэтому мы здесь и стоим, изображая невесть кого, — ровным голосом ответил Соломин, доставая из кармана…

М-да. Больше всего устройство, не снабжённое даже корпусом, напоминало поделку юного радиолюбителя — разве что монтаж элементов был более аккуратным. Ну или, при известном воображении, компактную штуковину в руках Имперского Аудитора можно было принять за некий шпионский прибор — иногда реквизиторы шанхайских киностудий рождали нечто похожее. Сходство усилилось, когда Дмитрий сунул в ухо наушник на тонком проводе и повел торцом устройства в сторону улицы.

— Разведчик враждебного Запада, — с сарказмом прокомментировал полицейский, которому пришла в голову та же ассоциация. — Надеюсь, пока мы тут стоим, не найдётся других дебилов, решивших погулять среди летней зелени, или мои коллеги прилетят сюда раньше времени и совсем в другом составе.

Компания Надыровых, при всей своей лояльности государству, всё-таки оставалась частной структурой. Сам князь и его люди вовсе не горели желанием перейти на военную службу и потерять независимость — хотя бы потому, что «эффективность» подобных спецчастей армии была им хорошо известна. Опять же — одно дело получать зарплату, и другое — доходы с продажи уникального продукта государственной важности. Однако и Министерство Обороны не могло позволить разработчикам и

носителям гостайны обеспечивать безопасность этой тайны собственными силами. В итоге, разумный компромисс был найден — на территории Вычислительного Центра расквартировали особый инженерный дивизион со спецтехникой, организовавший охрану периметра, контрольно-пропускные мероприятия для сотрудников и защиту строений ВЦ от утечек информации.

Дмитрий покрутил в пальцах простейший приёмник лазерного сигнала. Вихро буквально на его глазах спаял импровизированное средство связи из тех же деталей и проводов, из которых собирал устройства управления к инициаторам алхимической реакции. Принцип действия был абсолютно таким же: фотодетектор ловил «зайчик» ИК-лазера — и подавал звуковой сигнал. Лазерный импульс другой кодировки подрывал один из трёх подготовленных зарядов.

Городить огород с оптической связью пришлось из-за защиты ВЦ: генератор белого шума — армейская широкополосная глушилка, установленная под одним из белых куполов, успешно давила любую радиосвязь в радиусе около трёхсот метров, уверенно накрывая всю территорию Вычислительного Центра — и попутно весь проезд, часть парка и здоровенный кусок территории Арсенала. Когда требовалось передать армейским программистам очередной вариант программного обеспечения для «Юаньжоу», глушитель по специальному приказу отключали на строго оговорённое время и информация под контролем военных инженеров на обеих сторонах передавалась по спутниковому каналу. Просто и надёжно. Но при определённых обстоятельствах главное преимущество могло стать и главной уязвимостью…

Сначала Соломин не понял, что привлекло его внимание. Он ещё раз внимательно осмотрел плату, потом поднёс устройство к самым глазам… и неожиданно выматерился вполголоса. Долгин фыркнул — узнал некоторые свои обороты, особенно забавно звучащие в устах обычно сдержанного агента.

— Вот уж не думал, что наше общение на тебя так благотворно повлияет… Сломал, что ли?

— Смотри! — Имперский Аудитор ткнул прибором в лицо товарищу, едва не задев нос.

— И что? — с трудом подавив рефлекс — отшатнуться и ударить по руке, Василь всё-таки стал рассматривать приёмник. — Ка-ак интересно…

— Я прибью этого самоуверенного урода!

— Разбежался. Сначала поможешь мне с допросом третьей степени… А потом я тебе, так и быть, помогу с телом. Я же, как-

никак, местный и профессионал. Мать его…

Каждая деталь лазерного приёмника, каждый транзистор, диод, конденсатор и микросхема были аккуратно промаркированы… на английском.

Петроград, 1-й Пекинский проезд. Анна Юрьевна Рюрикова Хэ-Мин.

5 июня 2016 года, 10:55 утра.

— Я правильно понимаю, что действие заклинания маскировки местные представители Ордена уже должны были засечь?

— Что? — Анна едва не потеряла концентрацию от неожиданности.

— Орден Равновесия, если я правильно понимаю, обязан следить за всеми проявлениями магии и несанкционированные случаи фиксировать и расследовать, так? — не отрываясь от своего занятия, разъяснил Вихро.

Пока принцесса удерживала модифицированную ужатую до семи метров «Сферу», одновременно следя за окрестностями, учёный возился у ближайшей машины. Операция была, в общем-то, довольно простой — опустить активатор алхимической реакции в бак ниже уровня бензина, плату управления закрепить под крышкой заправочной горловины и выставить наружу плоский кружок фотоэлемента. Последнее действие нужно было проделать так, чтобы результат вмешательства во «внутренний мир» транспортного средства был по возможности незаметен — из-за чего оно занимало больше всего времени. С первой машиной Пётр справился молча, а теперь ему — очень вовремя! — вдруг стукнуло поговорить.

— Не знаю, — подумав, всё-таки ответила Анна. — Я вообще не уверена, что существует такая возможность. Лично я чувствую колдовство только в пределах, близких к радиусу действия заклинания.

— То есть, Орден «левую» волшбу никак не контролирует? — удивился физик. — Здесь всё. Думаю, во-он тот чёрный гроб на колёсиках подойдёт.

— Любое проявление магии ещё долгое время можно засечь по остаточным эффектам, — шестая наследница престола двинулась следом за учёным, выдерживая дистанцию в один шаг. — А если в одном месте колдовали много, то последствия будут… видны невооруженным глазом.

— Локальные изменения погоды, спонтанные нарушения жизнедеятельности живых организмов, деформация причинно-следственных связей в деструктивную сторону. «Магическое заражение местности», читал.

— Тогда к чему эти вопросы?

— Дождика нет, воздух свежий, почему не поговорить? — пожал плечами молодой профессор. — Вот и решил уточнить некоторые подробности. То есть, получается, применение магии во время минирования обязательно заметят.

— Заметят, — процедила сквозь зубы магесса.

Дождя действительно не было, хотя плотный слой облаков над головой никуда не делся. Проезд между заборами был абсолютно пуст — не считая автомобилей: служащие что Арсенала, что вычислительного центра приезжали на работу к девяти утра. Однако расслабляться не стоило — в любой момент мог подъехать опоздавший, пройти случайный прохожий или один из охранников из проходных объектов мог выйти покурить. Проезжая часть была достаточно широкой, оставляя свободу манёвра паре диверсантов, а зона маскировки, наоборот, достаточно узкой, чтобы никого не задеть, но… Как известно, бережёного бог бережёт.

— Думаю, аналитики Михаила уже пришли к выводу, что среди наших противников нет и не может быть единства? — Вихро, откинув крышку бензобака последней намеченной машины, непринуждённо перевёл тему. В этот раз Анна решила не отвечать, но профессора это не остановило. — Факт после атаки Рудногорска уже совершенно очевидный. Атака, несмотря на её опасность для жителей города, вывести из игры одного из прямых вассалов Императора точно не смогла бы. Чем сильнее были бы разрушения и больше жертв до того, как батарею отыскали бы и подавили, тем скорее Радищевы включились бы в активное противостояние с силами заговорщиков… Они — то есть в том числе и мы — включились. Что совершенно не выгодно ядру «партии мира» — иначе бы они не тянули время после срыва первой попытки атаки Запретного города.

— К чему вы клоните, Пётр? — если раньше учёный принцессу отвлекал и раздражал, то от последней фразы дочери Императора на открытой всем ветрам улице стало откровенно неуютно. — Мы действуем по указке противника?

— Не конкретно мы сейчас, — правильно истолковал напряжение в голосе собеседницы мужчина. — Тут, я надеюсь, нас не ждут.

— Тогда к чему этот разговор? — Рюрикова и не думала успокаиваться.

— К тому, что неплохо бы… «подкинуть ежа» нашим заклятым «друзьям», правда? Внутренние разборки были бы весьма кстати. Пусть задумаются, кому выгодно то, что сейчас происходит в Империи, заодно и на попытки манипуляции

меньше времени останется.

— Допустим. Но мы могли бы… обсудить всё по завершении акции, — тщательно сохраняя ровный тон, предложила принцесса.

Магия требует значительных умственных усилий — такая особенность у Третьего Пути. Рюриковой пришлось серьёзно напрячься, чтобы заставить «Сферу» ужаться до нужного размера — и это при том, что она досконально знала это заклинание и довольно неплохо представляла, как именно оно работает. Но, даже с учётом заранее проведенной подготовки, «держать» все параметры ограниченного воздействия на реальность было сродни непрерывному решению в уме системы дифференциальных уравнений. Это вам не поддерживать в голове одну затверженную наизусть форму, на что орденцы натаскали своих «расходных» адептов. Если бы не особые, в прямом смысле этого слова мозголомные тренировки в детстве — вряд ли у девушки получилось бы.

Впрочем, рассказывать кому-либо о своих сложностях дочь Юрия не собиралась — не та информация, о которой стоит знать посторонним. Можно было просто попросить говорящего под руку учёного заткнуться — без объяснения причин… Можно было бы, если бы не одно «но». Мужчина вёл себя… слишком последовательно. И явно не просто так. Манеру общения «преподаватель на семинаре» можно было бы списать на эксцентричность, один раз, ну два. Создавалось впечатление, что физик упорно пытается что-то донести до спутников, и время каждого следующего «урока» подбирает вполне расчётливо.

— Анна, а вы в курсе, что пять лет назад из вот этого самого Арсенала несколько граждан Швеции вполне успешно вынесли только что доставленный для проведения тестовых испытаний новейший образец военной техники? — в третий раз за несколько минут «плавно» сменил тему Вихро. — Да-да, прямо из-за вот этого забора вынесли здоровенный такой ящик с армейской маркировкой и пломбами, довезли на машине, погрузили в свой катер и почти успели выйти в Финский залив.

— Нет, — Рюрикова опять справилась с дрогнувшей «Сферой». — Откуда такие сведения?

— От первоисточника, — пожал плечами физик. — Умыкнуть пытались разработку Абишева, а я на него работал некоторое время, если помните. Когда бек догнал похитителей и стало ясно, что перехват — дело нескольких минут, в его катер ударила молния… С чистого неба. Судно Тогжана было уничтожено, сам он получил удар током и едва не утонул, погибло несколько человек из свиты, похитители сбросили украденный прибор за

борт и отделались несколькими часами задержания — предъявить было нечего. Орден заявил, что молния была естественного происхождения…

— В голове не укладывается, — после паузы призналась Рюрикова.

— А у меня, к сожалению, вполне укладывается, — безрадостно сообщил Пётр. — История получила… некоторую огласку, по крайней мере, многим было известно, что Абишев и Орден Равновесия сильно не в ладах. Настолько сильно, что Лазурный Дворец послал своего аудитора проверять лабораторию «Каменный Цветок» — не без основания опасаясь, что разработчик оружия может устроить личную вендетту… В смысле — кровную месть по древним обычаям с применением новейших технических средств. Правда, орден сотоварищи успели ударить на опережение… Или не успели, если судить по результатам применения Агаты.

Анна хлопнула ресницами раз, другой — последняя порция информации словно магнит притянула к себе остальные сведения, которые Пётр методично «сливал» попутчикам на протяжении суток. Сложилось всё — даже странное поведение физика получило своё объяснение, как и причины, по которым информация выдавалась таким образом.

— Когда взрывные устройства изучат, полиция получит доказательства участия заграничных агентов в их подготовке? — только и переспросила Рюрикова.

— Неопровержимые, — подтвердил учёный. — И хороший повод задуматься, на чьей стороне выступать, когда до этого дойдёт.

— Вы… очень неординарный человек, профессор.

— Просто я однажды получил очень хороший урок, — невольно дёрнув щекой, произнёс Вихро. — Хочешь спасти свою страну — ни на кого не надейся, делай сам.

— Я… запомню.

— Очень этому рад, Ваше Высочество.

Петроград, Сквер на углу 1-го Пекинского проезда. Дмитрий Соломин.

5 июня 2016 года, 11:05 утра.

— Сигнал! — Соломин попытался разглядеть кого-нибудь на кажущейся пустой дороге. Тщетно, разумеется. — Повторный сигнал. Они закончили.

— Я пошёл, — отозвался Долгин.

Петроград, кабельный колодец у границы сквера. Василь Долгин.

5 июня 2016 года, 11:12 утра.

Крышку люка основательно занесло листвой и даже немного присыпало землёй — не похоже, что коммунальщики посещали это место с прошлой осени, хотя должны были. Впрочем, казака такие мелочи не остановили. Р-раз — фомка поддевает люк за край, два — и чугунная крышка, помнящая ещё отца государя Романа, откинута. Впрочем, в неглубоком, светлом и почти чистом колодце прадедушку действующего Императора помнили не только люк и стены: кабельное хозяйство, когда-то сделанное на века, до сих пор отменно служило. Правда, уровень защищённости переговоров от прослушивания и подключения тоже был столетней давности — то есть никакой — но ведь никто не жаловался?[32]

Дальше — дело техники: подцепить провод от трубки к нужным контактам распределительной колодки — и можно говорить. Ничего сложного — если схема известна заранее. Трубку Василю вчера передал ворчащий Шахович — просто обычная телефонная трубка, разве что с диском-набирателем и шнуром, заканчивающимся не вилкой, а зацепами-«крокодилами». Ещё в устройстве был «доработан» микрофон — после вмешательства техников полиции он до неузнаваемости искажал голос говорившего. Типовое снаряжение — Долгин мог бы запросто и сам взять его со склада снаряжения в участке… Если бы мог. Ну и разумеется у друга-сапёра нашлась возможность притащить аппарат без лишних вопросов и записей.

— Кшш… вы меня слышкш… те?

— Центральное отделение полиции Петрограда, дежурный Васильева.

— Шш… …минированы… …Пекинский проезд… приезжайте немедлкшшш…

— Кто вы? Назовите себя!

— Доброшшшелатель. У вас кшшнадцать минут. Опоздаете — и будет взкшшш…

— Кто вы? Откуда?! Алло!

Василь сорвал контакты. Позвони он в обычный участок или на общую линию «02» — могли бы прислать обычный наряд полиции, но казак набрал номер, которого не было в публичном справочнике. К звонку отнесутся предельно серьёзно — спецгруппу сапёров сорвут с дежурства уже через минуту — когда посмотрят, что находится на указанной улице. Армейский склад по умолчанию не может не содержать опасных предметов — а уж арсенал военной приёмки… Параллельно пара коллег в сопровождении серьёзных ребят помчится по отслеженному номеру… К месту километрах в пяти от люка — туда, откуда идёт «выцепленная» линия. Отработанная технология — полицейские

сами так дурили бандитов, неоднократно звоня как бы с номера «проверенных людей» и выманивая преступников к месту задержания…. Точку подключения потом, разумеется, найдут — невелика задача сложить два и два: схему кабельных коммуникаций и место вызова. Но время, время… Пара часов в оперативной работе — целая вечность. А специально для парочки особо носатых коллег Авраама Марковича — вот эта горка табака с красным жгучим перцем, и ещё по перчаткам растереть и подошвам…

Петроград, Вычислительный центр рода Надыровых. Рустам Надыров.

5 июня 2016 года, 11:20 утра.

Рустам Надыров, глава великокняжеского рода, инженер-программист по одному образованию и мастер-управленец по другому, кандидат технических наук (до защиты докторской руки до сих пор так и не дошли) мрачно смотрел на матрицу из тридцати плазменных экранов, заменившую в кабинете отсутствующее окно, и перекатывал в ладонях тяжёлый кубик твердотельного блока долговременной памяти. Обычно на мониторы выводилась информация о состоянии и статусе вычислительных узлов ВЦ и этапах выполнения текущих проектных заданий, но сейчас матрица демонстрировала картинки с многочисленных камер наблюдения.

Одной из причин неудовольствия князя было то, что собственно улицу обозревали всего две камеры под козырьком проходной. Остальные смотрели внутрь пространства между зданием и забором, игнорируя происходящее вовне. Огромная дыра в безопасности — причём понял старший Надыров это только сегодня. Куда, спрашивается, смотрели кураторы из собственной службы безопасности войск стратегического назначения Великой Империи? Или вот ещё интересно — на других объектах, включая ракетные базы, ситуация такая же? Подходи к стене кто хочешь, крепи что хочешь, концентрируй силы штурмового отряда. Аннушке, по большому счёту, можно было не заморачиваться с оптической маскировкой, и вообще самой не лезть: зачем, если никто всё равно не смотрит? Или, может, это специальный «подарок» для вычислительного центра Надыровых, заблаговременно подготовленный «добрыми друзьями» из руководства РВСН на всякий случай? С этих, пожалуй, станется…

Сколько Рустам Ахметович руководил доставшимся от отца делом — не было ни одного месяца, когда бы не возникали те или иные претензии от государственного подрядчика к его людям. Наоборот, к слову, случалось ничуть не реже — военные косячили

поставками, присылали «кривые» техзадания, срывали сроки… В общем, ничего необычного для совместной долгой, сложной и кропотливой работы. Тем не менее, знание, что в конце концов все делают одно общее и крайне важное дело, помогало великому князю спускать на тормозах или разруливать конфликты. Однако, теперь он уже не был так уверен, что другая сторона считает так же.

У Надыровых, кроме специализированного под нужды оборонки вычислительного центра, по всей стране было раскидано ещё несколько крупных и более двух десятков мелких частных компаний. Ещё больше было тех, кто работает с программистами прямого вассала Императора удалённо, подрабатывает с основных рабочих мест или просто привлекается время от времени. Достаточная ресурсная база, чтобы оперативно проверить присланное Михаилом Радищевым предупреждение. Вечером, когда Аннушка ворвалась в его кабинет, князь как раз обдумывал сводный отчёт, подготовленный его людьми. Информация, сведённая из разных источников воедино, оказалась настолько шокирующей, что часть его аналитиков впала в натуральную панику и чуть не наделала глупостей, а вторая — просто не поверила собранным данным. Визит принцессы только расставил все точки над «ё».

По компиляции доступных сведений от контактных лиц в ВС ВИ, из Глобальной Сети и по результатам опроса сотрудников на местах получалось, что Великая Империя доживает последние спокойные дни. Шестая наследница престола утвердила пожилого главу рода в точности своей оценки: край обрыва уже остался за спиной, падение началось. Вопрос — далеко ли до дна? Основная часть граждан до сих пор не поняла, что произошло — внешне всё ещё было тихо-мирно, почти везде. На тревожные сообщения из Ундерхаана пресса пока не обратила внимание, обстрел Рудногорска остался «за кадром», но сколько ещё произошло и в ближайшее время произойдёт «инцидентов»? Конечно, кто предупреждён — тот вооружён, но… Под ногами — пропасть, и дна — не видно. Та ещё перспектива.

Единственная надежда у Надырова оставалась на то, что Юрий, в отличие от остальных, прозрел близкий конец заблаговременно и успел подготовиться. Князь верил в своего сюзерена — и на это у него были некоторые основания. Например, виртуозно проведённый манёвр с «прекращением» деятельности Лазурного Дворца — множество официальных и известных агентов оказались предоставленными сами себе, и на месте они сидеть не собирались. За этакой «дымовой завесой» ядро тайной службы могло позволить себе некие… телодвижения.

Опять же, Абишевы, единственный «официальный» боевой кулак среди прямых вассалов Юрия, с началом неудачно начавшегося военного переворота словно растворились в воздухе — что тоже наводило на определённые мысли. Но — всё ли было у Императора рассчитано и подготовлено безупречно? Весь жизненный опыт Рустама просто кричал: «нет!» Именно потому он без колебаний поддержал инициативу Аннушки. Послужит она дополнительным отвлекающим манёвром, давая время собственному отцу или наоборот, сможет добиться успеха там, где другие заведомо проиграли — абсолютно не важно.

Анна, Аннушка… По долгу службы Надырову частенько приходилось бывать в столице, и почти каждый раз он попадал в Запретный Город. Важность цифровых технологий и единого информационного пространства до сих пор многими значительно недооценивалась — но только не Рюриковыми. И создателя концепции имперской Глобальной Сети, Ахмета Надырова, а затем и его сына, при дворе усиленно привечали. В том числе наградили привилегией-обязанностью регулярно общаться с отпрысками самодержца. Маленькая Аня стала любимицей молодого главы рода сразу после знакомства — очень серьёзная, умненькая и рассудительная: прелесть, а не ребёнок! К сожалению, свою страсть она нашла не в науке, не в защите Родины и не в управленчестве, а в изучении магии. Однако, как выяснилось, «бесполезное» увлечение не просто спасло принцессу, угодившую в мясорубку противоимператорского выступления — помогло сорвать планы врагов.

Врагов… Кто бы мог подумать, что он, Надыров, когда-нибудь назовёт врагами тех, кто должен беречь покой Родины и заботиться о процветании и величии народа и земель Великой Империи. Кто бы мог подумать, что добравшиеся до вершин личного богатства, власти и силы смогут вот так просто взять и пойти против основ собственного государства. Словно крыша ополчилась на стены дома! Нужно быть воистину слепыми идиотами, чтобы не понимать столь очевидных вещей и совершать столь самоубийственные поступки! Однако — совершили же… И стали врагами.

Рустам напрягся: на центральном экране перед проходной затормозил приметный фургон в сине-белой полицейской раскраске, следом затормозило ещё несколько машин. Из транспорта стали выпрыгивать вооружённые люди, следом потянулись бойцы в тяжёлом обвесе и шлемах, у одного натягивала поводок служебная овчарка. Трое побежали к проходной его вычислительного центра, ещё двое — к дверям КПП Арсенала. И тут на месте одной из припаркованных поодаль

машин сверкнула вспышка.

Великий князь внимательно выслушал основные детали плана Анны, однако слова не дали всей полноты картины. Гулкий хлопок удара долетел до Надырова через несколько толстых и хорошо изолированных стен, ему даже показалось, что здание ВЦ натурально вздрогнуло. Более того — все уличные камеры одновременно перестали посылать картинку — экраны заволокло рябью помех, к счастью, всего на секунду. Зато спустя эту секунду…

Взрывная волна добралась до камер под козырьком проходной — нужная теперь висела криво, а через стекло пролегла трещина. Людей раскидало как кегли — никто не устоял на ногах. Благо, полицейские почти все были как минимум в бронежилетах и в целом неплохо подготовлены к подобным испытаниям. Машины в том месте, где была вспышка — не было, лишь дымился на пузырящемся асфальте силуэт, стоящие рядом автомобили оказались перевёрнуты, побиты и бодро так разгорались, чадя жирным чёрным дымом. Но что автомобили — не было нескольких секций забора Арсенала! Выжженое пятно эллипсом втягивалось куда-то вглубь территории, и, судя по задымлению, пожар разгорался и там. Началось. Счёт пошел на минуты. Надыров, стиснув зубы, ещё раз посмотрел на то, чему позволил произойти — и, подхватив блок памяти, не оглядываясь вышел из кабинета.

Петроград, 1-й Пекинский проезд. Анна Юрьевна Рюрикова Хэ-Мин.

5 июня 2016 года, 11:30 утра.

Человек, умеющий кидать руками шаровые молнии, просто не может относиться к подрыву чего-либо несерьёзно. Кроме того, принцессу специально учили, как с минимальными потерями пережить близкий взрыв. Потому она без вопросов укрылась за кузовом припаркованной машины следом за Вихро. И не зря. Гулкий хлопок показался совсем не громким, но оглушил даже с открытым ртом и зажатыми ладонями ушами. В них словно ваты набили — впрочем, странная глухота быстро проходила. Машина, за которой они прятались, наподдала в спины бампером и не осыпала стеклом только потому, что осколки повисли на противоаварийной плёночной основе.

Полицейским и охранникам на проходных повезло меньше. Когда Анна и Пётр выглянули из-за своего укрытия, люди только поднимались на ноги — кто мог. И если сапёры отделались в основном лёгкими ушибами — особенно те, кто вовремя надел шлемы, то «обычные» спецполицейские попали под раздачу. «Плазменный» взрыв в теории должен давать значительно меньше

осколков, чем детонация классической взрывчатки, но… Этого «значительно меньше» всё равно хватило. Со своего места Рюрикова увидела, как сначала одного, потом второго служащего, подхватив под руки, потащили к фургону. Кинолог пытался успокоить и поднять вжавшуюся в асфальт и закрывшую морду лапами собаку…

— …ти …лиже.

— Что? — она обернулся к Вихро.

— Надо подойти поближе, — напомнил физик, — отсюда ничего не понять.

— Надо…

Остаться под прикрытием невидимости там, где будут взрываться и гореть машины, пару диверсантов заставили обстоятельства. Во-первых, невидимый невооружённым глазом лазерный «зайчик» можно было послать только в пределах прямой видимости — причём это расстояние сильно упало бы, если бы пошёл отнюдь не редкий питерский дождь. Во-вторых — активировать оставшиеся закладки… Скажем так, если без этого можно было обойтись — обойтись однозначно стоило.

— …«ноль-три» и пожарка будут через пять мину…

— Пошли двоих, кого приложило, но ходят — пусть проследят, чтобы пока мы не закончим — в проезд не совались! Первую помощь окажут — и пострадавших сами подтащим. Тут ещё может быть до. я ё…го г…на!

Офицер, потирая ухо, развернулся к кинологу, стоявшему на коленях над собакой.

— Петрович, что с Крохой? Сильно пострадала? Собака нужна, позарез!

— Контузило её, — не поднимая головы, отозвался сапёр. — Уши чуткие, сами знаете… А ещё её что-то сильно напугало.

— Что-то?

— Запахи, кажется… — специалист не вставая с колен повернулся к командиру и развёл руками. — Продукты сгорания… С этим взрывом что-то не так.

— С этим ё…ным подрывом всё не так! — в сердцах рявкнул полицейский, но тут же взял себя в руки. — Сделай, что можешь, и поскорее. П…ц, как нужно узнать, одна закладка была или есть ещё!

— А Ли?..

— Ничего, — коротко отозвался полковник: Анна наконец разглядела знаки различия на командире оперативной группы. — Шаховича вызвал, да толку от него с соплями? Как простудиться умудрился только, старый носатый ….й? Так что давай, давай, делай что-нибудь: только на Кроху и надежда!

— А детекторы?

Полковник только рукой махнул.

— Глушилка всё ещё работает, — вполголоса оповестил принцессу Вихро.

Пока Анна прислушивалась к диалогу, учёный наблюдал за дальнейшим развитием событий. Сапёры, пусть прошло всего несколько минут, уже успели проанализировать произошедшее и даже сделать выводы — в целом правильные. Двое из них, достав специальное зеркало на длинной ручке, уже осматривали днища стоящих наиболее близко к обеим проходным машин, пытаясь обнаружить прикреплённые там заряды — и получалось это у них на удивление быстро и чётко. Добраться до машин с закладками для них было делом нескольких минут. Конечно, ВУ зеркалом и заглядыванием в салон было не обнаружить, но спецы вполне могли заметить приоткрытые крышки бензобаков, за которыми прятались фотоприемники схемы активации алхимической реакции. Достаточно было понять принцип установки одной «мины», чтобы очень быстро найти и обезвредить их все. Тогда вся операция — насмарку…

— На каком расстоянии мы сможем безопасно для сапёров инициировать реакцию? — так же вполголоса переспросила Петра Рюрикова. Вне «Сферы» их разговор услышать не могли, но в такой напряжённой атмосфере рефлексы брали своё.

— Не знаю.

— То есть как? — Анна резко обернулась к напарнику.

— Я не знаю, сколько именно топлива вмещает бак, и какое оно по качеству, — Вихро, не отрываясь, следил за сапёрами. — Я не очень разбираюсь в мес… в легковых автомобилях. Предыдущий взрыв был слишком сильным, раза в полтора сильнее по моей оценке, чем взрыв канистры с топливом.

— Хоть примерно?

— Двадцать метров… Лучше, пожалуй, тридцать…

Рюрикова на секунду крепко зажмурилась, потом твёрдым голосом приказала:

— За четыре машины — жми на кнопку.

Двери КПП Арсенала распахнулись, выпуская группу военных. Двое старших офицеров в сопровождении капитана в полевой форме и солдат с миноискателями и щупами. Один из старших что-то повелительно проговорил, и трое сапёров трусцой побежали догонять пару полицейских спецов с зеркалом. Эти были вообще без защиты. Думала Анна не долго.

— Сюда, — она без внешнего напряжения одной рукой за плечо втянула профессора за ближайшее укрытие. — Подрывай.

— Но…

— Подрывай!

Вихро выставил из-за машины руку с пультом и замкнул нужный контакт. Перед хлопком взрыва сквозь зажатые ладонью и плечом уши успел услышать, как полицейский полковник от проходной вычислительного центра не своим голосом орёт «бойся!!!» Продвинутый адепт Второго Пути успел почувствовать опасность за секунду до детонации…

Петроград, 1-й Пекинский проезд. Проходная вычислительного центра рода Надыровых. Глава оперативной группы особого отдела полковник полиции Макаров Дмитрий Сергеевич.

5 июня 2016 года, 11:39 утра.

Предчувствия — совершенно особая материя. Зарождаются где-то глубоко внутри головы и растут, растут — пока их не заметишь. Самое поганое, что всегда кажется — чувствовал напряжение, чувствовал опасность уже давно — просто не обращал внимания. И ведь не обратить внимание легче лёгкого — особенно в боевой обстановке. Адепты Духа десятилетиями учатся слышать внутренний голос в любых ситуациях, а для достигших мастерства ближайшее будущее на несколько секунд вперёд и вовсе не загадка. Но то для Мастеров, а вот простым смертным приходится полагаться только на собственную чуткость и скорость реакции.

— Бойся!!!

Один из самых молодых полковников полиции ещё кричал, а тело уже выполняло заученные действия: уйти с линии возможного поражения за укрытие. Если по пути удаётся затолкнуть за преграду находящихся рядом — совсем хорошо…

— БАММ!!! — в этот раз звук взрыва ещё сильнее отличался от всего привычного: словно молотом долбанули по огромному колоколу. Перепад давления врезал по ушам: чем бы не начинили неизвестные свои «подарочки», количества взрывчатки они не пожалели.

В этот раз рвануло ближе — растрескавшиеся стёкла в окнах брызгами разлетелись по помещению проходной, и уцелевшие через одну трубки люминесцентных газовых ламп под потолком дружно лопнули, породив целые каскады искр.

— …! — матерок вырвался изо рта, минуя сознание — на «русском командном» Макаров давно уже не ругался, а разговаривал, правда, только в кризисных ситуациях. Увы, у опергруппы особого отдела кризисной ситуацией был любой вызов. Отчасти потому Дмитрию так легко удалось стать полковником в своём возрасте, да ещё и под началом собственного отца-генерала: совсем не та должность, на которую кто-то сильно стремился. Достаточно сказать, что самого

Макарова-младшего перевели в командиры опергруппы спецотдела после преждевременной кончины предыдущего главы.

Полковник, не обращая внимание на звон в ушах, вскочил — в падении он увлёк за собой своего помощника и капитана инженерных войск, с которым говорил. Точнее, пытался договориться — по словам бойцов охраны именно в его ведомстве находилась стационарная станция глушения, которая не давала задействовать детекторы ВУ. Капитана спешно вытащили с рабочего места подчинённые, но дальше дело не пошло — военный упёрся…

На улице творился сущий ад — в этом Дмитрий убедился с первого взгляда. Неизвестно, была ли в том задумка злоумышленников, или в этот раз заложенный заряд сработал не так, как планировалось — но теперь повреждения заборов были минимальны, зато улица во всю ширину горела. И опять — упавшие и пытающиеся подняться раненые и оглушённые полицейские на асфальте, только теперь к ним добавились фигуры в камуфляже и оливковой повседневной «военке». В отчёте такое развитие событий обычно именуют «ситуация вышла из-под контроля».

Рывком вздёрнув армейского офицера на ноги, Макаров, не особо сдерживаясь, влепил мужику оплеуху. Не самый лучший метод для приведения мозгов в порядок после лёгкого сотрясения и контузии, но за неимением других…

— Выход. Другой выход с территории ВэЦэ есть? — задал полковник самый важный вопрос. Ответ на который он уже знал, но мало ли…

— Н-нет, — сфокусировал глаза капитан.

— Тогда вырубай к …ням свою глушилку, — коротко приказал Дмитрий.

— Н-не м-могу. Без приказа. Трибунал…

— Если из-за тебя погибнет хоть один мой человек, то будет тебе трибунал так и так, — Макаров посмотрел на шеврон на груди мужчины и прочел, — капитан Коренчук Е. А.

— Нужен п-приказ, — офицеру стало лучше, и командир опергруппы оперативно пожалел, что успел укрыть собой этого… Может, потерял бы сознание — глядишь, заместитель оказался бы более вменяемым. Хотя-а… Может, ещё и не поздно? Если стукнуть повелителя электронных потрохов, тот, пожалуй, и заметить не успеет, почему отрубился…

— Где, м…ть, старший сраных оперов? Где?

— Здесь, — обернулся к дверному проёму и новому действующему лицу Макаров. Искавший его визитёр щеголял великолепно подогнанной индивидуального пошива «конторской»

формой благородного оливкового оттенка и полковничьими погонами. Только петлицы слегка портили бравый вид — всё те же инженерные войска.

— У меня на складе Арсенала в ста метрах за забором восемь тонн Вэ-Вэ[33] и тонна хлора в ёмкостях, — не заморачиваясь с приветствиями, сразу по делу рубанул военный. — Делай что хочешь, но больше бахать не должно. Иначе п..ц. И так тушить не успеваем, ещё раз рванёт — и последние, кто рискнул остаться, разбегутся.

— Пожарные будут с минуты на минуту, — пожал плечами полицейский. — Приказать не могу, но рекомендую эвакуацию. Вы не е…тые, у вас запасной выход с территории есть, и не один.

— На …й мне сдались твои пожарные на территории?! Они туда даже не проедут. Сделай свою работу!

— Это вот к нему, — ткнул рукой в капитана полковник. — Вырубит глушилку — заработают детекторы. Собака и «нюхач» ничего не чуют.

— Ты! — мгновенно переключился на новую цель складской инженер. — Вырубай свою ё…ную шарманку!

— Приказ… — побелевший офицер попытался отступить от разъярённого старшего по званию, но не тут-то было.

— Приказ? Дерьмовая твоя башка, будет тебе приказ!

И прежде, чем кто-то успел что-то сделать, упёр молниеносно извлечённый из кобуры пистолет в висок капитана. Сквозь шум с улицы отчетливо прозвучал щелчок снятого предохранителя.

— Рванёт склад — раз…ёт всё вокруг, и твоё хозяйство, и моё. Три сотни двухсотых вместе с полисами. А облако хлора ветерок отнесёт к жилым домам — тут всего километра три и ветерок как раз подходящий. Дальше объяснять, б…? Да лучше я твою гнилую тыкву в хлам раз…у!

На несколько секунд повисло гнетущее молчание, потом капитан технической службы судорожно облизал пересохшие губы и выдохнул одно слово:

— Телефон.

— Арсений, к фургону. Пусть наши из штанов выпрыгнут, но найдут сигналы как только эфир очистится, — глядя, как один из бойцов охраны (при оружии, между прочим, но даже не попытавшийся вступиться за «своего» офицера) подаёт аппарат, приказал Дмитрий помощнику.

Петроград, 1-й Пекинский проезд. Анна Юрьевна Рюрикова Хэ-Мин.

5 июня 2016 года, 11:46 утра.

— Проклятье! Пётр?

— Нет сигнала, — физик продемонстрировал экран

мобильного телефона. Подумал, и, словно извиняясь, добавил: — Если активировать третью закладку, жертвы будут точно.

— Сама вижу, — девушка закусила губу.

Сразу три пожарные машины, проигнорировав высланных блокировать проезд полицейских, въехали вплотную к зоне возгорания и сейчас активно заливали струями пены и воды пожар на территории Арсенала. Успешно или нет — было пока непонятно. А вот что расчётам огнеборцев было неизвестно, так это то, что они встали рядом с третьей машиной-миной.

— Отступаем? — выдержав порядочную паузу и дав принцессе обдумать ситуацию, предложил Вихро. — Всё, что могли…

— Нет, не сделали, — резко мотнула головой Рюрикова Хэ-Мин. Окажись рядом кто из придворных, они бы обязательно отметили, как в этот момент наследница престола напоминала отца. И лицом, и движениями. — Если Надыров не сможет передать программный код — всё напрасно. И диверсия, и жертвы, и пожар.

— Получение программы не даёт гарантии успеха инициативы Егора, — напомнил профессор. — С самого начала получение контроля над «Юаньжоу» было резервным планом. Сделать хоть что-то, пока генерал Мамедов собирает армию…

— А как же «Далеев справится, если дать ему в руки всё, что нужно»?

— Справится, если справиться вообще возможно, — поправил Анну мужчина. — Вероятность высокая, но никаких гарантий нет.

— Гарантий никогда нет. Жизнь вообще не любит что-либо гарантировать. Вот почему нужно бороться до конца. Я правильно понимаю, что плазменный выброс между машинами пожаротушения вызовет огромный выброс пара?

— Если к тому моменту вода останется — да…

— Отлично. Подойдём поближе, синхронизируем по времени мой удар и взрыв. У меня достанет сил и на забор вычислительного центра, и на оборудование за ним.

— Останется чётко видимый след…

— К чёрту след! — оборвала собеседника Анна. Выдохнула, и продолжила почти нормальным голосом: — К чёрту. След. Пусть думают, что хотят, всё равно по твоему дополнению к плану акции в содеянном должны заподозрить Орден? Что лучше указывает на орден, как не след боевой магии?

— Орденцам незачем атаковать Вэ-Цэ… — развёл руками Пётр.

— Мало ли, что пришло в голову фанатикам? В любом случае — ничего лучше сейчас уже не придумать. Готов действовать? Как

ты там говорил: «хочешь спасти государство — сделай это сам»?

— …Да, я готов — после небольшой паузы отозвался учёный.

— Отлично. За мной!

— Стой! — выкрикнул в спину Рюриковой Вихро, машинально взглянувший на экран всё ещё сжимаемого в руке мобильного. — Сеть! Есть сеть! Глушение сняли.

— …Слава богу на небесах… — тихо отозвалась Анна. — Всё, уходим.

Послушно двинувшийся за девушкой физик сунул в карман телефон, посмотрел на пульт управления инициаторами реакций, зажатый в другой руке, как на ядовитую змею. С усилием разжал пальцы, перевернул прибор, убедился, что Анна не собирается оглядываться — и быстрым движением вытащил батарею питания из гнезда. Миг — и элемент питания по крутой дуге полетел куда подальше.

Петроград, Вычислительный центр рода Надыровых. Рустам Надыров.

5 июня 2016 года, 11:49 утра.

Комната управления защищённой спутниковой связью в вычислительном центре открывала свои двери только по особым дням — тогда, когда программисты князя отсылали в лабораторию РВСН при Министерстве Обороны новую версию управляющей программы для узлов «Периметра». «Ритуал» каждый раз строго соблюдался: в нужный день приезжала приёмная комиссия, при ней прогонялся финальный тест «прошивки», после чего представители заказчика и изготовителя подписывали акты, расписывались в протоколе — и только после с двери комнаты связи снимали пломбы, тоже под опись и осмотр. В заранее доведённый до дивизиона технического сопровождения «объекта» приказом командования РВСН и подтверждённый подписью министра обороны момент станция глушения выключалась (подписи в протоколе, осмотр пломб, снятие пломбы с рубильника питания) и передача проходила.

Наверное, более защищённую схему представить себе сложно: два независимых уровня защиты от электронной утечки информации — контроль единственной доступной системы передачи данных и контроль станции глушения радиосигнала. Между передачами у дверей комнаты связи на посту непрерывно днём и ночью дежурил боец. Сотрудники лаборатории на втором контрольно-пропускном пункте внутри здания вычислительного центра полностью переодевались, оставляя всю гражданскую одежду в шкафчиках, включая нижнее бельё. Между внешней и внутренней раздевалками — проход через рамку металлоискателя и рентгеновский сканер: не слишком полезно,

но безопасность стратегических данных была дороже. Переодевались и сканировались все — никаких исключений ни для кого. Даже для князя. Даже для дежурного на посту. Даже для комиссии, когда та приезжала. Идеальная защита… казалось бы.

Рустам не торопясь поднялся на два этажа выше и своим ключом открыл дверь подсобного помещения. Закрыл за собой. Прихваченной отверткой поддел фальшпанель, за ней открутил восемь болтов и снял крышку сервисного канала. Улыбнулся, разглядывая десятки кабелей и проводов, возносящихся от подвала к крыше. Для постороннего разобраться было нетривиальной задачей, но инженеру уровня великого князя Надырова не требовалась даже схема — он просто видел, какая из линий за что отвечает. Возраст — не шутки: не только необходимость пить подогретое молоко по вечерам вместо излюбленного грузинского красного вина, но и гигантский личный опыт. И сейчас этот опыт стремительно конвертировался в результат.

Паяльник, кусачки, плоскогубцы и несколько мощных резисторов с заранее подобранной нагрузкой — и вот уже пульт в комнате связи «управляет» не системой высокоскоростной защищённой связи, а эквивалентной нагрузкой. Ничего особенно сложного, если ты лично успел тридцать лет назад поучаствовать в разработке этой самой системы. Мобильный компьютер, к нему — конвертер сигнала, а к конвертеру — фидер установленной на крыше «тарелки»: все приборы на полчасика позаимствованы с второстепенных тестовых стендов, на которых проверяется работа ПО. Ещё несколько резисторов, теперь уже переменных — и управление шаговыми двигателями, поворачивающими спрятанную под белым куполом на крыше антенну, тоже перехвачено. Осталось последнее — нацелить связное устройство на нужный «гражданский» (на самом деле — двойного назначения) спутник связи, дождаться отклика от принимающей стороны — и слить результат многолетней работы всего коллектива ВЦ с кубического твердотельного накопителя удалённому получателю в Восточной Сибири. Всего десять минут передачи — и все данные на той стороне. А, и да — теперь не забыть переподключить всё назад, как было…

В свой кабинет великий князь вернулся сорок минут спустя. Убедился, что за время его отсутствия глушилку так и не включили — через единственную уцелевшую внешнюю камеру можно было видеть, что полицейские всё ещё работают, никого не выпуская с безопасной территории центра. Что ж, тогда можно просто посидеть и поскучать в кресле: заслужил. Или, хм, «заслужил»? С Путями у Рустама не очень сложилось — освоил

основы родовых техник Пути Воина и немногие полезные и простые в освоении навыки начал Духа — а на большее просто не оставалось времени. Молодой Надыров горел желанием служить своей Родине — не просто служить, но принести ощутимую пользу. Принёс. А сейчас, если смотреть формально, перечеркнул, предал все свои обязательства — нарушил подписки, самовольно распорядился секретом государственного уровня…

Пожилой князь сосредоточился, прислушиваясь к себе… и, не сдержавшись, совсем несолидно фыркнул. Перечеркнул, сожаление — кого он обманывает? Именно здесь и сейчас он чувствовал себя на своём месте: в сложный для Родины час сделал всё, что мог, чтобы её спасти. Когда-то в детстве он мечтал пойти по стопам отца и деда, сразиться с врагами Империи лично — ужасно героическими ему казались рассказы о Великой Войне. Потом папа лично втолковал юнцу, что скакать на лихом коне под пушечным огнем с шашкой в руке в контратаке — далеко не самый лучший способ проявить доблесть. Можно сделать гораздо больше — нужно только приложить свой ум и талант там, где надо. Всегда, все годы после того разговора с отцом Рустаму казалось — можно было бы добиться и большего… А теперь всё: выбор сделан, сторона принята — впрочем, видя происходящее, колебаться было глупо.

Надыров ещё раз бросил взгляд на мониторы: дым, суета, высверки полицейских «люстр», разноголосица сирен. Прошедшая через маленький персональный ад Аннушка без колебаний втравила в отвлекающий манёвр десятки людей, и не все пережили произошедшее без потерь. Девочка сильно изменилась, хотя внешне это было пока не очень заметно. Что ж, Юрий воспитал себе достойную смену… Хотел он того или нет. Такому сюзерену служить — честь множить. Устроившие Великой Империи новую эпоху перемен видно забыли, чем всё закончилось в прошлый раз. Забыли участь лежащей в развалинах Европы, всего лишь пожелавшей воспользоваться настроением внутри его страны. Что ж, Дракону вновь предстоит показать себя миру во всей красе — и он, Рустам Надыров, оказался в числе тех, кто первым поднял для этого оружную руку… А что не с шашкой, а с паяльником — так время сейчас такое.

Эпилог

Я поймал себя на том, что уже никак не меньше минуты держу палец над клавишей «ввод», бездумно пялясь в экран. Никаких причин для задержки не было, но… Да, просто устал, наверное… Я убрал руки с клавиатуры, потом вообще встал. Потёр веки, потом на пробу махнул руками вперёд-назад: оказывается, у меня и плечи затекли. Наткнулся взглядом на циферблат круглых настенных электрических часов и вяло удивился: три часа ночи, надо же. Получается, я провёл в лабораторном помещении, выделенном мне родом Багратионов… Да, полных двенадцать часов. И всё это время работал. Н-да, пожалуй, в ближайшем будущем надо по возможности удержаться от трудовых подвигов — иначе всё это добром не кончится. Не в бирюльки играю. Совсем не в бирюльки. Надо отдохнуть. Ну или хотя бы отвлечься ненадолго.

На рабочее помещение Багратионы не поскупились: выделили ровно треть огромного, в два этажа высотой, ангара. В рабочем пространстве в наличии были столы, стулья и стойки под сборку тестовых стендов с уже проложенными шинами питания и сетевой обвязкой: видимо, до нашего приезда тут работал отдел контроля качества или что-то вроде того. Сейчас же вся территория была в моём полном и единоличном распоряжении. И даже более того, ведь середина ангара была занята под склад готовых изделий, и доступ у меня к нему тоже был свободный. Конечно, собранные, проверенные и готовые к работе вычислительные узлы «Периметра» шли строго по учёту, как и их компоненты — почти что боеголовки ракет, и хранились они где-то отдельно. Зато всё остальное — кабели, блоки памяти, периферия, переходники, мониторы, клавиатуры и ещё добрую сотню наименований можно было просто пойти и взять в любом нужном количестве. Без спроса и не заполняя отчётные ведомости.

После того, как хозяева города определились с помещением, мне выделили две процессорные сборки — для проведения всех необходимых действий этого было вполне достаточно. Бонусом к чистоте, тишине и кондиционированному воздуху шёл чай в огромном термостате — за что княжеским людям нужно было сказать отдельное спасибо. Именно благодаря этому прекрасному тонизирующему напитку я смог, почти не отвлекаясь, делать своё дело. Что ж, если и могли в теории существовать более идеальные условия работы — я их представить себе не мог. Осталось только оправдать затраченные усилия. Все затраченные

усилия.

Ничего сверхъестественного от меня не требовалось. Ни писать гениальный код, ни взламывать криптостойкое шифрование. Не знаю, везением ли можно было случившееся назвать, или судьбой и предопределенностью, но всё, что нужно для успешного перехвата контроля над «Периметром», у меня уже было. Последний компонент — оригинальное программное обеспечение узлов «Юаньжоу» — Анне удалось достать в рекордные сроки: меньше чем через сутки после прилёта в Северск-на-Вилюе мы получили нужные данные от великих князей Надыровых из Петрограда. Сразу после этого началась моя работа.

Кроме меня в ангар сначала допустили Ирис, Светку, Жаргал и княжича Кирилла Радищева с наследником рода Багратионов. Они мне даже помогли с подключением кабелей — в несколько пар рук с этой работой справиться получилось быстрее. К сожалению, дальше мне пришлось сплавить всех, кроме подопечной, и впрягаться самому. Время играло против нас — против всех нас, всей Великой Империи, и позволить себе отвлекаться и объяснять, зачем я делаю какое-то действие, было некогда. Да и, честно сказать, ничего особо интересного для неспециалиста больше не происходило — если не считать временного присоединения андроида к стендовой системе кабелем. Просто сидит парень за компом, смотрит в разные мониторы, время от времени что-то набирает на клавиатуре — и всё.

На самом деле, как я и сказал, мне нужно было просто собрать готовое решение из разных кусочков — как мозаику. Из «родного» ПО «Юаньжоу» мне нужна была специализированная операционная система реального времени — тот набор утилит, что отвечал за связь между узлами, загрузку обновлений и прочие служебные вещи, вроде включения-отключения, протоколов шифрования трафика, подключения внешних устройств и всего такого прочего. Собственно, модуль аналитики, можно сказать, мозг «Периметра», шёл выделенным блоком — абсолютно так же, как изначально было сделано у Агаты и Ирис. Сходство изначальных задач (сложный анализ больших массивов данных и ограниченность принятия решений во времени) дало сходное решение. А то хрена с два Маркулову удалось бы адаптировать БИУС вертолёта к новой платформе.

Ещё одной проблемы удалось счастливо избежать благодаря получению ПО непосредственно от разработчиков. В виде установленной программы вскрыть великолепное творение программистов Надыровых у меня вряд ли получилось бы за

некие вменяемые сроки — скорее, вряд ли получилось бы вообще. Была бы та же проблема, что встала перед прошедшими Вратами Белой Лебеди вихревцами, внезапно обнаружившими, что благодаря одному… немного слишком увлекающемуся коллеге они остались без важной части исходного кода. Повезло мне тогда скинуть возраст столь радикально — на ребёнка рука у отставных офицеров не поднялась…

Ещё одной проблемой мог бы стать исходный код когнитивных модулей «камня» и «цветка» — ведь это тоже программы в составе единой операционной системы, и «заточены» они были для БИУС наземного и воздушного автономных модулей. Однако, как я внезапно узнал у Вихро, мой наставник сделал платформо-независимую версию этого программного обеспечения, которой профессор успешно пользовался для научных и не очень целей (как я подозревал, в основном для второго). По моей просьбе Пётр Осипович переписал мне эти нужные файлы. Ну а самое ценное — базы данных когнитивных модулей, то есть по сути мозг, память и наработанный опыт, я взял непосредственно у авторов. У подопечной прямо скачал, а из БИУС дрона-вертолёта пришлось долго и нудно скачивать через узкий «бытовой» спутниковый канал модема Агаты. Скачал. Даже успел до того, как нашу «умную» люди Радищевых начали перегружать с железнодорожной платформы на тридцатитонный грузовик, чтобы доставить ценный воздушный юнит в лабораторию Вихро в Рудногорске…

Не скажу, что сопрягать лишённую блоков аналитики кластерную распределённую ОС «Юаньжоу» с когнитивными модулями разработки «Каменного цветка» было просто. Но и не запредельно сложно — если, конечно, иметь некоторые нужные навыки в программировании. Согласовать порты ввода-вывода информации и формат обмена данными, убедиться, что одни утилиты не конфликтуют с другими, перенести все нужные библиотеки, написать пару конвертеров форматов потока данных и один драйвер… собственно, я всё это уже сделал. Осталось только запустить сборку и установку системы для первой проверки на одном из тестовых вычислительных узлов. Именно на этой операции я и…

* * *

Идея, как переподчинить одну из самых защищённых компьютерных систем, созданных человечеством этого мира, на самом деле была очень проста и изящна. Раз «Юаньжоу»

самостоятельно проверяет предложенные обновления собственного ПО и самостоятельно же их тиражирует на все узлы, если проверка окажется успешной, то нужно просто этим воспользоваться. Аналитические возможности Агаты и Ирис явно и очевидно превосходят таковые у пусть и у сложной, но гораздо более слабой в плане возможности саморазвития системы — то есть можно заранее гарантировать, что обновление будет принято. Главное, чтобы прошла проверка низкого уровня — на коды безопасности и прочее, чего без файлов от Надыровых сделать было просто невозможно.

«Подводных камней» у моего решения было два. Первый — включение «заряженного» узла «Периметра» в общую систему. Существовал определённый порядок действий для расширения действующего вычислительного пула, и, как можно было догадаться, завязан этот процесс на армейских специалистов и специальную структуру в составе РВСН. Впрочем, именно этот этап был заключительным во всей операции по перехвату контроля над «системой мёртвой руки» и меня сейчас не особо касался — сначала нужно было получить рабочую версию ПО узла, а потом уже думать дальше. Да и не моя это задача, явно. Мне бы своё сделать. Здесь крылся подводный камень за номером два.

Как я уже упоминал, у «Юаньжоу» были собственные низкоуровневые протоколы безопасности — обойти их было нельзя, иначе узел с новым программным обеспечением просто не будет включён в систему. Именно эти протоколы отвечали за возможность «Периметра» получить прямой приказ от владельца терминала-«ядерного чемоданчика». Таким образом, весь перехват контроля заключался не в том, что принцесса или я сможем отдавать системе приказы, а что «Юаньжоу» сам за счёт более продвинутого ПО примет нужное для нас решение. Причём сам, это значит, что реально сам. Если у «цветка» и «камня» я был прописан как один из администраторов и оператор, и мои решения и приказы они не могли подвергнуть сомнению, то над программной сборкой для «Периметра» я уже власти не имел. И никто не имел и иметь не будет, пока мятежные генералы не договорятся с преданным ими Императором — иначе новые «чемоданчики» взамен скомпрометированных просто не зарегистрировать.

То есть, я повторюсь, весь мой расчёт строился на том, что «система мёртвой руки» самостоятельно и активно поддержит ту силу, которая спасает страну, а не разрушает. Нас. То есть Анну и, возможно, Юрия. Звучит, как не очень научная фантастика пополам с какой-то уже прямо-таки мистикой… Но только не для

тех, кто лично наблюдал за действиями Агаты и Ирис. Чувствуете, чем пахнет? Да, я тоже вспомнил словечко «Скайнет». Хорошо, что в этом мире не придумали и не сняли «Терминатора»!

На самом деле, реального выхода из-под контроля «Периметра» можно было не бояться — базовые установки были прописаны в операционной системе узлов на более низком уровне, чем блоки аналитики. Тем более, что проверить, какое решение программная сборка примет, было проще простого — спросить, пока программа будет запущена на стенде и ничем не управляет. Элементарно, правда? Вот эта-то «простота» и заставила меня затормозить перед запуском.

* * *

Кто занимается программированием, не важно, на любительском уровне, для души или профессионально зарабатывает этим хлеб насущный, знает — сразу получить нужный результат удаётся крайне редко. Просто потому, что учесть всё сразу даже в, казалось бы, элементарных программах — сложно. Именно потому за стадией создания программного продукта идёт гораздо более длительная, часто мучительная отладка. А теперь представьте себе проверку работы огромного массива данных, сгенерированных когнитивными модулями Ирис и Агаты!

Пока мы бежали из Монголии, пока пытались прийти в себя и понять, что делать дальше в доме агента Лазурного Дворца в Чите, пока летели из Иркутска в Братск, пока решали, как перехватить инициативу и победить «партию мира» в Рудногорске, пока принцесса добывала у Надыровых файлы, а я готовил рабочую площадку у Багратионов — всё это время две автономные платформы анализировали, делали выводы, обменивались полученными результатами и вновь анализировали происходящее. А ещё перетряхивали Глобальную Сеть снова и снова для поиска ответов на вопросы, которые, по большей части, сами себе и ставили. Трое с половиной суток чистого времени — это когда Сеть была доступна — а результат… Пока я копировал данные у подопечной, решил заглянуть в структуру связей — благо, наконец-то условия позволяли это сделать не на планшете одним глазом. Посмотрел… И едва не «завесил» графический интерпретатор — это на лабораторном мощном терминале.

Привычный мне формат в виде блоков-данных и связей между ними теперь стал абсолютно бесполезен. Раньше можно

было, меняя масштаб, отследить общие тенденции в работе когнитивных модулей, теперь же на любом уровне детализации я видел одно и тоже. Дайте котёнку клубок пряжи побольше и оставьте наедине с ним часа на два. Получившийся результат будет очень примитивной, но вполне достоверной моделью. Залезть в «мозги» «цветка» и «камня» я по-прежнему мог без проблем, а вот понять — шайтана с два. С другой стороны, особой неожиданностью увиденное для меня не стало. В конце концов, я ведь наблюдал все этапы процесса… гм, самообучения. Но понимание причин — одно, а невозможность повлиять (и не сломать) — совсем другое. В итоге получалось, что если программная сборка не заработает — велик шанс, что я не смогу ничего с этим сделать. Этакая игра в русскую рулетку, мать её!

Я опять уселся за стол, придвинул к себе клавиатуру и стал буравить взглядом кнопку «ввод». Момент истины. Момент истины, которого не должно было быть…

…Ирис тихо подошла к моему рабочему месту, аккуратно поставила вновь наполненную чашку с чаем. В последнее время она, если размеры помещения позволяли, не устраивалась где-нибудь в стороне, как раньше, а свободно перемещалась, иногда беря в руки тот или иной предмет. Ухаживать за собой я тоже ей не приказывал, но после того, что она устроила за барной стойкой в холле апартаментов в Рудногорске, использование термостата ничуть не удивляло.

— Я помогу… — вдруг произнесла «цветок».

— Угу, спасибо, — я потянулся к чашке, сделал глоток и только тут до меня дошло, что она сказала. Не «я помогаю» и не «тебе помочь?», а…

— Поможешь? Вот с этим? — я ткнул пальцем в сторону экрана.

— Да, — нехарактерно-коротко ответила она.

— И как?

Вместо ответа андроид повернула соседний экран, на который всё ещё была выведена схема связей. На моих глазах часть путанной структуры окрасилась в другой цвет — Ирис молниеносно выделила нужные блоки. Последней появилась поясняющая надпись:

«Ассоциативная ветвь (глубина: 6): „кошки“»

— И давно ты так… можешь? — после долгой паузы только и спросил я.

Ирис и Агата умели работать с собственными когнитивными базами, разумеется — но исключительно, как бы это корректно выразиться… изнутри. Примерно так же, как мы можем работать с собственной памятью и сознанием: извлекать нужную

информацию, анализировать её и запоминать результат. Продемонстрированное мне подопечной, если опять сравнивать с человеком, было чем-то вроде… сеанса психоанализа? Да, наверное так.

— Со вчерашнего утра.

— Со вчераш… — в моей голове словно молния сверкнула — я понял, что за событие «цветок» имеет в виду.

Я пытался совместить, что я знаю об «Юаньжоу», со своими собственными знаниями и навыками. Исчеркал кучу листов схемами, диаграммами и таблицами — просто так в голове всё нужное одновременно не помещалось. А потом по этим схемам втолковывал понятое Анне — подробно, «разжёвывая» непонятные моменты. Ирис, правда, в этот момент развлекалась с заваркой и кипятком, но слышать всё ей это не мешало, а сопоставить аудиоряд и картинку из видеопамяти для заточенной под разведку и диверсии машине труда не составило. И сделать выводы. Вот как она поняла, что именно меня сейчас тревожит — не знаю, насколько, но она поняла, как я думаю. И смогла сопоставить поведение и источник. Более того, получается, она поняла, как она сама… Да, именно это слово. Не «работает», не «устроена». Думает. «Я мыслю, следовательно, я существую», так? Самосознание — это то, что отличает человека от животных. Ну здравствуй, первый в этом мире искусственный интеллект. Нет, не просто интеллект — искусственный разум. Случайно созданный группой энтузиастов-попаданцев при попытке сделать достаточно совершенную машину для убийства себе подобных. Вот и не верь после этого расхожим литературным и киношным штампам…

— Помощь будет очень кстати, — медленно проговорил я и нажал наконец «ввод».

notes

Примечания

1

Слово «Пекин» сложносоставное и переводится как «столица-на — севере». Кстати говоря, «Токио» переводится как «столица-на-востоке».

2

Привилегированный закрытый квартал для государственных служащих самого высокого ранга, историческое название сохранено. Недвижимость принадлежит государству и является памятником культуры и архитектуры, но при этом продолжает исполнять фактически те же функции, что и последние три сотни лет. В основном используется как «квартиры на рабочую неделю» — выходные чиновники стараются проводить в своих загородных поместьях и домах.

3

В нашем мире первый Зимний Дворец, построенный для Петра Первого, носил именно такое название.

4

В Древнем Китае в период его расцвета чиновником мог стать даже ребёнок голоногого крестьянина — удивительная демократичность по тем временам. Однако экзамены были далеко не каждому по плечу и требовали кропотливой подготовки: нужно было знать наизусть законы Поднебесной и труды философов, обладать безупречной каллиграфией и литературным слогом. А так же… уверенно держаться на быстро скачущей лошади и без промаха стрелять из лука!

5

«Юаньжоу», или по-русски «Периметр» — автоматизированная глобальная система ядерной безопасности Великой Империи, также известная под названием «Система „Мертвой Руки“». Построенная на автономных вычислительных узлах высокой производительности подземного, наземного, морского, мобильного и космического базирования распределенная вычислительная сеть на основании данных, полученных как от сторонних, так и из собственных источников (космическое наблюдение, спектральный анализ, массовый вход боеголовок в атмосферу, дозиметрия и т. п.), может без участия человека принять решение о применении стратегического ядерного оружия. Система «Периметр» существует и в нашем мире, в России.

6

Пресловутый «Ядерный чемоданчик», ключевой пульт применения стратегического ядерного оружия, существует, разумеется, не в единственном экземпляре. Как и в РФ, в ВИ подобных пультов три (президентский, премьерский и у министра обороны — в РФ, в ВИ Верховный Главнокомандующий военного времени Император — потому пульт у него).

7

«Компьютер» — одно из редких заимствованных слов в языках Великой Империи. Дело в том, что слово «вычислитель» к моменту массового внедрения микропроцессорной техники твёрдо ассоциировалось с аналоговыми вычислительными машинами, очень популярными до того момента в ВИ во всех механизмах автоматизации. По той же причине не появилась аббревиатура «ЭВМ» — аналоговые вычислители тоже построены на тех же электронных компонентах: сопротивлениях, индуктивностях и т. п.

Именно так и произошло в нашем мире: это к вопросу о «стране-бензоколонке» и «сырьевой экономике». Опять же, пример Китая, интегрировавшего себя в западный мир настолько, что теперь Юго-Восточная Азия является неотъемлемой частью 70 % любых производственных цепочек в мире, от радиодеталей до космических кораблей — тоже весьма показателен.

9

Аллотропия — проявление разных свойств (химических, электрохимических, электропроводных и т. д.) простых веществ, построенных из одних и тех же атомов и различающихся только пространственной организацией структурных химических связей. Углерод — наиболее известный пример: графит и алмаз два самых известных аллотропа этого вещества, однако количество форм значительно шире. Некоторые ал. формы могут проявлять полупроводниковый эффект при проведении электрического тока (графен и т. н. углеродные нанотрубки), что делает углерод перспективным материалом для создания электронных компонентов процессоров и другой электроники.

10

Изделие «Осока» — компактная мобильная станция радиоэлектронной разведки и борьбы, разработка КБ Абишева. Входит в состав АВМ, подробнее можно прочесть в «Техническом Задании».

11

«Журавль» — жаргонное наименование тяжёлого военно-транспортного самолёта армии ВИ. Ближайшим аналогом в нашей реальности является имеющий собственное имя серии Ан-124 «Антей». Особенность тяжёлых транспортных и пассажирских бортов — посадка возможна только при определённом (небольшом) объёме топлива на борту. Если по каким-то причинам большому самолёту нужно сесть раньше намеченного по плану, пилоты вынуждены или сбросить топливо, или банально сжечь, наматывая круги над точкой посадки иногда по нескольку часов.

Примерно такую работу проделала известная лаборатория Boston Dynamics из Массачусетского технологического института. Причём последние (и самые крупные) успехи были достигнуты после того, как лабораторию в 2013 году купила Корпорация Google и обеспечила нужный уровень финансирования: https://youtu.be/cDSJgwCZKGs

13

События подробно описаны в первой части книги «Техническое задание».

14

Правильное название летнего армейского головного убора с козырьком — именно «кепи», а не просторечное «кепка».

15

Цецег — монг. «цветок». «Фамилию» придумал Егор, когда Ирис играла роль лаборантки «Каменного цветка» в ходе обучения программы социальной мимикрии. Подробнее об этом эпизоде можно прочесть в «Техническом задании».

16

«Монгольская правда» — реально существующая в нашем мире газета. Издается с 1925 года.

Об этом подробнее можно прочесть в первой части «Технического задания». Егор называет углеродный процессор «вечным» потому, что полупроводники на основе кремния под действием электрического тока постепенно деградируют, меняя свои электрические свойства.

18

Реальный факт.

19

Подробно о прошлом Василя Долгина можно прочесть в книге «Техническое задание».

Проблема в том, что самая восточная часть Транссиба идёт через горные массивы, превращая любую модернизацию путей в баснословно затратное и очень сложное технически мероприятие. Даже сейчас в Российской Федерации есть короткие участки транссибирской магистрали, где движение идёт только по одному пути.

21

Петабайт = 1024 Терабайта.

22

IMEI (англ. International Mobile Equipment Identity — международный идентификатор мобильного оборудования) — число (обычно 15-разрядное в десятичном представлении), уникальное для каждого использующего его аппарата. Применяется в сотовых телефонах сетей GSM, WCDMA и IDEN, а также в некоторых спутниковых телефонах.

23

Тут имеет место очередное совпадение названий: «Хюлю» — кит. «Гиацинт». В нашем мире на вооружении российской армии тоже есть самоходная артиллерийская установка с пушкой 2С5 — «Гиацинт-С». Максимальная дальностью прицельной стрельбы этой артсистемы как раз 33,1 км.

24

Сленговое название БТР, принятое в армии.

25

Машины БТР-80 нашего мира обычно снаряжены спаренной пулемётной установкой, где вспомогательный калибр 7,62 (противопехотный) и основной 14,5 (против легкобронированной техники и низкоскоростных низколетящих воздушных целей)

26

ППД — Пункт Постоянной Дислокации, место, где армейская часть расквартирована между учениями и боевыми действиями (когда не развернута, то есть).

27

Имеются в виду закрытые научно-исследовательские институты, работавшие на нужды оборонной промышленности, конструкторские бюро и опытно-производственные базы. Большая часть таких учреждений в СССР выросла из созданных при Сталине во время Великой Отечественной Войны Особых Технических Бюро (ОТБ) и Особых Конструкторских Бюро (ОКБ), где добровольно-принудительно собирались нужные специалисты, в том числе и ранее репрессированные: оттого «шарашка». «Ящик» — более позднее неформальное обозначение, появилось потому, что при переписке с подобными организациями вместо физического почтового адреса указывался только номер абонентского почтового ящика.

28

Хочу заметить, что в нашем мире проектор был бы электронный, а чертёж в CAD'е транслировался с ноутбука, без распечатки. Уровень техники и программного обеспечения в Великой Империи вполне позволяет воспользоваться той же связкой, конечно же. Однако, парадоксально низкий уровень информатизационной вовлечённости всех слоёв населения ВИ влияет даже на тех, кто с этими технологиями соприкасается достаточно плотно и, в общем-то, «в теме». Кстати, если вы сейчас думаете, что мы типа продвинутые и нас обошла чаша сия, предлагаю вспомнить про работу офисов, где каждый день изводятся сотни листов бумаги просто для того, чтобы поставить на них подписи и печати. Хотя весь документооборот уже несколько лет полностью электронный, включая составление и отправку налоговых деклараций.

29

Великоросский административный Округ Великой Империи по большей части территориально соответствует европейской части России.

30

Многие считают началом белых ночей в Санкт-Петербурге 25–26 мая, а концом — 16–17 июля (с) Wikipedia

31

«Вэ-у» (ВУ) — взрывное устройство, устойчивое сокращение, применяемое в полицейских протоколах.

Собственно, современные городские телефонные линии в нашей реальности, что в России, что в Европе, что в Америке, тоже построены по той же столетней давности технологии. Хорошую защищённость от прямого прослушивания дает только цифровая связь — например, IP-телефония или GSM, но, как ни странно, старые системы всё равно устраивают подавляющую часть пользователей услуг стационарной проводной телефонии.

33

ВэВэ, или если в записи, ВВ — принятое в армии и полиции сокращение «взрывчатое вещество», взрывчатка.